ВЕЧЕРНІЕ ЧАСЫ,

или

ДРЕВНІЯ СКАЗКИ СЛАВЯНЪ

ДРЕВЛЯНСКИХЪ.

ЧАСТЬ III.

МОСКВА

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,
1788.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ВЕЧЕРЪ XXV.

Окончаніе Сказки о Доброгнѣвѣ.

Остроилъ, надоумленный мудрою бѣлкою, пошелъ въ палаты съ намѣреніемъ воспользоваться ея совѣтомъ. Гдѣ вы пропадали? (сказала *Циклоида*, когда онъ вошелъ) Я находилась въ безпокойствѣ. Онъ извинился, какъ случилось; разговоръ сдѣлался общій, отужинали, и вставая изъ за стола, волшебница сдѣлала знакъ, что она желаетъ остаться на единѣ. *Остроилъ* такъ же какъ и другіе пошелъ было; она удержала его. Я отослала всѣхъ только за тѣмъ (сказала она съ ласковостію), чтобъ свободнѣе разговаривать съ вами. Онъ отвѣтствовалъ на сію бла-

БИБЛІОТЕКА

благосклонность почтительнымъ поцалуемъ руки ея. Ну! (продолжала волшебница) размышлялиль вы о томъ, въ чемъ имѣла я слабость вамъ открыться? — Это столько для меня лестно, сударыня, (отвѣчалъ онъ) что я не могъ ни о чемъ другомъ думать. Я очень довольна таковымъ отвѣтомъ (сказала она), и позволяю вамъ засвидѣтельствовать ваше признаніе. Онъ осмѣлился къ сей вольности, какъ бы человѣкъ чувствительной, сталъ на колѣно, и далъ волшебницѣ поцалуй довольно пламенной, чтобъ могла она увѣриться объ его страсти. Сей родъ признанія произвелъ огнь, оживившій *Остроиловы* взоры. *Циклоида* то примѣтила и была обольщена; словомъ сказать, *Остроилъ* совершилъ сіе первое вступленіе какъ человѣкъ свѣтской, и такъ искусно, что волшебница не могла имѣть никакого подозрѣнія.

Надлежитъ пропустить разговоры ихъ, которые очень трудно выразить и которые можетъ быть не слишкомъ забавны. Волшебницы нынѣ всему свѣту не извѣстны; ихъ рѣчи, образъ любовнаго обхожденія, средство, коимъ изображали онѣ страсть свою, имѣютъ характеръ столь необыкновенной, что начертаніе оныхъ весьма походить будетъ на дымъ вообразительной силы: естьли бы взяться описать то общество, не взирая на свою прозорливость, подумаетъ, что я залетѣлъ подъ облака: между тѣмъ какъ бы я ни описывалъ

кромѣ

кромѣ естественности, хотя поистиннѣ весьма странной, но справедливой. Довольно будетъ упомянуть къ объясненію сей повѣсти, что волшебница, надѣлавъ множество обязательныхъ вопросовъ *Остроилу*, и не выслушивая его отвѣтовъ, позволила ему имѣть честь препроводить ночь съ нею. По опущеніи занавѣсовъ вся пышность волшебницына исчезла, дабы оставить свободное мѣсто ея нѣжности. Непріятные опыты, которые она уже извѣдала, дали ей разумѣть объ обстоятельствахъ, и она дѣлала чудеса. Но проклятые волосы изъ хвоста *Малущина* не потеряли своей силы! Тщетно бодрствующій *Остроилъ* старался исправиться; онъ упадаетъ изъ обморока въ обморокъ: непреоборимая преграда находилась между имъ и ея желаніями; его рвеніе, терпѣніе волшебницыно, подаваемая ею помощь, были слабы противу невидимаго препятствія. Все слѣдствіе состояло лишь въ томъ, что оба они какъ бы нарочно заснули, и проспали до утра. Пробудясь, расстались они по отправленіи новаго покушенія, столькожъ неудачнаго.

Во весь послѣдовавшій день *Остроилъ* старался напрягать всѣ силы своего разума, чтобы не показаться унывнымъ; а *Циклоида* безпрестанно бросала на него страстные взоры, увѣряясь, что вскорѣ достигнетъ мѣты своего благополучія, и обнадежившись понятіемъ о своемъ могуществѣ,

 на-

надѣлала съ двѣсти глупостей, которыя могли бы открыть всѣмъ ея служителямъ о ея слабостяхъ, естьли бы оныя съ своей стороны не гордились тѣмъ, что могутъ во всемъ подражать ей. Ночь настала, сѣли ужинать, и *Остроилъ* ѣлъ почти столь же исправно, какъ и волшебница. Обстоятельство сіе замѣчено съ хорошей стороны; онъ получилъ привѣтствія отъ всѣхъ вышнихъ и нижнихъ чиновниковъ *Циклоидиныхъ*. Въ тотъ вечеръ не было балу, всѣ разошлись, и нетерпѣливая волшебница очутилась наконецъ въ объятіяхъ *Остроиловыхъ*. Но всѣ дни и всѣ ночи совершенно походили другъ на друга въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Волшебница разсуждала, и брала прибѣжище ко всѣмъ способамъ своего искусства; ничто не помогало. *Остроилъ* безпрестанно нещастливый, съ твердымъ постоянствомъ и удивительною легкостію начиналъ танцы, кои имѣлъ онъ честь проплясывать съ волшебницею; но ступивъ два, или три шага, ноги его столько отягощались и слабѣли, что не могъ онъ тронуться съ мѣста. Онъ возлагалъ свое нещастіе на *Циклоиду*, которая, съ своей стороны бывъ увѣрена о дѣйствительности своихъ прелестей, обвиняла его единственно. Вышедъ наконецъ изъ терпѣливости къ сношенію далѣе личныхъ себѣ оскорбленій, рѣшилась удовлетворить себя, во что бы то

ни

ни стало. Она изъ гордости къ своему достоинству заключила, что все можетъ учинить силою своего волшебства; въ семъ намѣреніи въ одно утро оставивъ свой замокъ, полетѣла въ гости къ *Хаусту* духу, старинному своему другу, въ остроуміи, глубокомъ свѣденіи и силѣ котораго уповала она найти какую нибудь помощь.

Хаустъ былъ духъ заслуженной, довольно пожившій въ свѣтѣ: и по тому весьма обо всемъ свѣдущій и искусившійся. Наскучивъ происками придворными, отяготясь странными лицами, которыя онъ играть былъ принужденъ, оставилъ свѣтской шумъ, и превратясь въ крысу, провождалъ спокойно дни свои въ самой красивѣйшей жемчужной раковинѣ. *Циклоида* для лучшаго пріобрѣтенія его благосклонности, принесла ему въ рукѣ кусокъ сыру. Духъ сей, увидѣвъ ее, съ вѣжливостію приподнялъ хвостъ свой, и спрашивалъ, въ чемъ онъ можетъ быть ей полезенъ. Она разсказала ему подробно свое приключеніе, кромѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя въ основаніи не весьма выгодны казались для ея прелестей, и о которыхъ сочла она за нужное умолчать.

Я разумѣю вашу нужду (сказалъ духъ послѣ того, какъ она говорить перестала); вы имѣете причину, похожденіе очень досадное. Возможно ли! столько времяни!

 это

это неестественно. . . . Но между тѣмъ я думаю, что не вы тому причиною —— О! конечно (отвѣчала волшебница) не отъ меня зависѣло —— Охъ! я не о томъ говорю, что не отъ васъ зависѣло, сказалъ духъ. Но никогда, говорите вы; вотъ, что чудно! Я чрезмѣрно знающь въ таковыхъ случаяхъ, и не рѣдко удавалось мнѣ помогать. Уповаю, что вы наслышались довольно отъ нашихъ старыхъ волшебницъ, я бывалъ духъ щастливой. Но что вы думаете? меня не слушивались, думали безъ меня обойтись. Чтожь слѣдовало? Всегда до меня доходило. Я находился тогда подъ имянемъ духа свѣтскаго, то есть должно признаться, что былъ гораздо другихъ смѣшнѣе. Это считалось тогда за превосходство; всѣ женщины хохотали, и всѣ молодчики двора *Обрадина* мнѣ подражали, перенимали мои пѣсенки, и не казались любви достойными, естьли не старались подобиться мнѣ. Я довольно имѣлъ остроты, чтобъ не чувствовать ихъ и моихъ собственныхъ глупостей; но я разумѣлъ по крайней мѣрѣ, что благоразуміе при Дворѣ состоитъ въ томъ, чтобъ только казаться благоразумнымъ, и пріобрѣтать себѣ похвалы, коимъ обыкновеніе приписываетъ пріятныя названія. Благодаря дурачеству волшебницъ моего времяни, я бывалъ богатырь въ любви; мои восло-

кищ-

житства оживлялись щегольствомъ разительнымъ; я игралъ чувствительнаго лучше всѣхъ на свѣтѣ; я бывалъ попеременно нѣжнымъ, страстнымъ, шутливымъ, услужливымъ, и всегда измѣнникомъ; разумъ мой со дня на день становился пріятнѣе; но волшебницы, весьма привязанныя къ существенности любовной, утомили меня. Я считалъ себя невозвратно погибшимъ. При первомъ случаѣ притворился я шутливымъ, хотя сначала и приходилъ отъ того въ трепетъ. Выдумка сія была весьма удачна. Заключили объ моей слабости, когда я находился въ достаточной силѣ; уваженіе, которое тогда ко мнѣ всѣ имѣли, возрасло отъ самаго того средства, отъ коего бы мнѣ упасть надлежало; шутливость моя найдена прелестною, и начали мнѣ подражать. Съ того времяни вошло въ честь представлять себя изнеможеннымъ. Въ первомъ цвѣтѣ молодости надлежало объявлять себя истощеннымъ; другія ухватки считались никуда годными. Однако я понимаю изъ вашихъ словъ, что съ того времяни, какъ удалился я отъ Двора, обстоятельства весьма перемѣнились. Но это конечно возобновится; будете съ этой стороны спокойны. —

Ваша длинная проповѣдь мало приноситъ мнѣ отрады (сказала наконецъ вол-

шебница, утомясь слушать бредни престарѣлаго духа]; я вижу, что духи, равно какъ и человѣки становятся глупѣе; побочности, а особливо сего рода, дѣлаютъ ихъ ненавистными. Но какъ вы думаете, слабость *Остроилова* не исцѣлима? Это жалко, ахъ, очень жалко! Я согласенъ (подхватилъ духъ) въ этомъ произшествiи; оное поистиннѣ должно чрезмѣрно трогать волшебницу. — Чтожъ присовѣтуете вы мнѣ сдѣлать? (сказала *Циклоида*) я требую вашей помощи, и увѣрена, что вы можете мнѣ подать оную; нѣтъ ли какого средства? — Есть, я думаю самъ какъ бы лучше, сказалъ духъ. Вѣдь онъ молодъ? такъ ли? — Очень молодъ (отвѣчала она). Это заслуживаетъ вниманiе. Естьли бы дать ему побывать въ рукахъ женщины, которую онъ любитъ — Но онъ и меня любитъ страстно, подхватила *Циклоида* съ жаромъ]. Тебя? нѣтъ! [сказалъ духъ съ холодностiю] — Все меня въ томъ увѣряетъ [говорила она], притомъ же я сто разъ слыхала отъ нашихъ старыхъ волшебницъ, что дѣйствiе любви . . . излишнiй жаръ. — Все это враки [подхватилъ съ жаромъ сей чистосердечной духъ], повѣрь моему слову. По этому у тебя значитъ дѣйствiе любви то, что учинило слабымъ покойнаго твоего *Частохвата*? Поди ты прочь! Я лучше другихъ это знаю.

Слабая

слабая это, и не къ мѣсту употребляемая оговорка, и дураки, которые тому вѣрятъ. Что надлежитъ до воображенія вашего объ нѣжности къ вамъ *Остроиловой*, будьте благонадежны, что онъ васъ обманываетъ; или я скотъ! Я провѣщаю вамъ, что онъ больше прежняго занятъ этою маленькою Царицею Трантараранскою. . . . Не по тому, чтобъ она была васъ лучше, великая въ томъ разнота; но молодыя люди очень странны. . . . Не сомнѣвайтесь [продолжалъ онъ], ежели эта *Доброгнѣва* не возвратитъ вашего *Остроила* къ жизни; я торжественно объявляю, что онъ мертвъ навѣки. . . Э! вотъ и часъ моего обѣда [сказалъ онъ, сдѣлавъ маленькой поклонъ]: я столько принудилъ себя для васъ: я опредѣлилъ никогда не разстроивать родъ моей жизни, и для всѣхъ волшебницъ на свѣтѣ не намѣренъ ни минутою позже обыкновеннаго обѣдать. Прощай. Сказавъ сіе, влѣзъ онъ въ свою раковину; а волшебница возвратилась въ свой замокъ.

Слова *Хаустовы* занимали ее во всю дорогу; оныя произвели въ ней мысль, понравившуюся ей не для чего инаго, что была оная странная. По прибытіи въ замокъ опредѣленіе уже было готово; разумно, или глупо, но она какъ волшебница, рѣшилась оному послѣдовать. Она призвала *Остроила*,

и

и голосомъ, изображающимъ все ея могущество, объявила ему, что она принуждена удалиться отъ него на нѣсколько дней, чтобъ онъ ни о чемъ не безпокоился; потому что всѣ придворные ея будутъ стараться предварять всякія его желанія, и что онъ вскорѣ отъ нее получитъ извѣстіе. По симъ словамъ она исчезла.

Циклонда, оставивъ его, прибыла ко Двору Трантараранскому. Она нашла его въ великой перемѣнѣ: всѣ при ономъ находящіяся чувствовали скуку, печаль и уныніе. Время, опредѣленное законами для избранія Царя приближалось, и печаль постоянной *Доброгнѣвы* ежедневно умножалась. Помышленіе о учиненіи выбора, обязаться клятвами, и отдаться на всю жизнь кому нибудь, кромѣ *Остроила*, составляло для нее несносное мученіе, представляющее всю жестокость свою, ожидаемую въ послѣдствѣ; чувствованіе утѣхъ казалось навсегда оставившимъ ея сердце; и пучокъ цвѣтовъ, поднесенный ей *Остроиломъ*, доставляя ей единственную отраду въ мученіяхъ, чуднымъ нѣкоторымъ разсѣяніемъ, производимымъ можетъ быть любовію, учинилъ ей всѣхъ придворныхъ ея несносными.

Помощію розъ, сего удивительнаго пучка, утѣшалась она часто, какъ только позволяло ея званіе имѣть свободныя минуты,

ты, дѣлаться невидимою. Тогда находясь сама съ собою, и бывъ освобождена отъ докукъ своихъ любовниковъ, безпрепятственно разсуждала о вѣрсломномъ, о легкомысленномъ и весьма любовномъ *Остроилѣ*. Извѣстное дѣло, что въ таковые дни Дворъ представлялъ пустыню; одни поспѣшно оттуда скакали на ужину въ распутные домики, и провождали ночь, увѣряя себя, что они повеселились и утопали въ утѣхахъ. Другіе разливались, какъ быстрый потокъ по домамъ въ городѣ, и вымѣщали скуку, которой преданы были во Дворцѣ; они назначивали свиданія, чтобъ не попасть въ часъ, и спѣшили на другое, гдѣ появлялись самыми послѣдними. Нѣкоторые изъ нихъ разрывали знакомство; за тѣмъ, чтобъ показавъ нѣчто значущій видъ просидѣть запершись у себя въ домѣ. Были и такіе, но крайнѣ рѣдко, кои вдавались крайности посѣщать собственныхъ женъ своихъ. Одни только госпожи старыя, благоразумныя, и оставленныя, пребывали во Дворцѣ, и для подражанія своей Царицѣ, приказывали своимъ придверникамъ не сказывать о себѣ, что они дома.

Доброгнѣва, бывъ въ одинъ день унывнѣе обыкновеннаго, обратилась къ своимъ цвѣткамъ. Она пожелала учиниться невидимою; между тѣмъ цвѣтокъ померанцовой

упалъ

упалъ къ ней на руку; нечувствительно положила она его въ ротъ, и въ задумчивости разжевала.

Трудно изобразить тѣ разительныя черты просвѣщенія, кои въ то мгновеніе ока коснулись ея разума. Врожденный добрый вкусъ былъ основаніемъ склонности ея къ *Остроилу*. Похвальныя свойства, кои тогда усмотрѣла она въ немъ, помогли любви убѣдить ея душу. Вообще все, что ни составляло сего дражайшаго любовника, казалось ей всегда отвратительно; но недоставало еще справедливаго разума въ сравненіи всего того, что не касалось до любви ея. Вкусъ ея не раскрылся еще совершенно; она не ощущала еще истинной цѣны вещей. Цвѣтокъ померанцовой разлилъ сіе неоцѣненное познаніе вдругъ во внутренностяхъ души ея. Казалось ей тогда, что она нечаянно перенесена была ко Двору иностранному; взоры ея отпирались отъ всѣхъ предметовъ: оные казались имъ незнакомыми; и въ самомъ дѣлѣ оные всегда представлялись ей сторонами весьма одна отъ другой отличными. Но тогда всякіе роды ослѣпленія исчезли. Обычай, нравы, природа, добрая слава, показались глазамъ ея въ существенности; ничто не покрывало прямаго ихъ состоянія. Человѣки оцѣнились строго по мѣрѣ достоинства ихъ и добродѣтелей.

Вкусъ нравиться престалъ казаться въ ея воображенiи невинностiю, изобрѣтенною для придаянiя новой цѣны дарамъ природы. Оный показался ей порокомъ душевнымъ, питаемымъ глупымъ тщеславiемъ, и удобнымъ испортить сердце, не возмогая онаго удовольствовать. По необходимому слѣдствiю она не нашла уже въ женщинахъ Трантараранскихъ, кромѣ нелѣпости, вмѣсто разума, который развращенiе понуждало дѣйствовать подъ видомъ любви. Молодые господчики представилися ей существами, только одну поверьхность имѣющими, оживляемыми движенiемъ, уподобляющимся машинѣ, а не разумомъ. Забавныя сказочки и шуточки *Алмазовы* потеряли всѣ свои прелести: кромѣ несносной гордости ихъ прикрывающей, усмотрѣла она въ нихъ скучныя промежки, коихъ все достоинство состояло въ памяти худо прикрашенной и наносящей скуку.

Легко угадать, что безполезной *Пустозвякъ* былъ оцѣненъ въ настоящую свою мѣру. Достоинство его непосредственно поставлено пониже искусной женщины. Его разумъ, способный для изобрѣтенiя модъ, показался подобнымъ неловкой шуткѣ, которая не заслуживаетъ и того, чтобъ посмѣяться; а его забота собирать и разносить новыя вѣсти должностiю торговки,

уда-

удобною увеселять однихъ посадскихъ бабъ испорченнаго вкусу.

Искусство *Тюльпаново* во всѣхъ играхъ было отнесено безъ пощады къ посредственности ума, столькожъ отяготительной, какъ и глупость, которая не позволяетъ ему опричь сего бѣднаго средства, дабы быть сноснымъ для общества. Видъ его столько прославленной, найденъ отвратительнѣе самаго безобразія; чтожъ касается до его жалкой бандоры, оная опредѣлена имѣть честь забавлять народъ въ прихожихъ комнатахъ.

Проницательное око Царицыно поступило еще строжѣе съ дарованіями высокопарнаго *Кузнечика*. Она присудила, что оныя были не у мѣста; она вѣдала, что человѣкъ съ достоинствами долженъ конечно любить, поощрять и покровительствовать дарованія; но тѣ, коими славился *Кузнечикъ*, надлежало бы оставить тѣмъ рѣдкимъ, полезнымъ и почтеннымъ, но нещастнымъ особамъ, кои осуждены служить къ забавѣ всенародной.

Дарованія разума, сіи лучи свѣта возвышающаго душу, которыя учиняютъ человѣка способнымъ заступать съ достоинствомъ важнѣйшие чины, казались Царицѣ единственно заслуживающими, чтобъ занимались тѣмъ вельможи ея государства. Она взирала на сіе какъ на щастливый источникъ всѣхъ полезныхъ познаній, изъ плодовитости ко-

коего истекаетъ просвѣщеніе народное, которое есть достовѣрнымъ основаніемъ величія, изобилія и силы Государственной.

Но сколько она изумилась, когда усмотрѣла, что сіи почтенныя дарованія обыкновенно обитали, почитались и дѣйствовали въ человѣкахъ простыхъ и неизвѣстныхъ, замѣшанныхъ въ толпѣ, отъ Двора мало уважаемой, лишенныхъ щастія, служащихъ забавою своенравія, или худаго вкуса общенароднаго, терзаемыхъ завистію, пренебрегаемыхъ щастливыми глупцами; но твердыхъ посреди гоненія, спокойныхъ въ объятіяхъ нещастія, непоколебимыхъ въ величайшихъ напастяхъ, утѣшенныхъ и можетъ быть благополучныхъ чрезъ науки, достойныхъ лучшей участи, и имѣющихъ Философическія чувствованія!

Таковое открытіе тронуло сердце нѣжной *Доброгнѣвы*; она огорчилась, видѣвъ сіе несправедливое раздѣленіе щастія, и вознамѣрилась по воспріятіи возжей правленія Государственнаго, исправить оную погрѣшность столько же странную, сколько безчестящую отечество.

Простирая вдаль взоры свои, усмотрѣла она открытою сію преогромную машину, кою называютъ правленіемъ, всѣ ея пружины, недостатки, обманчивости, пренебреженіе дѣйствующихъ прекраснѣйшими и

полезнѣйшими законами - - - -
- - - - - - - - -
- - - - - - - - -

„Въ семъ мѣстѣ, сказалъ *Уклонъ*, не
„находится болѣе ста страницъ въ томъ
„сочиненіи, изъ коего занялъ я сію Сказку.
„Стихотворецъ, хозяинъ этой старинной
„тетрадки, сказывалъ мнѣ, что онъ не
„старался дополнить недостающаго, опаса-
„ясь навесть скуку, или можетъ быть вмѣ-
„сто полезнаго наставленія навлечь неудо-
„вольствіе. — За тѣмъ подлинникъ про-
„должается тако:

Одна только корысть самовластно го-сподствуетъ надъ всѣми человѣками. Изъ сего правила *Доброгнѣва* заключила, что можетъ она достовѣрно возстановить доброй порядокъ въ обществѣ, предуставивъ отличныя награжденія добродѣтели и жестокое наказаніе порокамъ, такъ чтобъ подданные ея усмотрѣли явную корысть въ томъ, чтобъ стараться быть добродѣтельными. . . . О намѣреніе! достойное великой души и невозможное для смертной! сказалъ *Славоміръ*. Сколько бы человѣкъ ни проницателенъ, ни безпристрастенъ былъ, но трудно ему познать прямый порокъ и истинную добродѣтель. Сколько встрѣчь, сколько обстоятельствъ, могущихъ злодѣя представить въ личинѣ добродѣтелей, и сама-

маго честнаго человѣка достойнымъ наказанія! Грабитель, разорившій тысячи семействъ, и высосавшій, такъ сказать, кровь ихъ, можетъ за чужія деньги купить себѣ одобреніе и получить награжденія за добродѣтель, между тѣмъ какъ въ существѣ заслуживалъ онъ висѣлицу. Наружный видъ предстателя его удобно можетъ сыскать довѣренность особы, раздающей награжденіе, и тогда прощай добродѣтель! —— А цвѣтки *Гориславины*, подхватилъ *Изборъ*. —— Да! цвѣтки; я забылъ объ нихъ. —— Мы скоро забудемъ объ ужинѣ, сказалъ *Уклонъ*; не прикажите ли на нынѣшней вечеръ оставить повѣсть для сего важнаго обстоятельства. *Изборъ*, которой не привыкъ ни въ чемъ ему отказывать, пошелъ въ столовую комнату.

ВЕЧЕРЪ XXVI.

Таковая же истинна водительствовала *Доброгнѣву* по всѣмъ видамъ, поражающимъ ея взоры, и съ того времяни каждая вещь означилась въ ея разумѣ по своему настоящему достоинству. Но повѣрятъ ли мнѣ, что она бывъ предводительствуема просвѣщеннѣйшимъ вкусомъ, бросила свой взоръ для по-

мѣщенія въ сердцѣ своемъ на мѣсто вѣрной своей *Анемоны*! женщины такой, которую разныя похожденія почасту учиняли предметомъ насмѣшекъ отъ придворныхъ?

Нѣтъ ничего правильнѣе вѣсовъ, на которыхъ вѣсятъ достоинства. Въ вихрѣ свѣтской жизни разумъ бывъ остановляемъ, разсѣяваемъ, порываемъ тысячею суетныхъ мѣлочей, имѣетъ ли время испытывать глубину характеровъ человѣческихъ? Оные обыкновенно судятся по нѣкоторымъ смѣшнымъ поверьхностямъ, и нѣжный полъ только по своимъ извѣстнымъ слабостямъ. Останавливаются на семъ первомъ впечатлѣніи; злонравіе онымъ увеселяется, и самолюбіе находитъ въ томъ свои росчеты. Между тѣмъ только дѣлая правильное сравненіе пороковъ съ добродѣтельми, смѣшнаго съ пріятнымъ, можно достигнуть до настоящаго оцѣненія вещи. Почтеніе становится сокровищемъ безполезнымъ, естьли относится оное только къ существамъ безпорочнымъ. Въ семъ случаѣ составляетъ оно долгъ; надлежитъ расточать оное собственно для тѣхъ, въ коихъ по испытанію сыщется больше добродѣтели, чемъ пороку.

Можно упрекать слабостію нѣжную *Опалу* (такъ называлась новоизбранная любимица Трантараранской Царицы); потому что не имѣла она искусства оную сокрыть. Родъ вѣро-

роломныхъ мущинъ безъ сомнѣнія былъ ей очень пріятенъ; но легкомысліе, непостоянство и измѣна *Алмазова*, произвели въ ней раскаяніе чистосердечное, помогшее ей возстановить себя. Рѣдкія свойства ея появясь, затмили погрѣшности, въ которыхъ ее обвиняли. Въ тогдашнее время во всѣхъ прочихъ придворныхъ женщинахъ находилось по своевольству разума заблужденіе силы воображительной, служившее имъ за правило. *Опала* же напротивъ казалась слабою по тому только, что получила отъ Небесъ душу чувствительную. Когда любовь представляла ей любовника достойнаго, она прилѣплялась къ нему. Ея весьма нѣжное сердце искало предмета, могущаго его наполнить, и находило только неблагодарныхъ, вѣтренныхъ и вѣроломныхъ; она исправилась не прежде, какъ искусившись. Всѣ прочія женщины славились своимъ непостоянствомъ; а она объ своемъ воздыхала. Вкусъ ея къ утѣхамъ меньше былъ живъ того, которой склонялъ ее къ любви. Словомъ сказать, одно чувство привело ее въ заблужденіе, но самая причина заблужденія ея была достойна почтенія.

Опала наконецъ была способна къ постояннѣйшему дружеству. Не можно было укорить ее никакимъ родомъ худаго поступка, а хорошихъ видимо было въ ней множество. Чувствительная къ нещастіямъ ближнихъ,

жнихъ, не могла она успокоиться прежде, пока не получала надежды, что можетъ подать имъ отраду. Бывъ весела, жива, любезна въ обхожденіи, просвѣщена, неутомима для друзей своихъ, умѣюща скрывать ихъ пороки, всегда щедрая, никогда незлословящая, могла она считаться за женщину добродѣтельную. Она была такова въ самомъ дѣлѣ.

Когда *Алмазъ* безчестнымъ образомъ ее оставилъ, не избрала она прибѣжища для разогнанія огорченія своего ни къ какимъ нелѣпостямъ, кои были употребительны въ таковыхъ случаяхъ при Дворѣ Трантарарайскомъ. Гордость не принудила ее прикрыть скорьбь свою видомъ легкомыслія и вѣтрености; она осмѣлилась показываться печальною среди большаго свѣта, но не являя себя злочастною, и не предаваясь съ досады въ непостоянство.

Такова была *Опала*. Взоры *Доброгнѣвины* съ перваго взгляду познали цѣну ея достоинства. Дружество предупредило ее въ пользу ея, и ей-то открыла она свою душу, съ нею разговаривала объ своей печали, и предалась услажденію полной довѣренности; она нашла въ ея сердцѣ сострадание къ своему мученію, а въ ея разумѣ совѣты, помогшіе сносить оныя, не предаваясь отчаянію.

Опа-

Опала знала отъ самой *Амаранты* всю истинну приключенія ея съ *Остроиломъ*; она разсказала о томъ подробно Царицѣ, и оправдала его въ семъ первомъ преступленіи. Стараясь объ его пользахъ, безъ всякаго въ томъ намѣренія для самой себя, и единствено по тому, что находила его любви достойнымъ, увѣрила она Царицу въ нѣжныхъ своихъ къ ней чувствованіяхъ. *Доброгнѣва* возвратила въ сердце свое нѣжную довѣренность: тогда всѣ источники разума ея открывали лучи надежды, оживляющей любовь ея; и въ невозможности, въ которой находилась она учинить выборъ сообразный видамъ волшебницы *Обрады*, рѣшилась признаться ей, что одинъ только *Остроилъ* всегда владѣетъ надъ ея сердцемъ.

Царица въ самомъ дѣлѣ находила, что ни одинъ изъ окружающихъ ея любовниковъ недостоинъ былъ раздѣлять съ нею корону. Время истекало; *Остроилъ* находился въ отсутствіи, и можетъ быть не вѣренъ; но пороки совмѣстниковъ его представлялись ясно очамъ прозорливой *Доброгнѣвы*, и тщетно искала она въ нихъ какой нибудь добродѣтели. Одинъ изъ нихъ довольно пріятнаго вида, мало собою блистающій, воздержный, имѣющій добрый смыслъ безъ пристрастія, разумъ не стараясь оный выказывать, рѣдко показывающійся при Дворѣ,

почитаемый только *Анемоною*, почувствовавшій начало къ ней страсти, когда она изъ Дворца пропала, и готовящійся открыться въ томъ предъ нею, когда она опять сыщется; одинъ сей человѣкъ (говорю я) выдержалъ опыты цвѣтка померанцоваго, не утративъ ни единаго своего достоинства въ понятіяхъ о себѣ *Доброгнѣвиныхъ*. Всѣ сравненія были въ его пользу, и походило на то, что естьлибъ *Остроилъ* съ *Анемоною* пропали невозвратно, *Сафиръ* (такъ онъ назывался) предпочтенъ бы былъ отъ Царицы всѣмъ прочимъ придворнымъ.

Въ таковомъ состояніи находились Дворъ Трантараранской, и сердце *Доброгнѣвино*, когда *Циклоида* оставила свой замокъ. По прибытіи во Дворецъ, и увидѣвъ печаль любви достойной Царицы, сія волшебница почувствовала лютую радость, которая побѣдила собственную ея грудь. Чемъ больше совмѣстница ея была нещастлива, тѣмъ больше находила удовольствія ея ненависть; *Доброгнѣвины* мученія, тоска и унынія разливали въ душѣ ея движеніе утѣхи.

Доброгнѣва, какъ Царица Трантараранская, находилась подъ особливымъ покровительствомъ великомочной *Обрады*. *Циклоида*, подверженная сей волшебницѣ, принуждена была, какъ легко догадаться можно, скрывать искусно намѣренія, въ противъ

шивность ея производимыя; все, что она доселҍ ни сдҍлала, учинено было съ прекрайнею осторожностію. Долго дожидалась она понапрасну выходу Царицына; она започивалась болҍе обыкновеннаго; а мученія, претерпҍваемыя отъ собственной любви своей возпрепятствовали ей заснуть. Въ семъ бодрствованіи *Циклоида* подслушала условіе *Гіацинты*, прекраснҍйшей и щеголеватой придворной госпожи, съ *Тюльпаномъ*. Волшебница была предупреждена въ пользу сего молодаго господина. Видъ его, не извҍстно по чему, подалъ ей высокое мнҍніе о свойствҍ любви его; и когдабъ только не подвержена она была страсти къ *Остроилу* противу воли своей, онъ немедленно заступилъ бы въ сердцҍ ея мҍсто покойнаго *Частохвата*.

Гіацинта была въ чести; что пріумножало славу *Тульпанову*. Она была изъ тҍхъ острыхъ головъ, коимъ удивляются; имҍла тҍ правильныя черты, кои уважаются, и такую живую краску въ лицҍ, которая ослҍпляетъ и принуждаетъ мущинъ къ обожанію; она пріобрҍла бы все то, естьлибъ видъ ея не внушалъ больше желанія къ сладострастію, чемъ любви. Никогда еще не видано женщины столь слабой. По случаю, весьма странному въ Транзараранҍ, имҍла она мужа столькожъ ревни-

живаго, сколько мало способнаго утвердить характерЪ своей супруги. ТаковымЪ образомЪ для домашняго покоя, и чтобЪ не утратитЪ забавЪ своихЪ, заключила она не имѣть ни сЪ кѣмЪ порядочнаго обязательства. Ежедневно новымЪ выборомЪ наполняла она порозжія мѣста любовниковЪ. СупругЪ ея, ослѣпленный таковою ея хитростію, ничего не подозрѣвалЪ и препровождалЪ дни свои вЪ покоѣ; а жена его безЪ обязательствЪ, безЪ всякихЪ оковЪ, вкушала безопасно всѣ услажденія роскоши. *ТюльпанЪ* попался вЪ очерядь того дня. *Циклоида*, находясь невидимою близь ихЪ, не пропустила ни слова изЪ условія. КакЪ волшебница благоразумная, не имѣя лучшаго, чемЪ заняться, и увѣренная, что тайна ея останется навсегда скрытою, рѣшилась она возпользоваться онымЪ приключеніемЪ. Когда *Гіацинта* удалилась вЪ свои покои, она слѣдовала за нею и вошла вЪ спальню. ТутЪ услышала она приказЪ ея, горничной вѣрной служанкѣ впустить вЪ потьмахЪ безЪ шуму особу, которую найдетЪ она у садовыхЪ дверей. Послѣ того она легла вЪ постель, и огнь по обыкновенію, введенному вЪ томЪ домѣ, вынесли вонЪ. Волшебница тогда коснулась своею палочкою до головы *Гіацинтиной*: повергла оную чрезЪ то вЪ крѣпкой сонЪ, вынесла вЪ другую комнату

и легла на мѣсто ея. Чрезъ нѣсколько времяни двери тихо растворились, и *Циклоида* ощутила себя въ объятіяхъ дѣтины. Не было тутъ никакихъ предисловій, дѣло шло порядкомъ, и *Тюльпанъ* показался волшебницѣ человѣкомъ удивительнымъ; онъ подалъ ей о себѣ превосходнѣйшія понятія, нежели чемъ могла она льститься отъ своего прекраснаго *Остроила*. Сладкой сонъ послѣдовалъ сему, и по пробужденіи не нашла она никого, съ кѣмъ бы раздѣлить время. Она перенесла *Гіацинту* на свое мѣсто, и съ удовольствіемъ о своемъ щастіи помчалась во Дворецъ для исполненія другаго своего намѣренія. Надлежитъ однако сказать, что волшебница сія обманулась въ заключенномъ почтеніи своемъ къ *Тюльпану*. Онъ обманулъ *Гіацинту*, и по своенравію судьбы попался въ другое мѣсто; онъ ночевалъ у жены нѣкотораго подьячаго, пригожей и рѣзвой. Онъ мало думалъ о благосклонности *Гіацинтиной*, но между тѣмъ не хотѣлъ уронить своей чести; и чтобъ не упустить ни того ни другаго, взялъ онъ прибѣжище свое къ Ражему жрецу, котораго не рѣдко въ таковыхъ случаяхъ призывалъ на помощь. Его-то отправилъ онъ вмѣсто себя, подтвердивъ ему меньше говорить, чемъ дѣйствовать, и въ его-то объятіяхъ очутилась восхищенная *Циклоида*:

Жрецъ

Жрецъ усыпивъ ее, ушелъ потихоньку, и дома у себя вымѣщалъ крѣпкимъ сномъ понесенное бодрствіе.

Волшебница, вошедъ во Дворецъ, узнала, что Царица всю ночь не могши заснуть, тогда лишь започивала. Обрадованная сею вѣдомостью, побѣжала она къ ней, и приклонивъ ухо, извѣдала, что *Доброгнѣва* въ самомъ дѣлѣ спитъ. Немедленно прочитала она надъ головою ея нѣкоторыя таинственныя слова; поспѣшно приняла на себя ея образъ, и полетѣла въ свой замокъ съ чрезмѣрною быстростію. Пробѣгая сады свои, увидѣла она *Остроила*, лежащаго въ уныніи на берегу того водовода, гдѣ подъ видомъ *Анемониным* прельщала она его заразительною роскошью. Хотя она была невидима всемъ свѣтомъ, но очарованіе не касалось глазъ ея; она увидѣла въ водѣ, наполняющей водоводъ, тотъ образъ, которой приняла для исполненія своего намѣренія. Не взирая на предразсудки самолюбія, почувствовала она при семъ случаѣ, сколько опасна для нее ея совмѣстница; она разсмотрѣла черты ея съ злобою, внушаемою отъ ревности; но увидѣла притомъ съ нѣкоторымъ отчаяніемъ, что и самая печаль придаетъ ей особливую красоту.

Циклоида окончала испытаніе сіе вздохомъ, и учинясь видимою, приближилась къ *Остро-*

Остроилу. Отъ шороха ногъ ея бывъ возбужденъ изъ задумчивости, онъ оглянулся. Каковое было его изумленіе, восхищеніе и щастіе, когда увидѣлъ онъ свою возлюбленную *Доброгнѣву*! Онъ бросился къ ногамъ ея, пребывалъ неподвиженъ, и его нѣжныя воздыханія, страстные взоры, слезы, исторгаемыя радостію, выражали всю жестокость его къ ней любви.

Ревность, и все оной бѣшенство, проникли въ часъ тотъ сердце лютой волшебницы. Естьли бы не удержала она неистовства своего, волнующаго душу ея, кинжалъ тотчасъ бы отмстилъ неблагодарному ея любимцу и соперницѣ, ею ненавидимой; но корысть, которую ничто преодолѣть не можетъ, удержала ее, и она пожертвовала ревностью услажденію, ожидаемому ею въ своей страсти.

Я знаю (сказала она съ нѣжностію и чистосердечіемъ, свойственнымъ голосу настоящей *Доброгнѣвы*), что ты былъ жертвою немилосердаго очарованія; и меня увѣрили въ то же самое время, что только одна я могу тебя освободить отъ онаго. Я не скрываю болѣе, что имѣю столькожь любви къ тебѣ, сколько оказываешь ты оной ко мнѣ; почему не раздумала я притти сюда. Я не вѣдаю однако, что надлежитъ мнѣ дѣлать: естьли ты объ этомъ

вѣдаешь, или можешь выдумать, скажи, я не откажусь ни отъ чего для твоей помощи, что только отъ меня зависитъ; но поспѣшай: надлежитъ предварить тебя, что мнѣ не позволяется больше двухъ часовъ пробыть здѣсь.

Великодушная *Доброгнѣва*! (отвѣчалъ *Остроилъ*, находящійся внѣ себя) я забываю объ моемъ отчаяніи, ставъ преисполненъ радостію. Возможно ли! вы принимаете участіе въ судьбѣ моей? Правда ли то, что я для васъ непротивенъ? Ахъ! мое признаніе . . . любовь, которую къ вамъ имѣю —— Въ сіе мгновеніе часы его начали звѣнѣть такъ крѣпко и продолжительно, что онъ вдругъ умолкъ, а волшебница изумясь, пришла въ смятеніе. —— Что значитъ сей странной звукъ? сказала она. Часы сіи заключаютъ какое нибудь таинство! Я хочу узнать; не ужь ли ты мнѣ откажешь? —— Могу ли я имѣть отъ васъ какую нибудь тайну? (отвѣчалъ онъ) часы сіи подарены мнѣ отъ волшебницы *Гориславы*. Они звѣнятъ лишь въ то время, когда я хочу сказать какую нибудь глупость; но съ того времяни, какъ нахожусь я въ этомъ проклятомъ замкѣ, они такъ разстроились, что больше двадцати разъ начинали звѣнѣть такъ же не кстати, какъ и теперь. Я хотѣлъ сказать, что васъ обожаю! за чемъ

они

они меня остановили? Я увѣренъ въ томъ, что нѣтъ на свѣтѣ благоразумнѣйшаго любви моей къ *Доброгнѣвѣ*. — Но ваши часы (сказала волшебница, приходящая въ досаду отъ словъ его) можетъ быть имѣютъ справедливую причину. Время на примѣръ намъ дорого, а вы тратите оное въ безполезныхъ разговорахъ: глупо говорить, когда надлежитъ дѣйствовать.

Но что дѣйствовать? (сказалъ *Остроилъ*) Я знаю лишь то, что я нещастнѣйшій изъ смертныхъ. Мои нещастія такого роду.... — О небо! (подхватила волшебница) какъ бы сыскать средство къ прекращенію оныхъ? Я такъ же, какъ и ты, не вѣдаю; но какъ по видимому твое нещастіе состоитъ въ томъ, что удерживаютъ тебя въ семъ замкѣ противу воли, я уповаю, что можно уйти отсюда. — О! я помышлялъ о семъ больше ста разъ! (сказалъ онъ съ жаромъ) я гнушаюсь здѣшнимъ мѣстомъ, проклинаю лютую волшебницу меня удерживающую: но когда желалъ я высвободиться изъ сихъ ненавистныхъ стѣнъ, невидимая сила меня остановляетъ. — Въ такомъ случаѣ (прервала слова его волшебница, приведенная въ отчаяніе сею повѣренностію) я не понимаю, чемъ помочь тебѣ; ибо по обстоятельствамъ нещастія твои только сего рода. *Остроилъ* отвѣчалъ на это вздохомъ.

въ ту минуту чижикъ, прилетѣвши на ближнее дерево, сѣлъ, и началъ выпѣвать очень явственно слѣдующіе вкусомъ *Циклоидинымъ* припахивающіе стихи:

Нещастіямъ твоимъ судьба одна творецъ:
Противиться коль ей, то будетъ понапрасну.
Но въ *Доброгнѣвиныхъ* объятіяхъ нещастну
Тебѣ лишь предстоитъ сей участи конецъ.

Когда чижикъ пропѣлъ, благонравный *Остроилъ* взглянувъ съ трепетомъ на ложную *Доброгнѣву*, опустилъ внизъ взоры, застыдился и молчалъ. Волшебница видѣвъ, что ей ничто не помогаетъ, подверглась всей нетерпѣливости, каковую можетъ нанесть почтеніе, являемое не во время. Она употребила послѣднее усиліе къ побѣжденію застѣнчивости, уничтожающей всѣ ея заботы. Я не предвидѣла (сказала она со взоромъ сколько возможно уподобляющимся цѣломудрію представляемой ею Царицы), какого рода можетъ быть ваше нещастіе? и не имѣю понятія о образѣ, каковымъ оное можетъ быть прекращено. Можетъ быть учиню я проступокъ дерзкой; но ты меня любишь, я не могу раскаяваться. Я избираю тебя царствовать съ собою надъ страною блаженною. Съ сего часа (продолжала она, подавая ему руку) ты мой супругъ.

ругъ. Прервемъ всѣ очарованія, тебя здѣсь удерживающія, и поѣдемъ въ Трантараранъ.

Ахъ, прекрасная *Доброгнѣва*! вскричалъ *Остроилъ*... онъ готовъ былъ предаться нѣжнѣйшимъ выраженіямъ своихъ чувствъ, часы его зазвѣнѣвъ, опять остановили. Охъ! часы твои врутъ! (сказала волшебница, и зажала ему губы таковымъ поцалуемъ, нѣжнѣе котораго и самая *Лада* дать бы не могла) Представьте щастливую участь любовника страстнаго, которой послѣ продолжительнаго порядка жестокихъ мученій, приступаетъ къ овладѣнію обожаемымъ предметомъ; это будетъ изображеніе *Остроила*. Но мечта сія была очень кратка. Въ тожь мгновеніе учинился онъ холоднѣе марморовъ, составляющихъ края водовода; всѣ прелести, кои *Циклоида* расточала на щетъ прекрасной *Доброгнѣвы*, его любовь, желанія, въ коихъ тяла душа его, лишились дѣйствія. Два часа прошли въ усиліяхъ бесполезныхъ. Онъ вздыхалъ отъ бѣшенства, отчаяніе изгнало любовь изъ очей его, а волшебницыны изображали только досаду, холодность и презрѣніе. Я вижу (сказала она напослѣдокъ), что судьба не умнѣе меня, и нещастіе твое не исцѣлимо. Прощай! (продолжала она, не удостоивъ его взгляду) она исчезла, оставивъ *Остроила* въ смятеніи и отчаяніи.

Не безъ разсужденія изображаютъ любовь въ образѣ младенца: ея вкусъ къ насмѣшкамъ, стараніе гоняться за бездѣлицами, химеры, коими она занимается, мѣлкости, ее утѣшающія, весьма подобны младенчеству; одни только цвѣтки то, чемъ украшаетъ она свою торжественную колесницу; она играетъ, смѣется, шутитъ и рѣзвится. Самое отчаяніе, столь не сходствующее на видъ истиннаго щастія, можетъ питать огнь жестокой, которой препятствія оживляетъ и суетность вмѣняетъ за любовь; но невозможность, въ наслажденіи достовѣрно познанная, вдругъ угашаетъ надежду и прекращаетъ любовь.

Все то испытала нѣжная *Циклоида*. Сердце ея не возпротивилось крайнему опыту, на которой она отважилась. Безполезность страсти ея къ слабому *Остроилу*, и можетъ быть сравненіе его съ мнимымъ *Тюльпаномъ*, немедленно учиненное; обида, претерпѣнная отъ перваго, и удовольствіе, коимъ насладилась въ объятіяхъ другаго, произвели въ душѣ ея то щастливое дѣйствіе, котораго волшебница *Малуша* по свѣденію о свойствѣ ея ожидала, равно какъ и отъ трехъ волосковъ, сожженныхъ на головѣ *Остроиловой*. —

А долга ли еще твоя Сказка? (сказалъ *Изборъ*; и узнавъ, что оная приходитъ къ кон-

концу, продолжалъ) ну! такъ мы завтра послушаемъ, и тогда углубимся въ разсужденія, которыхъ ты *Уклонъ* приводишь много не всегда кстати и перерываешь оными повѣсть.

ВЕЧЕРЪ XXVII.

Циклоида отнесла въ Трантараранъ образъ Царицынъ; она поглядѣла на него нѣсколько минутъ съ тѣмъ прилѣжаніемъ, каковое внушаетъ отвращеніе. Любовь ея къ *Остроилу* истребилась, но ненависть къ своей совмѣстницѣ была еще во всей силѣ. Какъ я ненавижу ее! вскричала она съ бѣшенствомъ, котораго преодолѣть не могла. Взоры ея были еще устремлены на нее, когда гнѣвъ ея, столькожь выдумчивой, какъ и жестокой, родилъ въ ней мысль, наполнившую душу ея радостію. — *Доброгнѣва* любитъ *Остроила*, которой съ своей стороны обожаетъ *Доброгнѣву*. Какое удовольствіе (сказала она съ ненавистною усмѣшкою) учинить ихъ нещастливыми другъ чрезъ друга! Соединимъ ихъ! *Остроилъ* никогда не исцѣлится, слабость его безвоз-

вратная. Они любятся, сколько они будутъ нещастливы! Отчаяніе ихъ продолжится на всю жизнь. О небо! какое услажденіе! могу ли я лучше наказать мою совмѣстницу?

Наполнивъ сердце таковымъ предпріятіемъ, полетѣла она въ свой замокъ, и велѣла позвать къ себѣ *Остроила*, котораго послѣднее нещастіе учинило почти безумнымъ. Возпріими свои чувства (сказала она ему), предайся радости; твоя печаль меня тронула, но все кончится. Я знаю обо всемъ происходящемъ въ душѣ твоей, и ты познаешь все мое великодушіе.

Произнося послѣднее слово, сѣла она съ нимъ въ свою колесницу, и помчалась съ невообразимою быстростію по пространству воздуха. Мимоѣздомъ взяла она съ башни нещастную *Анемону*, и прибыла къ крыльцу Двора Трантараранскаго.

Легко узнать, что произшествіе сего рода произвело тамъ великое волненіе. Царица возтрепетала, услышавъ сію новость. Невѣрности *Остроиловы*, его возвращеніе, похищеніе *Анемоны*, прибытіе *Циклоиды*, соединили въ умѣ ея мысли одна другой противуборствующія, такъ что со всемъ своимъ остроуміемъ не могла она ихъ согласить.

День тогда былъ самый тотъ, въ которой она по силѣ законовъ должна была

на-

наречь супруга. Она готовилась выступить въ собраніе, весь Дворъ ожидалъ сего; но она не рѣшилась еще къ выбору, на кого оный опредѣлить. Душа ея, бывъ раздѣлена между десяти сторонъ сопротивныхъ, не могла рѣшиться, и казалось, что готова была подвергнуть слѣпому случаю участь сего дня. Она выступила въ семъ замѣшательствѣ. Волшебница подступила къ ней, и представляя *Остроила* и *Анемону*, сказала: Царица! я причинила вамъ всѣ печали; раскаяваюсь въ томъ, и прихожу теперь обратить оныя въ радость. По томъ разсказала она ей подробно о первыхъ намѣреніяхъ своего мщенія, о нѣжности почувствованной къ *Остроилу* въ тѣ часы, когда уповала онаго ненавидѣть, и о средствахъ, употребленныхъ ею къ удовлетворенію своему, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, о коихъ считала за непристойность говорить въ присутствіи всего Двора. Она объяснила послѣ того, что *Остроилъ* совсѣмъ не участвовалъ въ похищеніи *Анемоны*. Наконецъ (продолжала она съ притворною ласкою) я возвращаю вамъ друга, котораго чрезъ благодѣянія старалась учинить моимъ, и нѣжнаго любовника, коего все блистаніе моего могущества, и мои слабости не могли учинить вамъ невѣрнымъ.

Въ продолженіи сего разговору, изумленіе, радость и любовь изображались попеременно на лицѣ *Остроилововомъ*. Неподвижно стоящая *Анемона* слушала, ничего не понимая. Добродѣтельная *Опала* торжествовала, всѣ придворные какъ бы онѣмѣли; любовники Царицыны, подобно громомъ пораженнымъ, потупили глаза, вздыхали, пребывая въ глубокомъ молчаніи; а взоры *Доброгнѣвины*, осмотрѣвъ вкругъ волшебницу и *Анемону* остановились на ея любовникѣ.

Смятенный шумъ, наставшій вскорѣ послѣ молчанія отъ перешептыванія придворныхъ, возбудилъ Царицу, занимавшуюся только одною своею любовію. Высокомочная волшебница! (сказала она, исполнившись прелестей, приносимыхъ чистою радостію) ваша щедрость составляетъ намъ больше благополучія, нежели сколько ваше мщеніе онаго насъ лишало. Взирая на васъ, легко можно заключить, что любовь ко мнѣ *Остроилова* есть своенравіе любовной силы; я пріемлю онаго съ радостію изъ рукъ вашихъ, и избираю онаго царствовать со мною, меньше по тому, что люблю его, чѣмъ по увѣренію вашему, что онъ достоинъ быть любимъ.

Къ ту минуту гремящій звукъ возвѣстилъ о прибытіи волшебницы *Обрады*; оная вошла послѣдуемая *Малушею*, *Гориславою* и всѣми своими придворными. Выборъ

боръ *Доброгнѣвинъ* ею подтвержденъ, и она притворилась невѣдающею о проискахъ *Циклоидиныхъ*. Она казалась быть довольною всемъ, что ни разсказали ей объ ея отсутствіи и о любви къ новому Царю. Надлежитъ забыть ея погрѣшность (сказала *Обрада*), когда она исправляется въ оной таковымъ благороднымъ образомъ. Обратимся къ другимъ пріятнѣйшимъ видамъ. Ты *Циклоида*! люби *Доброгнѣву*, имѣй дружбу къ *Остроилу*, покровительствуй *Анемонѣ*, и соединись съ *Тюльпаномъ*. . . Не ужь ли не согласишься ты? Я вѣдаю, что онъ тебѣ непротивенъ, и довольна буду, увидѣвъ васъ щастливыхъ.

Циклоида изъявила согласіе свое низкимъ поклономъ; и въ тотъ же часъ Царь, Царица, *Циклоида* и *Тюльпанъ* препровождены во храмъ, и браки ихъ совершены съ великимъ торжествомъ. *Обрада* со всемъ Дворомъ своимъ противу обыкновенія прогостила нѣсколько дней въ Трантараранѣ; присутствіе ея учинило торжество великолѣпнѣйшимъ и забавы веселѣйшими.

Ночь настала; оставили новобрачныхъ въ покоѣ. *Тюльпанъ*, удивленія достойный *Тюльпанъ*, найденъ нездоровымъ, и очень нездоровымъ. Для возстановленія его имѣли прибѣжище къ лѣкарствамъ: ничто не помогало; колика его умножалась, и продол-

жалась до самаго дня. *Циклоида* занималась заботами объ семъ, какъ пришли сказать ей, что Царь съ Царицею встали. Она побѣжала во Дворецъ, увѣряя себя въ немъ, что стыдъ *Остроумовъ* и печаль *Доброгнѣвина* утѣшатъ ее въ замѣну худо препровожденной ночи. Злоба ея заблаговремянно услаждалась воображенiемъ о смятенiи, объемлющемъ души предметовъ ея ненависти; она веселилась, готовяся приготовленною насмѣшкою еще больше огорчить ихъ. Она пришла; ѣдкая усмѣшка предвозвѣщала колкiя тѣ слова, кои готовились вылетѣть изъ рта ея; но *Малуша* въ томъ ее самую предупредила. Прозорливые глаза ея прочли все находящееся въ душѣ *Циклоидиной*. Вы очень невеселы (сказала она ей лукавымъ голосомъ, и дающимъ разумѣть, что похожденiе ея съ *Тюльпаномъ* не составляетъ тайны). Для чего не видно храбраго *Тюльпана*? Безъ сомнѣнiя покоится онъ на своихъ лаврахъ. Но чувствуете ли вы (продолжала *Малуша*), что видъ вашъ представляетъ унынiе, не дѣлающее чести нашему свойству? Возможно ли! простой смертной могъ привести васъ въ таковое состоянiе! . . . . Между тѣмъ я васъ подравляю.

Въ продолженiи таковой насмѣшки разстроенная *Циклоида* краснѣлась; она старалась поправиться, но принужденiя ея еще боль-

больше умножили ея смятеніе. *Малуша*, не жалостливая къ претерпѣваемымъ ею безпокойствамъ, усугубила свои шутки; всѣ придворные *Обрадины* собрались вокругъ двухъ волшебницъ, пристали къ *Малушѣ*, и *Циклоида* учинилась мѣтою всѣхъ острыхъ словъ, родившихся въ веселыхъ головахъ по сему обстоятельству. Сама *Обрада*, имѣющая право не смѣяться до тѣхъ поръ, какъ земные жители предадутся радости, сочла за благо разрѣшиться въ тотъ часъ отъ своего терпѣнія, и для рѣдкости хохотала въ рядъ со всѣми на щетъ волшебницы. Къ дополненію ея нещастія недоставало еще *Гориславы*; но и та подоспѣла какъ бы званая. Государыня моя! сказала она ей, *Остроилъ* долженъ вамъ всемъ своимъ благополучіемъ. Ничто не уподобляется его восторгамъ; онъ нашелъ въ объятіяхъ *Доброгнѣвы* конецъ всѣмъ своимъ мученіямъ, и сія любви достойная Царица упоена совершенно нѣжностію. Какою великою обязаны мы вамъ благодарностію!

Тотчасъ Царь и Царица вышли. Живѣйшая радость разліянная по лицу *Остроилову*, и удовольствіе, украсившее черты прелестной *Доброгнѣвы*, удостовѣрили волшебницу въ истиннѣ словъ *Гориславиныхъ*. Ненависть ея усугубилась, вся кровь ея воскипѣла: но покровительство *Обрадино* приводило Царицу въ безопасность отъ ея бѣшенства.

 Цик-

Циклоида испытала все отчаяніе, каковому можетъ быть подвержена душа мстительная и не могущая изрыгать своей желчи.

Всѣ разговоры относились только до щастія двухъ новыхъ супруговъ и шутокъ надъ *Циклоидою*; въ тотъ же день *Анемона* и *Сафиръ* соединены нѣжнымъ союзомъ; *Доброгнѣва* удержала ихъ при себѣ, осыпавъ щедро своими благодѣяніями: она раздѣлила довѣренность свою между *Опалою* и *Анемоною*, и замѣтила при томъ, что сіе не производило въ нихъ ревности.

Обрада повеселившись довольно на празднествѣ при Дворѣ Трантараранскомъ, одарила Царя и Царицу богатыми дарами, и обѣщавъ имъ навсегда покровительство свое, удалилась въ свою столицу.

Малуша вразумила новаго Царя о таинственной причинѣ прошедшихъ его смущеній. Она подвигла его тѣмъ къ великому смѣху; ибо увѣряла его своею честію, что нѣтъ уже ему причины впредь опасаться таковагожъ паденія: онъ призвалъ въ участіе сего таинства и свою Царицу. Предсказаніе волшебницыно совершилось въ точности; и *Малуша* удалилась, препоручивъ *Остроилу* не забывать объ ней, и о бѣлочкѣ, подавшей ему добрые совѣты.

Огор-

Огорченная *Циклоида* сгарала чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ сряду въ безуспѣшныхъ желанiяхъ. Она не собрала плодовъ ни въ своемъ мщенiи, ни отъ любви своей. Нещастный и слабый *Тюльпанъ*, отягченный жестокою скукою, умеръ наконецъ, не живши ни часу для своей супруги.

Горислава чрезъ долгое время была щастливою свидѣтельницею благополучiя своихъ внуковъ и страданiя *Циклоидина*. Когда должность принудила ее возвратиться ко Двору *Обрадину*, обняла она *Остроила*, и преподала ему важныя наставленiя, которыя сколько ни длинны были, не нанесли ему однако скуки. *Остроилъ* начерталъ оныя глубоко въ своей памяти. *Доброгнѣва* и онъ обитая на лонѣ щастiя, не упускали изъ виду благополучiя своихъ подданныхъ. Они издали премудрыя узаконенiя, которыя возвратили въ столицу ихъ Государства добродѣтели, изгнанныя прежде страннымъ вкусомъ къ роскоши; они любили, поощряли и награждали дарованiя; а милости ихъ какъ бы возродили цѣлую толпу мужей, прославившихся во всѣхъ родахъ наукъ и достоинствъ. Они наполнили мѣста правленiя подданными просвѣщенными и разнесшими во всѣ части успѣхи въ наукахъ и художествахъ; вкусъ столькожъ щастливый, сколько и полезный, и производящiй почти всегда

да въ государствѣ добрыхъ гражданъ, искусныхъ вельможъ и великихъ мужей.

Остроилъ всегда любилъ *Доброгнѣву*, и былъ любимъ отъ нее равно. Кольцо его учинилось безполезно, и часы его не звѣнѣли ни разу во все время продолжительнаго его царствованія. Можно сказать, что пока былъ онъ на престолѣ Трантараранскомъ, не находилось въ свѣтѣ людей щастливѣйшихъ, кромѣ его съ *Доброгнѣвою* и ихъ подданныхъ.

Уклонъ кончилъ таковымъ образомъ свою Сказку. *Изборъ* продолжалъ еще хохотать бѣдствію, претерпѣнному *Циклоидою*; но слова *Славоміровы* мало по малу привлекли его вниманіе. Не осердись, дорогой *Уклонъ* (говорилъ онъ), что я хочу, какъ старикъ, подать тебѣ нѣкоторое наставленіе. Выборъ твоей Сказки очень хорошъ, она много содержитъ въ себѣ добраго; но намѣреніе, съ которымъ предпріялъ ты разсказывать оную, непохвально. Естьли бы не понуждали тебя нѣкоторыя забавныя мѣста въ оной, ты бы никогда не счелъ достойнымъ труда занять ею на нѣсколько вечеровъ своего Государя. Но со всемъ тѣмъ (продолжалъ онъ, обратившись къ *Избору*) я съ часу на часъ нахожу сіе времяни препровожденіе Вашего Величества полезнымъ. Нѣтъ повѣсти, ни сказки, которая не содер-

держала бы какой ни есть здравой пищи для нашего разума; но надлежитъ только умѣть оною пользоваться. Сказки развращаютъ умы тѣмъ, что чтецы, или слушатели, прилѣпляются только къ поверьхностямъ, коими Сочинитель желалъ прикрасить преподаваемое нравоученіе; а самое намѣреніе его пропускаютъ мимо ушей. По моему мнѣнію Сказка господина *Уклона* содержитъ въ себѣ настоящую картину свѣтской жизни: кто захочетъ возпользоваться разсмотрѣніемъ оныя, много найдетъ полезнаго. Молодой человѣкъ, не искусившійся въ опытахъ, вразумится о состояніи нравовъ, занимающихъ въ большемъ свѣтѣ большую часть людей, родъ ихъ жизни и обыкновенія. Что надлежитъ до васъ, Всемилостивѣйшій Государь: вы, какъ Монархъ, можете употребить вмѣсто цвѣтковъ *Горiславиныхъ* здравое разсужденіе съ безпристрастнымъ замѣчаніемъ; и тогда легко познаете свойства людей, васъ окружающихъ. Таковымъ средствомъ избавитесь вы отъ льстецовъ, получите на мѣста ихъ людей добродѣтельныхъ, кои донесутъ вамъ обо всемъ безпристрастно: тогда истинная слава окружитъ престолъ вашъ, и подданныя ваши учинятся столькожъ благополучны, каковыми изображены народы, подверженные въ сей Сказкѣ престолу Траншараранскому.

— Это правда! (отвѣчалъ *Изборъ*) я когда нибудь о семъ подумаю, Но что ты думаешь (продолжалъ онъ), о родѣ избранія на престолъ Траншараранскій? — О! что надлежитъ до сего (отвѣчалъ *Славомірь*), оный ни куда не годится, кромѣ государства, существующаго въ Сказкѣ. Древляне въ семъ случаѣ благоразумнѣе другихъ народовъ, гдѣ нѣтъ права наслѣдственнаго. Можетъ ли на примѣръ человѣкъ, коему позволено только въ жизни своей рубить лѣсъ такой, котораго не достанется во владѣніе его дѣтямъ, беречь оный? Хозяинъ владѣющій такимъ лѣсомъ, будетъ только вычищать сухія и загнившія древеса; добрыя растить и разводить отъ нихъ вновь, проча оный своимъ кровнымъ наслѣдникамъ; а временной владѣтель вырубитъ его весь, и разпродавъ, деньги оставитъ дѣтямъ своимъ, вмѣсто того, на что они не имѣютъ права. — Хорошо! сказалъ *Изборъ*; о прочемъ поговоримъ мы съ тобою въ кабинетѣ, а теперь *Голованъ* можетъ еще продолжать свою повѣсть. Сей услышавъ объ томъ, началъ:

Продолженіе повѣсти о Вадимѣ.

Надѣюсь, что Ваше Величество (говорилъ Сказывальщикъ *Избору*, изволише напомнить,

нить, что повѣсть наша остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ Королевна Маркоманская хотѣла разсказывать *Брячиславѣ* свое приключенiе: она начала оное въ слѣдующихъ словахъ.

Родительница моя, которая уже вторая супруга отцу моему, имѣла хотя осмерыхъ дѣтей, но изъ всѣхъ оныхъ, по власти боговъ, осталось только двое, я и братъ мой *Аробатъ*. Не знаю я того, надлежитъ ли мнѣ считать за щастiе, что я пережила другихъ моихъ сестръ. Братъ мой, *Аробатъ*, съ малолѣтства имѣлъ великую склонность къ военнымъ упражненiямъ и къ путешествiямъ. Когда онъ окончалъ всѣ науки, приличныя его природѣ, испросилъ онъ позволенiе у родителя нашего объѣхать страны сосѣдственныя и надлежащiя другимъ славнымъ Государямъ. Однако прошло уже тому два года, какъ мы не имѣемъ объ немъ ни малаго извѣстiя.

Монкадо, другой братъ мой, рожденной отъ первой супруги отца моего, любимый родительницею больше собственнаго своего сына, когда увидѣлъ, что *Аробатъ* чрезъ прилѣжанiе къ наукамъ прiобрѣлъ себѣ славу: позавидовалъ тому, и началъ у того же учителя принимать наставленiя съ великимъ успѣхомъ, Сей учитель назывался *Хобетъ*, былъ изъ знатнѣйшихъ дворянъ нашего Королевства, и за свои достоинства воз-

возвышенъ отъ родителя моего въ первый чинъ Хранителя Государственной печати (*). Нравомъ былъ онъ гордъ и злостенъ, и жестокой боецъ въ единоборствѣ. Онъ хитростію своею умѣлъ обольстить родителя моего, вкрасться въ его довѣренность: и для того остался здѣсь почти правителемъ Королевства; ибо родительница моя имѣетъ въ отсутствіи своего супруга только одну тѣнь власти.

За годъ предъ симъ прибылъ ко Двору нашему нѣкоторой Князь, прекрасный собою, остроумной, пріятной въ обхожденіи, и которой сказывался быть изъ страны Свевовъ (**); но однако по нарѣчію его многіе въ томъ сомнѣвались. *Святобогъ* (такъ назывался сей Князь) сказывалъ, что слава, разнесшаяся о превосходномъ успѣхѣ въ наукахъ брата моего, привлекла его ко Двору нашему; но вскорѣ узнала я, что совсѣмъ другія причины къ тому его побудили. Онъ въ краткое время съ прибытія своего свелъ тѣсную дружбу съ братомъ моимъ *Монкадомъ*, однако главнѣйшее стараніе его относилось къ тому, чтобъ мнѣ понравиться. Признаюсь, что не долго могла я противъ исканія его пробыть ровнодушною; онъ узналъ

(*) Первой Министръ.

(**) Свевы въ древности обитали въ Мекленбургіи и Помораніи; что на Славянскомъ языкѣ значитъ поморье.

налЪ о взаимной моей кЪ нему любви. Родительница моя, проникшая вЪ тайну моего сердца, одобряла мою склонность, и не находя никакихЪ видовЪ, препятствующихЪ кЪ заключенію союза сЪ ДворомЪ Свевскимъ, позволила мнѣ считать *Святобога* женихомЪ моимЪ. Но совсѣмЪ другихЪ расположеній былЪ отецЪ мой: онЪ хотя не находилЪ страсть мою неприличною, но не хотѣлЪ подать случая *Святобогу* открыться вЪ намѣреніяхЪ своихЪ, пока не узнаетЪ достовѣрно, подлинно ли онЪ сынЪ Государя Свевскаго.

Когда между тѣмЪ основаніе чистой любви моей сЪ онымЪ КняземЪ положилось, злобный духЪ вмѣшался вЪ сопутники нашего щастія, излилЪ ядЪ свой и учинилЪ насЪ нещастными. *Хобетъ*, возгордившійся успѣхами своего возвышенія и милостьми кЪ себѣ моего родителя, сочелЪ, что онЪ не меньше *Святобога* достоинЪ искать полученія меня вЪ супружество. КакЪ хитрый придворный, проникЪ онЪ вЪ тайну того, для чего я столь холодною кажусь кЪ его исканіямЪ, и вздумалЪ моего любезнаго Князя сЪ рукЪ сбыть. ОнЪ не устрашался вслухЪ говорить, что по оказаннымЪ имЪ отечеству заслугамЪ давно уже заслужилЪ то, чтобЪ получить меня себѣ вЪ супруги; и что по знатной природѣ своей и богатству не стыдно ему быть КоролевскимЪ зятемЪ. Не открывая

еще истинныхъ своихъ намѣреній, внушалъ онъ отцу моему, что союзъ съ Княземъ Свевскимъ приноситъ отечеству больше опасности, нежели пользы; что близкая смѣжность Свевовъ съ Маркоманскими областьми понудитъ *Святобога*, естьли бы получилъ онъ меня въ супружество, стараться братьевъ моихъ согнать съ свѣту, и потомъ присоединить ихъ наслѣдіе къ своей державѣ. Чрезъ таковыя внушенія его родитель мой, и впрочемъ не весьма благосклонный къ моему любезному, началъ еще болѣе оказывать отвращенія къ союзу, къ которому убѣждала его стараніемъ своимъ моя родительница. Безпристрастіе *Хобетово* (ибо онъ никогда объ себѣ не упоминалъ ни слова, но всегда говаривалъ, что онъ можетъ найти себѣ достойнаго зятя и кромѣ *Святобога*) увѣрило родителя моего въ безпристрастіи его совѣтовъ. Онъ подтвердилъ мнѣ, чтобъ я имѣла впредь съ Княземъ Свевскимъ обхожденіе осторожнѣе.

Между тѣмъ *Хобетъ* не жилъ праздно, и никто не подозрѣвалъ, чтобъ былъ онъ непріятелемъ моему любезному Князю: онъ безпрестанно выхвалялъ достоинства его, и превышалъ оныя предъ *Монкадовыми*. Онъ разумѣлъ, какъ хитрой человѣкъ, что таковое предпочтеніе родитъ въ братѣ моемъ зависть, легко удобную обратиться въ совершен-

щенную ненависть. Въ самомъ дѣлѣ происки его совершили его ожиданіе: братъ мой былъ весьма честолюбивъ, и не могъ сносить, чтобъ кто нибудь имѣлъ предъ нимъ преимущество; дружба его къ *Святобогу* исчезла: онъ началъ убѣгать его, и развѣ по необходимости вступалъ съ нимъ въ разговоры. Хотя братъ мой и старался скрывать свои чувствованія, но *Святобогъ* ясно видѣлъ утрату его къ себѣ дружества; однако тщился поведеніями своими доказать его несправедливость, такъ что онъ наконецъ не столько суровымъ быть къ нему началъ. Любовникъ мой не проникъ въ *Хобстовы* умыслы, и по тому не могъ оныхъ уничтожить. Сей врагъ нашъ всегда примѣчалъ за нами, и подкупя великими подарками *Бозу*, мою комнатную служанку, зналъ не токмо о назначаемыхъ свиданіяхъ, но и самъ слыхалъ всѣ слова нашихъ разговоровъ. Въ одно время, какъ назначили мы съ нимъ наединѣ переговорить о мѣрахъ, кои бы воспріять къ совершенію нашего благополучія, въ одномъ пустомъ лѣтнемъ теремѣ Дворца; онъ свѣдавъ объ томъ, привелъ моего родителя въ таковое мѣсто, откуда бы онъ могъ насъ видѣть, а словъ нашихъ разслушать не могъ. При семъ обстоятельствѣ старался онъ родителя моего увѣрить, что *Святобогъ* приводитъ меня къ нечестному

дѣлу; онъ не устыдился прибавить еще и клевету, будто бы онъ отъ вѣрнаго человѣка слышалъ, что *Святобогъ* имѣетъ умыслъ лишить жизни сына его *Монкада*, и что больше двухъ сотъ человѣкъ отъ него разосланы по свѣту, съ обѣщаніемъ великаго награжденія тому изъ нихъ, кто привезетъ къ нему голову Королевича *Аробата*. Таковыя клеветы довели отца моего къ ненависти противу моего возлюбленнаго Князя; запрещено ему появляться ко Двору, и подтверждено, чтобъ оставилъ наше государство. *Монкадъ* убѣжденъ былъ имъ разорвать съ нимъ дружбу; а я получивъ строгой выговоръ, выслушала и несноснѣйшее повелѣніе не говорить съ нимъ ни одного слова. Съ того времяни не видала я моего любезнаго, и какъ бы невольница обитала заключенною въ теремахъ моихъ до самаго отъѣзду къ войскамъ моего родителя.

Святобогъ, узназъ о своемъ нещастіи, осмѣлился притти къ *Монкаду*, брату моему, и заставъ онаго на динѣ, таковыми жалостными и убѣдительными словами приносилъ свое оправданіе, что подвигъ его къ слезамъ и совершенно увѣрилъ въ своей невинности. *Монкадъ* примирился съ нимъ, и стараніями своими довелъ родителя нашего усумниться въ наговорахъ *Хобетовыхъ*, и позволить *Святобогу* по прежнему являться при Дворѣ своемъ. Не можно описать, сколько принужденія употребилъ *Хобетъ* для скрытія по-

почувствованнаго отъ того бѣшенства; злость его умножилась, и понудила къ новымъ выдумкамъ во вредъ нашъ.

Чрезъ два дни послѣ примиренія своего *Монкадъ* поѣхалъ съ *Святобогомъ* прогуляться въ горы, не въ дальнемъ разстояніи отъ столицы нашей находящіяся. Нещастной выѣздъ! оный лишилъ меня брата, и подвергъ моего возлюбленнаго крайнему бѣдствію. *Хобетъ*, проискивающій возвысить себя на престолъ Маркоманскій чрезъ супружество со мною, охотно желалъ видѣть и брата моего и *Святобога* мертвыми; онъ на примиреніе ихъ взиралъ, какъ на препону къ своему щастію, и не пропускалъ случая, который бы могъ принести пользу его намѣренію. Въ таковыхъ мысляхъ поѣхалъ онъ нѣсколько спустя въ слѣдъ за ними, взявъ съ собою многихъ вѣрныхъ себѣ дворянъ и воиновъ. Не извѣстно мнѣ, что въ самомъ дѣлѣ происходило, но слѣдствія оказались ужасныя. *Хобетъ* возвратился надъ вечеръ, имѣя моего любезнаго Князя въ оковахъ. Посадивъ онаго въ крѣпкую башню, предсталъ онъ родителю моему, неся въ рукахъ окровавленные лоскуты платья *Монкадова* и саблю *Святобогову*, также обагренную кровію. — Зри, Всемилостивѣйшій Государь (сказалъ онъ родителю моему) нещастный опытъ довѣренности твоей къ злому *Святобогу*. Сіе его

оружіе, пролившее кровь любезнаго твоего сына! Слова сіи поразили родителя моего и всѣхъ насъ; онъ оказалъ всѣ знаки отчаяннаго человѣка, рвался, проливалъ слезы, повелѣвалъ представить предъ себя убійцу, чтобъ изрубить его въ куски собственными руками, по томъ удерживался и предался жестокой горести. По прошествіи первыхъ стремленій своей печали приказалъ онъ *Хобету* разсказать подробность сего нещастнаго приключенія. —— Мнѣ подозрителенъ показался (говорилъ сей злодѣй) выѣздъ вашего сына; потому что онъ отправился одинъ только прогуливаться въ горы съ своимъ извѣстнымъ мнѣ злодѣемъ, и по тому, что *Святобогъ* убѣждалъ его къ тому прилѣжными прозьбами. По сей причинѣ взявъ я съ собою нѣсколько вѣрныхъ людей, поскакалъ въ слѣдъ за ними; но по нещастію не ускорилъ упредить моею погонею насильственную смерть свѣтлѣйшаго Королевича, моего Государя. Онъ какъ бы понуждаемъ былъ своею участью удалиться изъ глазъ моихъ съ своимъ убійцею. Однако, разбирая слѣды, достигъ я одного мѣста, на которомъ увидѣлъ вытоптанные слѣды кованыхъ лошадей, и во многихъ мѣстахъ пролитую кровь. Ужасъ предчувствованія моего обьялъ всю душу мою, когда я увидѣлъ обагренную кровію полу платья *Монкадова*, и лоскуты про-

чихъ

чихъ его одеждъ. Не сомнѣвался я, что злой Своевъ напалъ на вашего сына, и произходило между ими жестокое сраженіе; а излившая кровь и куски одеждъ *Монкадовыхъ* подтверждали догадку о бѣдственной его участи. Въ смертельномъ трепетѣ поѣхалъ я слѣдомъ, и видимая по оному кровь доказывала, что злой *Святобогъ*, умертвивъ вашего сына, везъ его тѣло для сокрытія въ какую нибудь пропасть. Я приказалъ бывшимъ за мною однимъ броситься во всѣ стороны для сысканія тѣла, и съ прочими погнался по слѣдамъ за убійцею. Вскорости догналъ я его; онъ съ скровавленною своею саблею пробирался прямо путемъ въ свое отечество. Какъ свойство всѣхъ злодѣевъ есть то, что они храбры только въ нечаянныхъ нападеніяхъ, равно и *Святобогъ* отдался мнѣ безъ всякаго сопротивленія. Естьли удержалъ я ревностное мое мщеніе упитаться въ крови его, то не для чего инаго, чтобъ получилъ онъ всенародно казнь за свое безчеловѣчіе; въ семъ намѣреніи отдалъ я онаго подъ крѣпкую стражу. Посланные отъ меня нашли только убитую сабельными ударами лошадь вашего сына, но тѣла его сыскать не могли, и видимо изъ того, что *Святобогъ* успѣлъ скрыть оное. Однако мученія могутъ принудить его открыть мѣсто, и доставить нещастному

вшному сыну вашему приличное погребенiе. На сie только ожидаю я повелѣнiя; ибо впрочемъ не о чемъ изыскивашь: видимо, что онъ полагаясь на любовь къ себѣ вашей дочери, уповалъ достигнуть престола Маркоманскаго; и для шого очистилъ на оный путь смертiю дражайшаго вашего наслѣдника. —

При семъ словѣ *Изборъ* приказалъ отложить сказыванiе до слѣдующаго вечера. А какъ въ продолженiи многаго времени, сей Государь при сказыванiи въ вечернiе часы не дѣлалъ никаковыхъ замѣчанiй на разсказываемыя ему повѣсти и сказки, равно и *Славомiръ*, испросивъ у *Избора* цѣлый часъ поутру на разговоры, къ его наставленiю служащiе, не перебивалъ уже сказывальщиковъ: то и не произходило въ вечернее время ничего примѣчанiя достойнаго. Почему въ слѣдствiи сей книги не будутъ сказки прерываемы ихъ разговорами; а означутся лишь вечера. Сочинитель принужденнымъ себя находитъ повиноваться волѣ тѣхъ Читателей, кои не жалуютъ таковыхъ перерывокъ; онъ извиняетъ себя предъ другими, коимъ бы пришли оныя на вкусъ, нѣкоторыми обстоятельствами, принуждающими его поберегать бумагу.

ВЕЧЕРЪ XXVIII.

Не извѣстно мнѣ (продолжала Маркоманская Королевна), какое опредѣленіе учинилъ родитель мой надъ возлюбленнымъ моимъ *Святобогомъ*; потому что нещастное сіе произшествіе столько меня огорчило, что я впала въ опасную болѣзнь. По освобожденіи отъ оной узнала я, что *Святобогъ*, окованный по рукамъ и ногамъ, брошенъ въ мрачную тюрьму, приставленъ къ нему крѣпкой караулъ, и послано ко Двору Свевскому посольство для истребованія наказанія за его преступленіе. Однако уже больше полугода тому прошло, какъ посланные въ Свевы не возвращаются; не извѣстно, живы ли они, или не посажены ли въ отплату отъ Свевовъ равномѣрно въ темницу. Между тѣмъ злодѣй и разоритель покоя моего *Хобетъ* не преставалъ подговаривать родителю моему, чтобъ не взирая ни на что, казнить *Святобога* приличною его злодѣйству смертію. Нещастный мой любовникъ не былъ допрашиванъ, хотя требовалъ, чтобъ позволили ему оправдаться, но онаго по проискамъ *Хобетовымъ* отъ него не принимали. Однакожъ нашелъ онъ случай чрезъ помощь темничнаго пристава написать письмо къ моему отцу, въ коемъ столько доказалъ о не-

невинности своей и клеветѣ своего доносителя, что доносы ему учинилъ весьма сомнительными. Онъ представлялъ между прочимъ, что не токмо не сдѣлалъ брату моему *Монкаду* ни малаго вреда, но и подалъ великую помощь отъ нападенія на него двухъ страшныхъ медвѣдей; что сабля его обмочена въ крови одного изъ тѣхъ звѣрей, а не въ Королевичевой; что онъ не сомнѣвается, чтобъ *Монкадъ* живъ не былъ, и благополучнымъ возвращеніемъ своимъ не подтвердилъ истинны словъ его; потому что одинъ медвѣдь ими убитъ, а за другимъ израненнымъ и въ бѣгъ обратившимся погнался онъ; и что когда онъ управившись съ своимъ звѣремъ поскакалъ было на помощь къ *Монкаду*, остановленъ и взятъ подъ стражу по повелѣнію *Хобстову*. Письмо его по волѣ родителя моего прочтено было вслухъ; однако мало принесло ему пользы. Какъ *Монкадо* чрезъ столь долгое время не возвращался, и не было объ немъ ни малѣйшаго слуху, *Святобогъ* остался въ своемъ заточеніи. *Хобстъ* досадуя, что непріятель его нашелъ способъ нѣкоторымъ образомъ объяснить свою невинность, сдѣлалъ строгое запрещеніе не токмо не давать ему чернилъ и бумаги, но и ни одного человѣка не допускать къ нему въ темницу. Многіе Вельможи изъ ближнихъ со-

вѣт-

вѣтниковъ представляли родителю моему, чтобъ послать вновь ко Двору Свевскому, а между тѣмъ облегчить неволю *Святобогову*; поступокъ съ нимъ, говорили они, столько жестокъ, что въ послѣдствѣ навлечетъ кровопролитную войну отъ Свевовъ, и тѣмъ больше опасную, что необходимая оборона принудитъ или раздѣлить силы, или отложить намѣреніе его на Квадовъ. Король, родитель мой, находилъ представленія ихъ основательными, и готовъ былъ онымъ послѣдовать; но *Хобетъ*, узнавъ о томъ, всему воспрепятствовалъ. Онъ подговоривъ на свою сторону первенствующее дворянство въ Королевствѣ, и представъ съ онымъ предъ Короля, убѣдилъ его перемѣнить намѣреніе въ освобожденіи *Святобога* изъ подстражи. Великой стыдъ (говорилъ онъ) нанесетъ то Маркоманамъ, когда они безъ отмщенія оставятъ смерть своего Королевича. Довольно и сего удовлетворенія для Свевовъ, естьли Князю ихъ позволитъ право богатырское. Назначьте, государь! (продолжалъ онъ) полгода времяни, чтобъ какой нибудь рыцарь выискался оправдать его противу меня мечемъ, или копьемъ; пошлите въ Свевы, можетъ быть выищется тамъ защитникъ своему Князю; а я готовъ кровію моею сохранить честь моего отечества. Но съ тѣмъ однако условіемъ,

чтобъ

чтобъ побѣдитель имѣлъ полную власть надъ жизнію *Святобога*; также когда чрезъ полгода не выщется никто къ защищенію его, чтобъ онъ преданъ былъ моей волѣ. —— *Хобетъ* говорилъ сіе, надѣясь на искусство свое владѣть оружіемъ, и уповая, что въ разсужденіи храбрости его, никто противу его на единоборство не отважится. Король, родитель мой, и весь Государственной Совѣтъ согласился на сіе представленіе; посланы немедленно въ Свевы нарочные гонцы съ объявленіемъ о семъ, равно и во всемъ нашемъ Королевствѣ обнародовано. Для сей-то причины *Хобетъ* остался здѣсь, и не поѣхалъ за родителемъ моимъ къ войску. Онъ съ утра до вечера по всякой день ходитъ около темницы *Святобоговой*, ожидая противу себя вызывателя на поединокъ. Уже меньше двухъ мѣсяцовъ осталось сего нещастнаго сроку, никто еще въ защищеніе любезнаго моего не выискался, и наконецъ долженъ онъ будетъ учиниться жертвою злобы своего совмѣстника. Представь себѣ, почтенный *Дакъ*, продолжала мнѣ (говоритъ *Брячислава*) Королевна Маркоманская, не справедлива ли печаль моя? Оставивъ то, сколько обижена честь моя дерзостнымъ *Хобетомъ*! не должна ли я сожалѣть о страданіи невиннаго моего любовника? Никогда не могу я помыслить, чтобъ столь-

ко-

ко добродѣтельной человѣкъ могъ покуситься на жизнь моего брата. Но меня не допускаютъ видѣться съ нещастнымъ моимъ любовникомъ; не должно ли это огорчать меня? Онъ терпитъ единственно для меня, и все преступленіе его составляетъ вѣрная любовь его ко мнѣ, препятствующая гордымъ *Хобетовымъ* намѣреніямъ. Недавно былъ здѣсь Сарматской волхвъ, у котораго я спрашивала: будетъ ли когда нибудь освобожденъ Князь *Святобогъ* изъ темницы? Онъ употребивъ свои волхвованія, принесъ мнѣ отвѣтъ: что сіе не прежде воспослѣдуетъ, какъ противникъ его побѣжденъ будетъ нѣкоторою Княжною. Я спрашивала у него дальнѣйшаго истолкованія; но онъ отрекся меня въ томъ удовольствовать, ссылаясь на непреодолимое препятствіе судьбы. *Хобетъ*, узнавъ объ этомъ предсказаніи, подняль великой смѣхъ, и сказалъ, что его никакая другая Княжна побѣдить не можетъ, кромѣ Королевы *Цедальмы*; но и тогда не оружіемъ, а одною своею красотою. Но естьли бы какая нибудь дерзкая и выискалась сразиться со мною, будетъ то для ускоренія погибели *Святобоговой*. Въ самомъ дѣлѣ (продолжала она, оканчивая рѣчь свою слезами), можетъ ли какая ни есть ратница изъ слабаго нашего полу одолѣть таковаго сильнаго единоборца, каковъ врагъ мой *Хобетъ*? Не

Не извѣстно, какое собственно побужденіе воспалило (говорила *Брячислава*) тогда въ сердцѣ моемъ отважность: славолюбіе ли, коему подвержены всѣ смертные, или ненависть, почувствованная мною къ *Хобету*, или слезы нещастной любовницы — я помыслила, что сама люблю, и что могу быть столькожъ злополучна — словомъ сказать, я рѣшилась биться съ *Хобетомъ* за честь Маркоманской Королевны. Взявъ таковое намѣреніе, говорила я ей: Свѣтлѣйшая Государыня! слова Сарматскаго волхва могутъ быть толкованы двояко, и подаютъ надежду, что печаль ваша получитъ щастливое окончаніе; онъ не сказалъ собственно, чтобъ отъ рукъ дѣвицы произошло наказаніе *Хобету*. Естьли вы повелите и мущинѣ вступиться за честь вашу, побѣда его произойдетъ отъ васъ, какъ произшедшая по вашему повелѣнію. Усердіе мое къ вамъ столько велико, что я за щастіе почту жертвовать моею жизнію къ пользамъ вашимъ. Готовъ я защитить невинность Князя *Святобога*, и наказать злость, дерзость и гордость *Хобетову*; готовъ я съ нимъ перевѣдаться, на чемъ онъ хочетъ! не сомнѣваюсь я, что боги, противящіеся гордымъ, помогутъ мнѣ въ таковомъ добромъ предпріятіи; надѣюсь, что рука моя соединитъ васъ съ вашимъ возлюбленнымъ, и истребитъ столь опаснаго врага вашего.

Слова мои обрадовавъ *Цедальму*, привели ее притомъ въ смятеніе; она посмотрѣвъ на меня съ изумленіемъ, отвѣтствовала: Великодушный иностранецъ! хотя не сомнѣваюсь я въ вашей храбрости; но могу ли для пользы моей подвергнуть опасности цвѣтущіе дни вѣка вашего? подумайте, что предпріятіе ваше дерзко. *Хобетъ* васъ сильнѣе, слава объ искусствѣ его въ единоборствѣ извѣстна во всемъ свѣтѣ — Что бы ни было, сказала я, прервавъ слова ея, мнѣ нужно лишь ваше позволеніе, а впрочемъ да будетъ власть боговъ. — Отважность, съ каковою произнесла я послѣднія слова, исполнили надеждою сердце злочастной *Цедальмы*; она съ пролитіемъ радостныхъ слезъ предала судьбу свою въ мое защищеніе.

Между тѣмъ, какъ прибѣгла она въ капище бога мстителя (*), и жертвоприношеніями старалась испросить его защищеніе: я пошла къ темницѣ, уповая найти близь оной *Хобета*, по обыкновенію прохаживающагося. Въ самомъ дѣлѣ нашла я его тутъ. Подступивъ къ нему и поздравивъ съ презрительнымъ видомъ сказала я ему: господинъ хранитель Государственной печати! мнѣ

(*) Чернобогъ. Въ семъ званіи изображался онъ вмѣсто желѣзныхъ вилъ держащимъ взмахнутое къ пораженію копіе.

мнѣ кажется, что не прилично вамъ своею особою отправлять должность темничнаго стража, позвольте мнѣ избавить васъ отъ таковаго непристойнаго званію вашему труда. Я вмѣсто васъ здѣсь останусь, а вы подите вооружиться и приготовиться заплатить жизнію за вашу клевету на невиннаго Князя *Святобога*. —— Мнѣ жаль тебя, молокососъ! отвѣчалъ мнѣ *Хобетъ* съ гордымъ смѣхомъ; тебѣ пристойнѣе играть въ куклы, нежели ходить на поединки. Но какъ безразсудная молодость твоя привела тебя къ неслыханной дерзости прогнѣвать таковаго богатыря, каковъ я, и хотя бы надлежало тебѣ заплатить за это своею головою: но мнѣ низко мстить такому рабенку, каковъ ты. Поди, и остерегайся впредь, чтобъ не потерять жизнь за праздныя слова. Бѣги, и не осмѣливайся упоминать про оружіе! —— Самохвальство тебѣ не поможетъ, отвѣчала я; бѣги ты самъ скорѣе вооружиться. Тебѣ должно сей часъ принести повинную въ безчестной клеветѣ на Князя Свевскаго, или принять заслуженную казнь. —— Слова мои столько раздражили *Хобета*, что онъ забывъ благопристойность, бросился ко мнѣ, чтобъ ударить меня рукою; но я увернулась отъ сего, а онъ упалъ въ грязь; потому что, какъ человѣкъ дебелой, отъ проmaxу

маху не могъ на ногахъ удержаться. Я разсмѣявшись, оставила его встать и пошла вооружиться. *Цедальма* прислала мнѣ добраго коня и доспѣхи; я снарядившись, выѣхала на ту площадь, въ углу которой находилась темница *Святобогова*. Тутъ нашла я *Хобета*, не помышляющаго о поединкѣ и продолжающагося обыкновенною гордою своею выступкою; однако новыя колкія слова мои принудили его, исполнившись бѣшенства, итти вооружиться.

Слухъ объ нашемъ поединкѣ тотчасъ разнесся по всему городу: множество народа, по большой части ненавидящаго *Хобета*, сбѣжалось онаго посмотрѣть. А какъ сія площадь, на которой имѣли мы сразиться, одною стороною примыкалась ко Дворцу, увидѣла я самую Королеву Маркоманскую, подающую мнѣ изъ окна знакъ, чтобъ я подъѣхала. Когда я оному повиновалась, Королева сказала мнѣ: окажи себя, великодушный витязь, какъ надлежитъ храброму Славянину, и ожидай себѣ за то отъ насъ великаго награжденія. Всемилостивѣйшая Государыня! отвѣчала я; награжденіе мое слава; больше сего я не требую. Рѣчь моя заслужила всеобщее рукоплесканіе. Между тѣмъ *Хобетъ* выѣхалъ въ полномъ вооруженіи; онъ не долго разгорячая коня своего, остановился, и давая мнѣ знакъ копьемъ, кричалъ: готовься, маль-

чишко, принять достойную казнь за свою дерзость! Я не отвѣчая ему, заняла таковое мѣсто, съ котораго бы мнѣ выгоднѣе было напасть на него. Мы напали съ жестокою отважностію другъ на друга; но щастіе сверьхъ ожиданія моего доставило мнѣ скорую побѣду. При первомъ съѣздѣ, *Хобстово* копье скользнувшись объ мой щитъ, отскочило въ сторону; а мое вонзившись подъ латы прошло навылетъ сквозь его чрево, и повергло его мертва на землю. Онъ еще щастливъ былъ тѣмъ, что скоро умеръ, и не слыхалъ радостныхъ восклицаній отъ народа, веселящагося объ его смерти.

Ахъ, прекрасная *Брячислава*! (вскричалъ *Вадимъ*, которой слушалъ ея повѣствованіе съ такимъ чувствованіемъ, какъ бы самъ былъ зрителемъ сраженія) едва я отдохнулъ; отважность ваша заслуживаетъ похвалу отъ всего свѣта, кромѣ одного любовника и супруга вашего. Для всѣхъ *Цедальмъ* и *Святобоговъ* на свѣтѣ не хотѣлъ бы я видѣть и одинъ палецъ вашъ въ опасности. Вы простите мнѣ, что отнынѣ обѣщаюсь я не спускать васъ съ глазъ моихъ, дабы во всякомъ случаѣ мѣшать вашему сердцу заниматься какимъ нибудь богатырскимъ чувствованіемъ, опричь любви. *Брячислава* отвѣчала ему на это поцалуемъ, и продолжала повѣсть.

Ненависть народная къ *Хобету* простиралась до того, что едва успѣла я кончить поединокъ, какъ со всѣхъ сторонъ бросилось больше ста человѣкъ, кои сорвавъ съ него латы, разтерзали его трупъ. Между прочимъ одинъ Маркоманской воинъ подавалъ мнѣ его саблю и великой цѣны бывшій на рукѣ его перстень: принявъ первую, и удивляясь безкорыстію Маркоманца, отговаривалась отъ послѣдняго: однако убѣждена была принять оный; ибо воинъ говорилъ, что никто не долженъ владѣть тѣмъ перстнемъ, кромѣ побѣдителя. Я вздѣла оный на большой перстъ, хотя *Хобетъ* нашивалъ его на мизинцѣ. Этотъ же воинъ подалъ мнѣ ключь отъ *Святобоговой* темницы, которой *Хобетъ*, не имѣвъ ни къ кому довѣренности, носилъ въ своемъ карманѣ. Принесши благодарность безсмертнымъ за низпосланную отъ нихъ побѣду, намѣрилась я не видавшись еще съ Королевою, освободить изъ темницы Князя Свевскаго. Сошла я по нѣсколькимъ ступенямъ въ мрачной погребъ, гдѣ *Святобогъ* лежалъ въ тяжкихъ оковахъ. Онъ находился въ такихъ горестныхъ размышленіяхъ, что не слыхалъ, какъ я вошла, и не прежде опомнился, какъ я сказала ему: обрадуйтесь Князь Свевскій! участь ваша перемѣнится; *Хобетъ* побѣжденъ. Услышавъ это, всталъ онъ, и вскричалъ:

по этому справедливо предсказаніе Сарматскаго волхва, о коемъ сказывалъ мнѣ темничный приставъ! — Ахъ, Свѣтлѣйшая Княжна! (продолжалъ онъ) не знаю, чемъ заслужить вамъ за таковое сдолженіе. Слова его привели меня въ замѣшательство; я подумала, что онъ узналъ мой полъ. Однакожъ вскорѣ разсудивъ, что *Святобогъ* въ мрачности темничной не разсмотрѣлъ меня и счелъ за *Цедальму*, сказала ему: вы говорите не съ Княжною, но съ иностраннымъ мущиною, которой по повелѣнію Свѣтлѣйшей Королевы, *Цедальмы*, за васъ бился, и пришелъ снять незаслуженныя вами оковы. Съ этимъ словомъ разомкнулъ я замки, и освободилъ его. Между тѣмъ какъ выходили мы вонъ, спрашивалъ онъ у меня, гдѣ теперь *Хобетъ* находится? Онъ низшелъ во адъ, отвѣчала я, бывъ заколотъ мною на поединкѣ; вотъ его и сабля лежитъ при дверяхъ! *Святобогъ* оглянувшись, осмотрѣлъ саблю, схватилъ оную и напалъ на меня, вскричавъ: кто бы ты ни былъ, но ты причинилъ несносную обиду моей возлюбленной *Цедальмѣ* тѣмъ, что отнялъ у нее побѣду надъ *Хобетомъ*; честь ея дороже мнѣ моей собственной: и для того заплатишь за это своею жизнію! — Я подумала, что онъ отъ нещастія своего въ умѣ повредился: и для того отсту-

ступила нѣсколько шаговъ назадъ, но наконецъ бѣшенство, съ каковымъ онъ нападалъ на меня, принудило меня къ оборонѣ; можетъ бы сраженіе наше имѣло нещастное послѣдство, когдабъ придворные Маркоманскіе прибѣжавъ, не развели насъ. *Святобогъ* принужденъ былъ итти во Дворецъ, для лучшаго оправданія своего предъ Королевою; однакожь отходя, клялся мнѣ, что не пропуститъ искать случая или самъ погибнуть, или отмстить надъ моею головою свою обиду.

Я заключила, что неприлично будетъ мнѣ итти туда, гдѣ мой непріятель, и что въ противномъ случаѣ нанесу огорченіе Королевнѣ *Цедальмѣ* таковою враждою. Я не могла постигнуть причины, за что *Святобогъ* вмѣсто благодарности учинился мнѣ смертельнымъ непріятелемъ, и пошла въ домъ назначенный мнѣ для жилища; я рѣшилась оставить королевство Маркоманское. Однако не успѣла я снять мое вооруженіе, какъ два спальника придворныхъ пришедъ, просили меня имянемъ Королевы къ ужину. Не можно было мнѣ отговориться; я предстала къ Королевѣ, и выслушала великую благодарность и похвалу. *Цедальма*, обрадованная освобожденіемъ своего любовника, не знала, чемъ изъявить мнѣ свое признаніе; она бросилась мнѣ на шею, поцаловала, и на-

называя меня своимъ другомъ, избавителемъ, и всѣми другими имянами, привела внѣ себя своего любовника. Онъ и безъ того чувствовалъ ревность ко мнѣ, по одному только знакомству моему съ Королевною; но тогда утвердился въ подозрѣніи своемъ, и забывъ благопристойность, началъ меня ругать весьма колкими словами. *Цедальма* взирала на него со изумленіемъ; а я къ прежней обидѣ получивъ новую, приказывала ему грубымъ голосомъ замолчать, и вспомнить, въ каковомъ находился онъ мѣстѣ. Сіе довершило его досаду; онъ вызывалъ меня на поединокъ, и назначилъ мѣсто. *Цедальма* раздражена была таковою неблагодарностію его ко мнѣ; она припоминала ему о должности къ своему избавителю, принуждала просить у меня о прощеніи, и въ досадѣ грозила разорвать съ нимъ всѣ обязательства, естьли онъ того не исполнитъ. Слова ея хотя имѣли надъ нимъ дѣйствіе, хотя онъ извинялся предо мною, но съ великимъ принужденіемъ, и ненависть ко мнѣ блистала въ его взорахъ. По окончаніи сего оставилъ я ихъ, пошелъ къ Королевѣ, чтобъ не подать причину къ новымъ безпокойствамъ; я внутренно прощала *Святобогу*, понимая о суетной его ко мнѣ ревности, и надѣялась освободить его отъ сей мучительной страсти скорымъ

мо-

моимъ отъѣздомъ, въ то время, какъ находилась я у Королевы, и какъ похвалы придворныхъ принуждали меня до нѣсколька разъ закраснѣться, прибылъ отъ *Марободуна* гонецъ. Письма, привезенныя къ его супругѣ, извѣщали, что сынъ его *Монкадо*, щитаемый за убитаго отъ *Святобога*, прибылъ къ нему въ войска; что онъ увѣдомилъ его о измѣнѣ *Хобетовой*, которой приказалъ своимъ посланнымъ, для мнимаго отысканія тѣла его, схвативъ Королевича отвезти въ свой замокъ и посадить въ темницу; что *Монкадъ*, сидѣвъ въ оной въ великомъ изнуреніи, нашелъ наконецъ средство избавиться, и узнавъ о присутствіи родителя своего въ войскахъ, прибылъ къ оному; *Марободунъ* наконецъ повелѣвалъ освободить Князя *Святобога*, просить у него имянемъ своимъ прощенія, а *Хобета* оковавъ по рукамъ и ногамъ посадить въ темницу, въ ожиданіи заслуженной имъ казни. Извѣстіе сіе приключило великую радость. *Святобогъ* призванъ былъ къ Королевѣ, выслушалъ извиненіе, прочиталъ письмо, доказывающее его невинность, и оканчивая вскричалъ: злополучной для меня день! надлежало, чтобъ невинность моя обнародовалась тогда, какъ я за свободу мою обязанъ храбрости ненавистнаго мнѣ человѣка! Таковое восклицаніе непріятно было

ло для Королевы, придворные начали перешептывать, угадывая того причину; старые вельможи почти вслухъ роптали, а я улыбнувшись, молчала. Королева старалась узнать причину; я отговорилась тѣмъ, что оной не постигаю; однако она убѣдила *Святобога* оставить все, естьли бы и имѣлъ онъ причину ненавидѣть меня. Казалось, что онъ успокоился; вечеръ прошелъ весело, и когда Королева хотѣла удалиться во внутреннія покои, испросила я у нее позволенія переговорить съ нею на единѣ; она позволила на то. Я представила сей Государынѣ обстоятельства, принуждающія меня оставить дворъ Маркоманской, и просила дозволенія отъѣхать тайно. Ваше Величество! (продолжала я) можете легко усмотрѣть, что замедленіе мое, кромѣ собственныхъ моихъ нуждъ, можетъ произвести непріятныя слѣдствія для вашихъ намѣреній. Не безизвѣстно мнѣ, что Князь Свевскій имѣетъ надежду вступить съ вами въ родство: я по нещастію навелъ ему подозрѣніе, и ревнивый нравъ относитъ въ противную сторону милости ко мнѣ Свѣтлѣйшей вашей дочери; и такъ удаленіе мое возстановитъ спокойство въ душѣ его. Королева не могла не похвалить великодушнаго моего, по мнѣнію ея, намѣренія; сожалѣла, что такъ худо мнѣ отплачено; предлагала награжденія,

чи-

чины, и уговаривала меня, чтобЪ я отЪѣхалЪ кЪ ея супругу; но по отговоркамЪ моимЪ позволила вЪ моемЪ предпріятіи. Она одаривЪ меня щедро, приказала отправить для препровожденія моего до границЪ дватцать четыре всадника изЪ тѣлохранителей, и возобновивЪ благодаренія за мою услугу, пожелала мнѣ щастливаго пути.

Я приказавЪ моимЪ проводникамЪ быть вЪ готовности кЪ отшествію на разсвѣтѣ дня, готовилась уже лечь вЪ постелю для отдохновенія послѣ понесенныхЪ трудовЪ: какЪ сказали мнѣ о прибытіи оруженосца *Святобогова* сЪ письмомЪ. ВЪ ономЪ сей ревнивый Князь вызывалЪ меня на поединокЪ, называлЪ меня разрушителемЪ своего покоя, и доказывалЪ причины пристойныя войти только вЪ поврежденную голову, по которымЪ онЪ не можетЪ заключить брака сЪ *Цедальмою*, пока я жива. ОнЪ кончилЪ тѣмЪ, что лице мое, весьма сходствующее на смертельнаго врага его, было побужденіемЪ кЪ нападенію на меня при освобожденіи его изЪ темницы, и что увѣрившись вЪ подозрѣніи своемЪ, мѣшающемЪ его любви, долженЪ онЪ удовлетворить своей ко мнѣ ненависти. — Прочитавъ письмо, не могла я удержаться отЪ смѣху; ошибка *Святобогова* кЪ оному меня принуждала, и думаю, что самЪ бы онЪ отЪ того не удержался, когда бы вѣдалЪ о

моемъ полѣ. Я удалена была удовлетворять его заблужденію, и рѣшась уѣхать, приказала оруженосцу сказать ему, чтобъ онъ дожидался меня по возхожденіи солнца позади придворнаго саду. Оруженосецъ отшелъ: я спокойно заснула, и пробудясь очень рано отправилась въ путь мой, не предвидя приключенія, нанесшаго мнѣ немалое огорченіе.

Уже больше десяти верстъ удалилась я отъ столицы Маркоманской, какъ спутники мои увидѣвъ скачущихъ за нами двухъ верьховыхъ, меня о томъ увѣдомили. Былъ то *Святобогъ*, послѣдуемый своимъ оруженосцемъ. Онъ тщетно дожидавшись меня на назначенномъ мѣстѣ, вышелъ изъ терпѣнія, пріѣхалъ въ тотъ домъ, гдѣ я жила, и свѣдавъ объ моемъ отъѣздѣ, погнался за мною. Онъ приближаясь, кричалъ мнѣ: остановись, подлый трусъ! сами боги не укроютъ тебя отъ моего мщенія. Слова сіи принудили меня остеречься; я приготовилась къ оборонѣ, и повернувъ коня ожидала его. Защищайся! кричалъ онъ мнѣ, обнаживъ мечь свой. Я старалась привести его въ разсудокъ, представляла ему неосновательность причинъ, принуждающихъ его меня ненавидѣть, и убѣждала возвратиться съ покоемъ къ прекрасной своей *Цедальмѣ*; но онъ ничего не слушалъ, и бросился на меня какъ бѣшеной.

ТѢ-

тѣлохранители, меня провожавшіе, хотѣли удержать его; но я то запретила имъ, и признаюсь, что наконецъ раздражена была его неблагодарностію и бранью. Мы начали драться: запальчивость его мѣшала ему меня ранить, всѣ удары его упадали на мой щитъ. Я легко могла бы умертвить его; но сожалѣя *Цедальму*, старалась щадить его всѣми мѣрами, и хотѣла лишь ранить ему руку, чтобъ привесть не въ состояніе продолжать битву; но боги иное опредѣлили. Онъ взявъ въ обѣ руки мечь, хотѣлъ сильнымъ ударомъ разрубить мнѣ голову, или по крайней мѣрѣ щитъ мой, но я уклонилась; онъ промахнулся, и отъ жестокаго розмаху пошатнувшись, наткнулся на мой мечь, которой попавши въ сшивку брони, пронзилъ его насквозь. Онъ упалъ съ коня; оруженосецъ его то увидѣвъ, обратился въ бѣгство. Я не имѣла причины остановлять его, и приказала моимъ проводникамъ подать всевозможную помощь нещастному *Святобогу*.

ВЕЧЕРЪ XXIX.

Попеченія мои были безплодны; рана нещастнаго моего непріятеля оказалась смертельна. Боги! вопіяла я съ жалостію; какой случай! какое извѣстіе для злочастной любовницы! Ахъ, *Цедальма*! для чего прелести твои не могли убѣдить къ повиновенію тебѣ *Святобога*! Онъ не былъ бы жертвою своего заблужденія и неосновательной ревности! — Услышавъ слова мои умирающій Князь, собралъ остатки силъ своихъ, подавалъ мнѣ знакъ рукою, чтобъ я подошла къ нему, и говорилъ мнѣ слѣдующее: боги наказали меня твоею рукою въ казнь за мои пороки. Не жалѣй о *Цедальмѣ*; она избавилась отъ сѣтей, мною ей пріуготовленныхъ. Умирая, не имѣю уже причинъ скрываться: знай, что я не Севъ, но *Раславъ*, сынъ Князя Квадскаго, и заклявшійся врагъ дому *Марободунову*. Я намѣренъ былъ обмануть *Цедальму*; и естьли бы того не удалось, увезти ее, и обезчестивъ лишить жизни. Предпріятіе мое отсрочено было до начатія войны, которую Король Маркоманскій готовился объявить моему родителю; я остался для вывѣдыванія при Дворѣ его; въ самой темницѣ получалъ извѣстія, и велъ переписку

съ

съ отцомъ моимъ помощію темничнаго надзирателя; онъ сей оруженосецъ мой, и обратился въ бѣгство за тѣмъ, что тайна его можетъ открыться изъ писемъ, находящихся въ моихъ карманахъ. Но чтобъ вы знали, какая причина привела меня ко Двору *Марободунову*, должно васъ увѣдомить, что я похитилъ въ Болгарахъ Княжну *Предславу*, внуку *Марободунову*, рожденную отъ дочери его *Асамры*. Оная нашла случай спастись съ карабля моего ночью въ малой лодкѣ; я искалъ ее по всѣмъ Государствамъ Славянскимъ, и не нашедъ прибылъ въ Маркоманы, уповая получить объ ней извѣстіе. Между тѣмъ почувствовалъ я нѣкоторую склонность къ *Цсдальмѣ*, и остался въ сказанномъ мною намѣреніи подъ скрытымъ имянемъ. Ненависть моя къ тебѣ родилась не столько отъ ревности, какъ по сходству твоему . . . . . больше онъ не могъ сказать; смерть остановила языкъ его. —— Ахъ, любезная *Брячислава*! вскричалъ *Вадимъ*; вѣдаете ли вы, кто былъ сей *Раславъ*? Это смертельный врагъ брата вашего *Арпада*, и о семъ то сходствѣ, которое вы къ нему имѣете, упомянулъ мнимый *Святобогъ* умирая. Послѣ сего разсказалъ онъ ей приключенія *Арпадовы*, такъ какъ описаны оныя въ первой Части сихъ Сказокъ. Зрите мщеніе боговъ (продолжалъ *Вадимъ*, окончавъ сію по-

повѣсть), они наказали обиду, причиненную имъ вашему брату, рукою вашею. Я вижу изъ сего нѣкоторое опредѣленіе судьбы, что домъ вашъ назначенъ быть полезнымъ дому Болгарской Княгини: вы освободили отца ея *Марободуна* отъ опаснаго непріятеля, и отмстили хищнику его внуки. Я предчувствую, что *Арпадъ* найдетъ свою любезную *Предславу* и будетъ щастливъ. По нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ симъ разсужденіяхъ *Брячислава* продожала:

Письма, найденныя въ карманахъ *Раславовыхъ*, содержали многія злоумышленія, кромѣ тѣхъ, въ коихъ онъ самъ признался; отецъ его совѣтовалъ ему истребить *Марободуна* со всемъ его домомъ, и естьли то удастся, пощадить только одну *Цедальму*, чтобъ женясь на ней пріобрѣсть престолъ Маркоманскій. Я ужаснулась узнавъ, каковая опасность угрожала Двору Маркоманскому. Отдала сіи письма начальнику моихъ проводниковъ, приказавъ оныя тайно вручить самой Королевѣ, и пересказать, что слышалъ онъ самъ изъ устъ умирающаго *Раслава*. Я отпустила всѣхъ тѣлохранителей, вознамѣрившись для лучшаго сокрытія моего пола путешествовать одна. Путь мой направленъ былъ въ мое отечество, и надлежало мнѣ необходимо проѣзжать чрезъ страну Бастарновъ. Опасность, претерпѣнная мною тамъ отъ разбой-

бойниковъ, не удержала меня; я желала слѣдовать ближайшимъ путемъ. Дорогою занималась я размышленіями о нещастной *Цедальмѣ*; огорченіе ея о смерти хотя невѣрнаго, но страстно любимаго ею *Раслава*, представлялось живо въ мысляхъ моихъ: въ самомъ дѣлѣ не перенесла она своего нещастія: я увѣдомилась въ пограничномъ Миркоманскомъ городѣ, что дошелъ слухъ туда о кончинѣ ея, произведенной въ отчаяніи собственными ея руками. Оплакивала я судьбу нещастной сей Королевны; но не знала того, что участь готовитъ мнѣ извѣстіе, отъ котораго источникъ слезъ никогда не изсякнетъ. Вступивъ въ страну Бастарнскую, встрѣтилась я съ *Раймiромъ*, однимъ изъ сотниковъ тѣлохранителей родителя моего. Оный узналъ меня, и сообщилъ мнѣ о нещастной кончинѣ родителя моего и о покореніи Римлянами моего отечества. —— Слезы, при семъ напоминовеніи полившіяся изъ очей *Брячиславиныхъ*, остановили слова ея. *Вадимъ*, утѣшая ее, самъ плакалъ. *Озана*, какъ женщина, не пропустила сего случая и соединила свои; *Бурновей*, какъ любовникъ ея, присталъ къ нимъ, и сказываютъ, что слезы были тогда съ роду въ первой разъ на лицѣ его. Плачевной сей концертъ кончился восклицаніемъ *Брячиславы* къ *Вадиму*: вотъ, любезный Князь! приданое, которое ты за мною получаешь!...

Но когда [продолжала она] нашла я тебя; когда живЪ братЪ мой, я забываю все мое нещастіе. Разговоры отчасу становились не такЪ унывны, печаль загладилась поцалуями, и *Брячислава* продолжала свою повѣсть.

—— *РаймірЪ*, о которомЪ я упоминала, и которой за нами слѣдуетЪ подЪ имянемЪ моего оруженосца, былЪ проводникомЪ моимЪ вЪ странѣ Бастарнской. Шествуя нѣсколько дней, прибыли мы кЪ воротамЪ одного замка. Близь живущіе земледѣльцы сказали мнѣ, что вЪ этомЪ домѣ не очень задолго случилось страшное произшествіе, при которомЪ три дворянина сЪ ихЪ служителями умерщвлены были, и что сраженіе произходило за дѣвицу, госпожу онаго замка. Они увѣдомили меня притомЪ, что дѣвица сія живетЪ во всечасномЪ страхѣ и великомЪ уединеніи. Состояніе ея показалось мнѣ достойно сожалѣнія, и нѣсколько сходственно сЪ моимЪ вЪ разсужденіи безпомощнаго одиначества. Я рѣшилась увидѣться сЪ нею и заключить сЪ нею дружество; ибо между нещастными бываетЪ всегда взаимственное притяженіе. Мы нашли ворота замку ея крѣпко заперты, и по многомЪ стучаніи вышла кЪ намЪ служанка. По прозьбѣ моей о дозволеніи видѣться сЪ ея госпожею, ходила она докладывать, и наконецЪ возвратилась сЪ пятью

во-

вооруженными служителями, которые отворивъ ворота, позволили мнѣ въѣхать; но съ условіемъ, чтобъ оруженосецъ мой отдалъ свое оружіе на сохраненіе во все то время, пока мы въ замкѣ пробудемъ; не противились мы тому. Я приведена была предъ госпожу замка. Сія прекрасная дѣвица находилась въ великой печали, и спальня ея обита была чернымъ. Но чтобъ короче вамъ сказать, была то дражайшій мой другъ *Оэана*. Таинственная склонность вскорѣ произвела между нами взаимную довѣренность; она разсказала мнѣ свои приключенія, а я не утаила равномѣрно отъ нее объ моей природѣ, полѣ и нещастіяхъ. (Въ семъ мѣстѣ повѣствовала *Брячислава* объ *Оэанѣ* все то, что Читатель уже знаетъ изъ первой части сихъ Сказокъ. Потомъ продолжала она слѣдующее). Когда *Оэана* выслушала мою повѣсть, вскочила она въ восторгѣ, и обнявъ меня, говорила: Ахъ, Свѣтлѣйшая Княжна! какой благотворительный духъ привелъ васъ въ домъ мой! Сколько обрадована я, что могу увѣдомить васъ о возлюбленномъ вашемъ *Вадимѣ*! Онъ не очень задолго былъ у меня, и не скрылъ отъ меня своихъ приключеній. Какъ жаль того, что онъ, щитая васъ погибшею, безмѣрно себя сокрушаетъ; такъ какъ и вы по сихъ поръ не вѣдали, живъ ли онъ, или нѣтъ. *Вадимъ* странствуетъ по свѣту подъ

 скры-

скрытыми имянами, и всюду носитъ печаль въ сердцѣ о своемъ served уронѣ. Онъ мнѣ оказалъ великое одолженіе: храбростію своею избавилъ отъ смерти, и защитилъ отъ недостойнаго человѣка, которой искалъ обмануть меня и завладѣть моимъ малымъ имѣніемъ. Не могу я изобразить вамъ, любезной *Вадимъ*, (продолжала *Брячислава*) сколько обрадована была я таковымъ извѣстіемъ. По препровожденіи нѣсколькихъ дней въ ея замкѣ, въ которые безпрестанно занимались мы разговорами объ нашихъ любовникахъ, въ которые *Озана* оплакивала отлученіе своего возлюбленнаго *Бурновея*, заключили мы соединить наши нещастія, и странствуя по свѣту погибнуть, или сыскать особъ столько намъ любезныхъ. Мы собрались въ путь нашъ, которой назначили мы ко Двору Полянскому; ибо *Озана* слышала объ намѣреніи вашемъ (говорила она *Вадиму*) быть тамъ. Уповали мы развѣдать въ Вандалѣ столичномъ городѣ Полянскомъ, куда вы предпріяли путь вашъ; а *Озана* чаяла услышать тамъ о своемъ возлюбленномъ *Бурновеѣ*, какъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ препровождалъ онъ многое время. *Озана* писала къ своему брату, находившемуся тогда въ столицѣ Бастарнской, чтобъ принялъ онъ имѣніе ея въ свое покровительство, открывъ притомъ причину своего удаленія изъ отече-

че-

чества. Мы одѣлись обѣ въ богатырское одѣяніе, запаслись на дорогу деньгами, и взявъ съ собою вооруженнаго служителя, поѣхали сами-четверты въ Полянію.

Тамъ развѣдали мы о славѣ вашей и успѣхахъ *Бурновоевыхъ* на богатырскихъ потѣхахъ; ибо по описанію узнала я, что Полководецъ *Декеваловъ*, отца моего, не иной кто былъ, кромѣ моего возлюбленнаго. Выспрашиванія о пути вашемъ вели насъ по слѣдамъ вашимъ въ Ясы, и оттуда въ область Князя Сусольскаго. Мы намѣрены были ѣхать ко Двору его, но сіе предпріятіе остановилось чрезъ встрѣчу нашу въ густомъ лѣсу, когда я избавила моего *Вадима* при опасномъ сраженіи съ двумя медвѣдями за сусольскую Княжну. Я уже слышала, что при Дворѣ Сусольскомъ находятся три богатыря, изъ коихъ къ одному Княжна оказываетъ отмѣнную благосклонность; услышала также, что Князь и Княжна съ оными богатырями на охотѣ: когда же встрѣтилась съ вами, и узнала я васъ, равно и Княжну по богатому ея одѣянію, сердце мое почувствовало ревность. Красота Княжны, ваши попеченія объ ней, и образъ, коимъ приносили вы благодареніе за избавленіе ея отъ опасности, утвердили меня въ мысляхъ, что я истребилась уже изъ сердца моего *Вадима*. Каковое ни чув-

 ство-

ствовала я тогда мученіе, но со всемъ тѣмъ не лишилась надежды, что вы узнавъ меня, вспомните о данныхъ мнѣ клятвахъ, и возвратите прежнюю нѣжность, которая можетъ быть ослабѣла отъ ложнаго мнѣнія объ моей смерти. Я готова была открыться вамъ, но когда вы отдали мнѣ, не узнавъ меня, тотъ перстень, коимъ я съ вами обручалась: подозрѣнія мои утвердились, отчаяніе мое взошло на верьхъ крайности, и я сочтя васъ вѣроломнымъ, признала за недостойнаго. Ревность вывела меня изъ себя, когда вы, бросясь къ Княжнѣ Сусольской, начали оказывать таковыя попеченія, на которыя подозрѣвающей любовницѣ не можно взирать равнодушно. Чтобъ избавиться отъ таковаго противнаго позорища, сказала я *Озанѣ*, отведши ее къ сторонѣ: ты видишь крайность моего нещастія; оставимъ сіе ненавистное мѣсто и поѣдемъ куда глаза глядятъ! Съ этимъ словомъ сѣли мы на лошадей, поскакали мы прочь, и надвечеръ пріѣхали въ нѣкоторое Сусольское селеніе. Проведенная въ ономъ ночь была для меня несказанно мучительна. Мысли мои уподоблялись волнуемому отъ жестокихъ и перемѣнныхъ вѣтровъ морю. Любовь, досада, ревность, сожалѣніе и печаль, сражались въ моемъ сердцѣ. Слезы то проливались, то остановлялись въ

гла-

глазахъ моихъ. Должно признаться, что тогда въ первой разъ ощутила я жестокость любви и весь ядъ ревности. Тщетно любезная моя *Озана* старалась совѣтами своими разгонять грусть мою, и ободрять меня представленіями объ томъ, что можетъ быть мнимая смерть моя учинила любовника моего непостояннымъ, и что сего не можно счесть за измѣну, а надлежитъ открыться; я ничего не слушала. Больше дватцати разъ срывала я съ руки моей обручальной тотъ перстень, хотѣла растоптать его ногами, но опять вспоминая, на чьей рукѣ онъ былъ, цаловала оный съ пролитіемъ слезъ, и обратно возлагала на мой палецъ. Словомъ сказать, состояніе мое тогдашнее можетъ понятно быть только человѣку, испытавшему подобныя моимъ страсти: ревность есть изъ всѣхъ жесточайшая, и уподобляетъ человѣка сумасшедшему. Крѣпкій сонъ послѣдовалъ по томъ и успокоилъ нанѣсколько терзаніе души моей. Проснувшись, рѣшилась было я написать письмо, въ коемъ готовилась укорить тебя, любезной мой *Вадимъ*, въ непостоянствѣ, увѣдомить тебя, гдѣ я нахожусь, и ожидать, какія расположенія принудитъ меня взять отвѣтъ твой. Однако какъ сидѣла я въ сихъ размышленіяхъ подъ окномъ, увидѣла я двоихъ богатырей, ѣдущихъ по улицѣ, изъ коихъ одинъ ка-

казался быть въ великой печали. Но сколько возтрепетало мое сердце, когда узнала я въ немъ моего любовника и супруга! Печаль его сочла я за грусть по Сусольской Княжнѣ, но не понимая, отъ какой бы причины оная произошла. Ревность моя внушала мнѣ сумазбродныя воображенія, и лишь только усугубила досаду и ненависть. Я готова была тогда лишить своими руками жизнь того *Вадима*, за коего бы спокойство прежде сего готова была тысячекратно пожертвовать моею собственною. Въ семъ смятеніи чувствъ примѣтила я тотъ домъ, въ которомъ вы ночевать расположились, заключила погибнуть отъ руки вашей, вызвавъ васъ на смертной поединокъ въ столицу ненавидящаго васъ брата; ненависть моя не могла тогда щадить моего любезнаго, и подвергая его опасностямъ, находила удовольствіе въ томъ, что отлучу его отъ моей совмѣстницы. Въ таковомъ намѣреніи написала я къ вамъ то письмо, которое нашли вы при обмѣнѣ оружія; и какъ я писала оное отъ лица мущины, то не удивительно, что сочли вы оное за почеркъ руки брата моего *Арпада*, которой съ моимъ очень сходенъ. Дождавшись полночи, намѣрилась я отнести письмо сама, и вошедши съ осторожностію въ тотъ покой, гдѣ спалъ мой любовникъ, въ послѣдній

разъ

разъ взглянуть на него. *Озана* хотя не вѣдала о томъ, что любезной ея находится вмѣстѣ съ *Вадимомъ*, но узнавъ мое намѣреніе послѣдовала за мною. Мы назвались служителями вашими: и по тому безпрепятственно впущены были хозяиномъ. Мы нашли васъ въ крѣпкомъ снѣ; но что послѣдовало съ моею *Озаною*, когда она узнала своего *Бурновея*! Она лишилась чувствъ, и едва старанія мои успѣли привести ее въ память. Однако она не имѣя причины ненавидѣть своего любовника, хотѣла разбудить его и открывшись остаться съ нимъ; слезы мои и прозьбы едва удержали ее отъ таковаго намѣренія. Ахъ! сколькихъ бы печалей избавила я ее и себя, когдабъ не попрепятствовала сему ея желанію! Любезная моя *Озана* таковою неслыханною жертвою для любовницы доказала мнѣ несомнительный опытъ своего дружества. Мы обмѣняли оружіе; я положила письмо на таковомъ мѣстѣ, гдѣ бы *Вадимъ* скорѣе оное увидѣть могъ. Учинивши оное, предпріяли мы путь въ области Славянскаго Князя.

Во время дороги занимались мы обѣ равномѣрною печалію, я отъ мнимой невѣрности моего *Вадима*, а *Озана* отъ того, что изъ дружбы ко мнѣ пропустила случай удостовѣриться, имѣетъ ли къ ней прежнюю

нюю склонность ея любовникъ, и долгая разлука не истребила ли ее изъ его сердца. Прибывъ въ области Славянорусскія, узнали мы о войнѣ, произходящей съ бунтовщикомъ *Худояромъ*. Не мыслили мы пристать къ сторонѣ сего безбожнаго человѣка, однако нещастіе подвергло насъ къ тому. Мы попались помощному его веденному отъ Печенеговъ войску, взяты и представлены предъ него. Необходимость принудила насъ взять прибѣжище къ притворству: я отвѣчала сему бунтовщику за себя и *Озану*, что мы люди знатной природы, и бывъ гонимы нещастіями, принуждены взять прибѣжище подъ его знамены; что въ семъ намѣреніи ѣхали мы къ его войску, и на дорогѣ захвачены были по неосновательному подозрѣнію отъ союзныхъ его Печенеговъ. *Худояръ*, старающійся о умноженіи силъ своихъ, принялъ насъ съ радостію, приказалъ отдать отобранное у насъ оружіе, и предлагалъ намъ чины въ своемъ войскѣ. Я отговорилась отъ послѣдняго, представляя ему, что законы богатырскіе не дозволяютъ намъ согласиться на сей опытъ его щедрости, по той причинѣ, что мы по нещастію были побѣждены на единоборствѣ отъ двухъ Славянорусскихъ богатырей, учинились ихъ невольниками; и сіе рабство препятствуетъ намъ принять чины отъ него предлагаемые, пока побѣдою надъ двумя богатырями не свергнемъ съ себя сихъ поносныхъ узъ, и не

учинимся чести достойными. Ложь моя понравилась *Худояру*; онъ сказалъ намъ: видимо, что вы люди храбрыя и въ нещастіи не унывающія. Желаніе ваше исполнится, когда сойдемся мы съ войскомъ непріятеля моего. Я велю тогда вызвать противу васъ двухъ храбрыхъ наѣздниковъ; и естьли вы щастливо побѣдите оныхъ, удальство ваше награждено будетъ первыми чинами въ моемъ войскѣ. Мы отблагодарили за его милость, и пошли въ отведенной намъ шатеръ, намѣрясь добровольно отдаться въ плѣнъ Славяноруссамъ, чтобъ только избавиться отъ безчестной стороны бунтовщиковъ. Когда оба войска сошлись, и когда *Обрской* Полководецъ, бывъ на поединкѣ, измѣнилъ *Худояру* и передался на сторону Славяноруссовъ: пойманные тогда языки (*) увѣдомили, что нанесшіе въ послѣдней сшибкѣ ужасъ *Худояровымъ* войскамъ богатыри не давно прибыли къ нимъ, и называются одинъ *Мсиславомъ*, а другой *Бурновеемъ*. Узнавъ о томъ, догадались мы съ *Озаною*, что *Мсиславъ* не иной кто

 быть

(*) Языкъ назывался плѣнникъ, пойманный для вывѣдыванія о состояніи силы и намѣреній непріятелей. Въ старину не знали, какъ посылать лазутчиковъ, и добрые Славяне во всемъ дѣйствовали одною храбростію.

быть долженъ, кромѣ *Вадима*, когда онъ находится въ товарищесвѣ *Бурновея*. Вотъ, сказала я *Озанѣ*, теперь есть случай увидѣться тебѣ съ своимъ любовникомъ и открыться ему. Пойдемъ просить *Худояра*, чтобъ онъ повелѣлъ вызвать ихъ на поединокъ противу насъ. Ты дѣлай тогда, что хочешь; но что до меня, я рѣшилась умереть отъ рукъ моего измѣнника. Согласясь, пошли мы къ *Худояру*, и просили его, чтобъ имянно противу насъ вызваны были *Вадимъ*, скрывающійся подъ имянемъ *Мсцислава*, и *Бурновей*; мы сказывали ему, что они самые тѣ богатыри, отъ коихъ рукъ подвержены мы неволѣ. *Худояръ* писалъ къ Славянорусскому Полководцу; мы сражались съ вами, какъ все то вамъ извѣстно; но когда вы любезной *Вадимъ* съ другомъ своимъ не узнали насъ, то не захотѣли мы открыться вамъ до прибытія въ Хомоградъ. Хотя сердце мое почувствовало великую радость, отъ оказанной вами при возвращеніи обручальнаго перстня, но ревность моя еще не совершенно была успокоена. Что надлежитъ до *Озаны*, она сразилась съ *Бурновеемъ* въ замѣшательствѣ мыслей своихъ, когда и въ покрытомъ бронею противникѣ узнала своего любовника; но когда по снятіи шелома онъ не узналъ ее, тогда подумала она, что онъ забылъ ее: и для того ро-

бѣя ему открыться, отложила то, равно какъ и я, до прибытія въ столицу Гардорикову. Долго мы и тщетно васъ тамъ дожидались. Оруженосцы наши провѣдывая ежедневно, узнали напослѣдокъ, что два богатыря сходные къ вамъ содержутся подъ стражею. Не было способу провѣдать намъ обстоятельнѣе до тѣхъ поръ, какъ узнали мы, что *Гардорикъ* опредѣлилъ онымъ сражаться объ жизни и смерти. Тризны, учрежденныя въ память моего *Вадима*, повергли меня въ жестокое отчаяніе; я заключила, что ты мой любезной убитъ на сраженіи, и что братъ твой, узнавъ про смерть твою, изъ благопристойности скрылъ свою къ тебѣ ненависть, и хотѣлъ загладить оную въ очахъ народа торжественными тризнами. Но когда я въ угодность *Озанѣ*, равномѣрно печальной и ищущей въ осужденныхъ богатыряхъ своего *Бурновея*, вышла посмотрѣть поединка: узнала я тебя мой дражайшій *Вадимъ*. Твой разговоръ съ *Бурновеемъ*, успокоилъ совершенно мое сердце. Мы то кричали къ вамъ, когда вы хотѣли умертвить другъ друга. Прочее тебѣ извѣстно.

Про-

Продолженіе Вадимовыхъ приключеній.

Когда *Брячислава* окончила свою повѣсть, любовники, какъ легко догадаться можно, возобновили поцалуи и увѣренія о вѣчной вѣрности. Между тѣмъ они ѣхали, и достигли въ *Винсту*, примрской городъ, находящійся въ Варягіи. *Вадимъ* и *Брячислава* несказанно обрадовались, нашедъ въ семъ мѣстѣ *Урмана*. Сей престарѣлый и вѣрный мужъ увѣдомилъ *Вадима*, что нечаянной отъѣздъ его и неосновательное мнѣніе объ *Арпадовой* на него досадѣ, которое усмотрѣлъ онъ изъ письма къ нему (*Урману*), привели въ великую печаль Князя Дакскаго. Оный по выздоровленіи своемъ, не счелъ за нужное медлить долѣе въ Сусолахъ, и отправился ко Двору Готфскому. Онъ приказалъ мнѣ (продолжалъ *Урманъ*) слѣдовать за вами въ области Славянорусскія, увѣрить васъ въ вѣчномъ своемъ дружествѣ, и стараться вывести васъ изъ огорчительнаго для него вашего въ томъ подозрѣнія, коему причины онъ не постигаетъ. Въ то время, какъ сбираяся въ путь, мѣшкалъ я въ Сусолахъ, *Простай*, находясь при Дворѣ Княжескомъ, началъ грустить объ вашемъ отъѣздѣ; напослѣдокъ тайно уѣхалъ, не извѣстно

стно куда, и посланные для сысканія онаго отъ Князя нигдѣ не могли объ немъ провѣдать. Что надлежитъ до меня, письмо ваше привело меня въ крайнее изумленіе: не могъ я угадать, кто бы былъ таковой злѣйшій вамъ непріятель, которой вызвалъ васъ для поединку въ ту страну, гдѣ подвергались вы и безъ его злобы крайней опасности. Я немедленно предпріялъ путь мой въ Хомоградъ, и подъ скрытымъ имянемъ не опасался въономъ появиться; ибо лѣта сморщили и перемѣнили черты лица моего. По пріѣздѣ моемъ узналъ я объ истребленіи бунтовщиковъ, но не могъ получить объ васъ ни малѣйшаго извѣстія. Послѣ того повѣствовалъ *Урманъ*, какъ онъ свѣдалъ о славѣ *Вадима* и *Бурновся* въ прошедшей войнѣ; какъ узналъ, что два чужестранные богатыря содержатся въ Хомоградѣ подъ стражею; какъ онъ вздумалъ для безопасности *Вадимовой* разнести слухъ о его смерти и прочемъ; что уже извѣстно Читателю. Наконецъ сказывалъ, что онъ опасаясь *Гардорика*, чтобъ оный захвативъ его, не употребилъ мученій для удостовѣренія въ истиннѣ, уѣхалъ изъ областей его, и слѣдовалъ въ Готфію, гдѣ намѣренъ былъ дожидаться участи своего возлюбленнаго Князя.

Вадимъ и спутники его, осмотрѣвъ въ *Винстѣ* все достойное примѣчанія, отпра-

вились ко Двору *Готфскому*, и прибыли въ Бравалахедъ (*), столичный городъ сего государства. Въ то время государствовалъ надъ Остроготфами и Визигофами(**) Король *Халданъ*, первой сего имяни. Первое стараніе ихъ состояло въ провѣдываніи объ *Арпадѣ*, однако никто не могъ ихъ въ томъ удовольствовать, и имя сего Князя тутъ никому было не извѣстно.

ВЕЧЕРЪ XXX.

Вадимъ и *Брячислава*, а не менѣе того и *Бурновей*, чрезмѣрно печалились, не зная того, что приключилось съ Дакскимъ Княземъ; однако разсуждая, что можетъ быть живетъ онъ подъ скрытымъ имянемъ, не переставали продолжать свое исканіе. *Вадимъ* и *Бурновей* ежедневно ѣздили въ разныя мѣста, за городъ и по всѣмъ дорогамъ, уповая

(*) Сей городъ находился при великой и славной долинѣ того же названія, на которой Готфы въ лѣто 375 одержали знаменитую побѣду надъ Датчанами.

(**) Остроготфы значатъ Восточныхъ Готфовъ, а Визигофы Западныхъ.

вая гдѣ нибудь съ нимъ встрѣтиться. Въ одну изъ таковыхъ поѣздокъ, *Вадимъ* желая отдохнуть въ тѣни отъ солнечнаго зною, своротилъ съ дороги въ близъ находившуюся рощу, привязалъ коня своего, а самъ выбравъ прохладное мѣсто, легъ въ тѣни одного дерева. уединенie привело его въ размышленiя; онъ столько занялся нещастною участью своею, принудившею его, оставивъ отечество, странствовать по свѣту, что пропустилъ часъ, въ который обѣщался онъ возвратиться. Онъ бы можетъ быть и далѣе остался въ своей задумчивости, естьли бы шорохъ приближающагося человѣка не принудилъ его оглянуться. Онъ увидѣлъ прекрасную дѣвицу, въ отчаянномъ видѣ и съ растрепанными волосами идущую. Дѣвица сiя, оглядываясь на всѣ стороны, приближалась къ самому тому мѣсту, гдѣ онъ лежалъ, и не примѣтивъ его остановилась къ нему спиною. И такъ, всесильные боги! сказала она, нѣтъ отрады моему злочастiю, нигдѣ я не могу найти оной, кромѣ смерти. . . . Невинность на свѣтѣ не имѣетъ защитника: любезной мой погибнетъ позорною казнiю; а я могу ли слышать ужасную вѣсть о его смерти! Могу ли я дождаться сего страшнаго часа! Нѣтъ! рука моя не оробѣетъ принести мнѣ сiю отраду . . . Съ словомъ симъ вынула она кинжалъ, и хотѣла заколоться.

Ва-

Вадимъ, схвативъ за руку, удержалъ ее отъ таковаго отчаяннаго намѣренія; онъ отнялъ у нее смертоносное оружіе, представлялъ ей, что она слабо полагается на провидѣніе боговъ, когда не хочетъ покориться ихъ опредѣленію и ищетъ отрады въ самоубійствѣ. — Господинъ рыцарь! сказала она *Вадиму*, взирая на него со изумленіемъ; вы не извѣстны о жестокости судьбы, меня утѣсняющей: и по тому не можете заключить, сносна ли оная. Услуга ваша въ удержаніи меня отъ смерти для меня непріятна — Но естьли я могу быть вамъ полезенъ? (подхватилъ *Вадимъ*) Не одно только человѣколюбіе принуждаетъ меня отвращать васъ отъ покушенія на жизнь свою; я предлагаю вамъ мои услуги, естьли оныя въ состояніи быть полезны вашему любовнику, о коемъ вы упомянули. Удостойте вразумить меня обстоятельнѣе, чемъ могу защитить его? Естьли чрезъ оружіе; вы увидите меня готоваго къ возвращенію вашего спокойства. — Великодушный Рыцарь! (отвѣчала дѣвица) я взираю на васъ какъ на духа хранителя, посланнаго къ удержанію моего отчаянія. Любовникъ мой осужденъ на смерть по неосновательному подозрѣнію въ убійствѣ: судъ назначилъ оправдаться ему чрезъ оружіе постороннее, опредѣлилъ срокъ, которой съ нынѣшнимъ днемъ кон-

читъ-

чится; но ни въ комъ не нашла я великодушія, всѣ рыцари глухи были къ моимъ прозьбамъ, и вы первый, которой оказываешь больше великодушія, нежели сколько находится онаго во всей странѣ Готфской. — Ведите меня (сказалъ *Вадимъ*), уповаю на помощь боговъ, покровительствующихъ невинности, что я возвращу ваше спокойство; а между тѣмъ сдѣлайте повѣренность разсказать мнѣ подробнѣе ваше и любовника вашего приключеніе. Дѣвица исполнилась радости, благодарила *Вадима* со слезами; она сѣла на коня своего, которой брошенъ былъ ею на краю рощи, поѣхала къ городу, и дорогою разсказывала слѣдующему за нею *Вадиму*: —,, Я дочь одного Готфскаго Вельможи; объ имяни моемъ позвольте мнѣ умолчать. Съ малолѣтства еще взаимная склонность соединила сердце мое съ *Віарновымъ*. Такъ называется мой любовникъ, произходящій изъ знатнаго Острготскаго дому. Родители наши по старинной между собою дружбѣ одобряли пламень любви нашей; положено было на словѣ, и назначено время къ заключенію нашего брака, но нещастное приключеніе радости наши превратило въ жесточайшую горесть. *Віарнъ* находясь въ особливой милости у нашего Короля, и занимая немаловажный чинъ при Дворѣ его, ѣздилъ просить у него позволенія ко вступле-

ленію въ бракъ со мною, и получивъ оное, возвращался. Полдневный жаръ принудилъ его взять отдыхъ въ рощѣ сей, гдѣ намѣрена была я окончить жизнь мою. Не отъѣхалъ онъ съ дороги больше двадцати саженъ, какъ увидѣлъ онъ двухъ убитыхъ человѣкъ, и подъѣхавъ къ онымъ узналъ, что былъ то *Годрихъ*, сынъ верьховнаго Боярина, съ своимъ слугою. *Віарнъ* пораженъ былъ смертію лучшаго своего пріятеля, которой испускалъ послѣднее дыханіе. Онъ соскочилъ съ лошади, бросился къ нему на помощь, хотѣлъ узнать убійцу, но уже поздно было: *Годрихъ* скончался въ ту самую минуту, какъ извлекъ онъ изъ груди его окровавленный мечь. Любовникъ мой, готовый отмстить за смерть своего друга, оглядывался на всѣ стороны, и разослалъ всѣхъ слугъ своихъ осмотрѣть въ окрестностяхъ того мѣста, не увидятъ ли они кого подозрительнаго въ убійствѣ. Посланные вскорѣ возвратились, и увѣдомили его, что *Норіонъ*, Дворянинъ, также при Дворѣ служащій, и непримиримой злодѣй моего любезнаго, поспѣшно скакалъ изъ сей рощи. Между тѣмъ какъ *Віарнъ* разсуждалъ, что ему начать и взять ли тѣло съ собою, наѣхалъ на него дозоръ Королевскій, пекущійся о благоустройствѣ вокругъ столицы. *Віарнъ* не разсудивъ за благо подать на себя подозрѣніе, находясь

при

при мертвомъ тѣлѣ, поѣхалъ отъ онаго прочь, и тѣмъ больше оное умножилъ. Дозорные догнавъ остановили его: начальникъ спрашивалъ у него, за что онъ закололь *Годриха*? Онъ оправдался, сколько могъ, и казалось, что увѣрилъ тѣмъ начальника дозору; а особливо по тому, что ему извѣстна была дружба его съ убитымъ *Годрихомъ*. Начальникъ дозору не взялъ его подъ стражу, но представляя ему, что не можетъ онъ утаить сего отъ суда, совѣтовалъ ему ѣхать къ самому Королю и разсказать о приключившемся сущую правду. *Віарнъ* послушалъ его совѣту, и на другой день представъ предъ Государя своего, доносилъ о произшедшемъ, и оправдывая себя, ссылался на дозорнаго начальника; однако Король бывъ предупрежденъ прозьбами отца *Годрихова*, обѣщалъ оказать строжайшее правосудіе. Начальникъ дозору былъ спрашиванъ подъ присягою, и не могъ показать инаго, кромѣ того, что видѣлъ, то есть, что онъ стоялъ съ окровавленнымъ мечемъ близь убитаго тѣла. Подозрѣніе упало на *Віарна*; Король повелѣлъ его содержать подъ карауломъ, пока освѣдомятся и изслѣдуютъ яснѣе. Служители *Віарновы* забраны были, и не взирая на свою невинность, выдержали мученія; однако отъ нихъ не узнали ничего въ прибавокъ, кромѣ того,

го, что видѣли *Норіона*, удаляющагося отъ убитыхъ, и о чемъ великодушный мой любовникъ опасаясь, чтобъ не сочли то за знакъ ненависти къ его непріятелю, умолчалъ. *Норіонъ* взятъ былъ по сему также подъ стражу. По слѣдствію не нашлось больше того, что кто нибудь изъ двухъ, либо *Норіонъ*, или мой любовникъ былъ убійцею; и въ таковомъ сомнѣніи опредѣлено имъ виноватаго уличить чрезъ поединокъ. — Варварской уставъ! — отецъ убитаго согласенъ былъ на приговоръ сей. Назначенъ день и часъ, въ который надлежало имъ биться. Я не могла смотрѣть на сіе ужасное позорище, и находилась въ великомъ ужасѣ, ожидая поразительнаго извѣстія. Оное не замедлило повергнуть меня въ отчаяніе; я узнала, что *Віарнъ* побѣжденъ и приговоренъ къ опасной казни, а *Норіонъ* освобожденъ. Тщетно родственники наши старались у Короля испросить ему пощаду; онъ жалѣя объ участи *Віарновой*, не хотѣлъ показать себя неправосуднымъ. О жестокая добродѣтель и несогласная съ естествомъ! можетъ ли то назваться правосудіемъ, когда сильной убійца побѣдитъ слабаго невиннаго, и тѣмъ подвергнетъ его той казни, кою самъ заслуживалъ? Въ отчаяніи моемъ, прибѣгла я сама къ Королю: жалостное мое состояніе поколебало его суровость; онъ позво-

волилѣ мнѣ сыскать рыцаря, которой бы сразясь съ *Норiономъ*, оправдалъ и его жениха. Судъ получилъ о томъ повелѣнiе, обнародовалъ оное, и назначилъ срокъ, въ которой защитникъ *Вiарновъ* явиться долженъ, съ тѣмъ однако отступленiемъ, что *Норiонъ*, естьли не захочетъ самъ биться, можетъ также представить вмѣсто себя другаго. Я ѣздила всюду, просила всѣхъ, и до сего часа не нашедъ ни въ комъ великодушiя, пришла въ таковое отчаянiе, что хотѣла сама себя умертвить. Но боги сжалившись надо мною, послали васъ къ удержанiю моей жизни. „ ——

При окончанiи повѣствованiя невѣсты *Вiарновой*, находились они уже въ городѣ; *Вадимъ* приведенъ былъ ею предъ крыльцо судебнаго дома. Онъ вызвалъ бирюча, и велѣлъ ему возгласить, что онъ снимаетъ на себя доказать невинность *Вiарнову* оружiемъ. По произведенiи сего троекратнаго восклицанiя Судiи были созваны, *Норiонъ* сысканъ, и наутрѣе назначено сраженiе. Дѣвица испросила позволенiе принести сiю радостную вѣсть въ темницу къ своему любовнику, а *Вадимъ* поѣхалъ домой.

Безпокоющаяся объ отсутствiи его *Брячислава* спрашивала у него о причинѣ таковаго замедленiя; *Вадимъ* разсказалъ ей, что съ нимъ приключилось и къ каковому подви-

виту онъ обязался. *Брячислава* не могла не похвалить его великодушія, хотя сердце ея жестоко затрепетало. *Бурновей* примѣтивъ появившееся на лицѣ ея безпокойство, вскричалъ: не опасайтесь прекрасная Княжна! Готфы никогда не могутъ быть страшны для Славянина! Это щастливой случай, которой можетъ прославить въ странѣ сей моего друга; я самъ бы желалъ выѣхать вмѣсто *Вадима*, когда бы онъ согласился мнѣ уступ. . . . *Оэана* зажала ему ротъ, и не дала кончить. Произшествіе сіе развеселило всѣхъ, и день тотъ прошелъ такъ же радостно, какъ бы *Вадимъ* готовился наутро ѣхать къ Королю на обѣдъ. Поговорили немножко объ *Арпадѣ*, и заснули всякъ на своемъ мѣстѣ. *Вадимъ* засыпая, думалъ о братѣ своей возлюбленной; ибо до сыскания онаго она отрѣшила его отъ всякихъ правъ, доставляемыхъ супружествомъ. *Вадимъ* вздохнулъ, зажимая глаза, и слышалъ, что и *Брячислава* сдѣлала то же.

Когда лучезарный Свѣтовидъ восходомъ своимъ освѣтилъ столицу Готфскую: *Вадимъ* въ полномъ вооруженіи находился уже на площади предъ Дворцомъ, гдѣ назначено было мѣсто къ битвѣ. Противникъ его также не замѣшкалъ появиться. Множество народа собралось смотрѣть сего позорища, и между прочимъ присутствовали

тупѣ тайно *Бурновей*, *Брячислава* и *Озана*, Король Готфскій любопытствовалъ также видѣть отважнаго сего рыцаря, и находился подъ окномъ теремовъ своихъ. Осужденной былъ выведенъ, и когда спросили у него, доволенъ ли онъ своимъ защитникомъ? Когда объявилъ онъ свое согласіе, данъ былъ знакъ къ начатію поединка. Противники начали разогрѣвать коней, и искусными турмованіями своихъ коней показали, что они должны быть не простые люди, но какіе нибудь славные богатыри. Сражающіеся равномѣрно изъ ухватокъ своихъ замѣтили, что надлежитъ имъ другъ противъ друга имѣть осторожность. При первомъ съѣздѣ копья ихъ отъ сильнаго удару разлетѣлись въ части, но оба всадника не тронулись ни на волосъ въ своихъ сѣдлахъ, къ великому удивленію зрителей. Король позволилъ имъ взять другія и крѣпче первыхъ копья, и вновь сразиться. При второмъ наскокѣ сразились они столько жестоко, что лошади подъ ними не удержались, и они какъ бы сговорясь со всѣхъ ногъ упали; однако всадники вдругъ вскочивъ, опять на нихъ сѣли; и какъ копья ихъ были еще цѣлы, то сразились они вновь, при чемъ копья раздробили въ мѣлкія части. Побѣдителя опять узнать было не можно. *Вадимъ* не имѣлъ другихъ

выгодъ, кромѣ того, что противникъ его отъ удару немного назадъ пошатнулся. Они обнажили мечи свои и произвели столь ужасную рубку, что части брони другъ на другѣ отсѣкали. Сила съ обѣихъ сторонъ такова была, что они болѣе получаса рубились безъ отдыху, не могши другъ друга ранить. *Вадимъ* удивлялся своему противнику; ибо ему съ роду не случалось биться съ таковымъ ратоборцемъ; сей съ своей стороны думалъ то же, а *Бурновей* кусалъ съ досады губы, повертываяся въ сѣдлѣ: и естьли бы не опасался прогнѣвать друга своего, не мѣшкавъ выскочилъ бы ему на перемѣну. Между тѣмъ противникъ *Вадимовъ* произвелъ неудачной ударъ, коимъ почти до половины разрубилъ шею коню его, отъ котораго онъ упалъ мертвъ. Единоборцы соскочили съ коней и начали сраженіе пѣши, *Вадимъ*, чтобъ отмстить за смерть коня своего, а противникъ его, дабы загладить стыдъ, что онъ вмѣсто всадника поразилъ лошадь. Новая битва производима была съ таковою жестокостію, какъ бы они не имѣли на себѣ тяжкой брони, и не чувствовали утомленія. По долгомъ сраженіи, во время котораго также никто изъ нихъ не получилъ раны, противникъ *Вадимовъ* опустилъ свой мечь, подавая знакъ къ отдохновенію. *Вадимъ* принялъ оное, и

так-

также опустивъ оружіе, разсматривалъ своего непріятеля; его и собственной щитъ были изрублены насквозь. Взаимное ихъ удивленіе произвело другъ къ другу почтеніе. Они сняли свои шеломы, чтобъ зачерпнуть свѣжаго воздуха, и желая может увидѣть другъ друга въ лицо, въ самую ту минуту мечи и щиты ихъ полетѣли на землю, и зрители увидѣли противниковъ объемлющихся съ восторгомъ и цалующихся. *Вадимъ* узналъ *Арпада*. Возможно ли, говорили они оба, чтобъ судьба могла съиграть таковую съ нами шутку! Проклятъ будь день, въ которой поднялъ я оружіе на моего друга.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, Король смотрѣвъ въ окно, удивился, что сражавшіеся изъ непріятелей учинились друзьями, и желая узнать того причину, послалъ спросить: для чего не оканчиваютъ они поединка. *Вадимъ* и *Арпадъ* отвѣтствовали ему, что они по волѣ Его Величества готовы производить бой противъ всякаго другаго, но между собою другъ на друга рукъ поднять не могутъ, и что вышли на поединокъ по незнанію. Король получивъ сей отвѣтъ, обратно послалъ къ нимъ, чтобъ объявили они имяна свои, изъ какой страны и какого званія люди. *Вадимъ* велѣлъ донесть ему, что они такія люди, которыя никому о себѣ открыть не могутъ, кро-

мѣ изустно самому Его Величеству. Сказавъ сіе, сѣли они на подведенныхъ оруженосцами ихъ заводныхъ лошадей, и поѣхали въ домъ, гдѣ они стояли. *Бурновей* съ Княжною и своею любовницею за тѣснотою народа не могли за ними послѣдовать. *Арпадъ* дорогою надѣлалъ *Вадиму* множество вопросовъ, и между прочимъ спрашивалъ о *Бурновеѣ*. — Отложимъ сіи вопросы, сказалъ *Вадимъ*, до другаго времяни; а теперь, любезной другъ, угадай, какую я въ разлукѣ съ тобою нашелъ драгоцѣнную находку? — Это трудно (отвѣчалъ *Арпадъ*), есть тысяча вещей дорогихъ, кои находятъ люди; развѣ не получилъ ли ты своего Княжества? — Ахъ, нѣтъ! вскричалъ *Вадимъ*; эта вещь дороже мнѣ всѣхъ Княженій на свѣтѣ! Я имѣлъ оную у себя, и потерялъ: вы также имѣли и потеряли. — *Арпадъ* не могши постигнуть, что *Вадимъ* говоритъ то о своей возлюбленной *Брячиславѣ*, которую онъ по словамъ его щиталъ погибшею въ Геркуланѣ, пришелъ въ изумленіе; онъ дѣлалъ множество вопросовъ для объясненія, и отвѣты *Вадимовы* лишь возбудили его любопытство. Между тѣмъ прибыли они въ наемной домъ. Какъ они ѣхали очень тихо, то *Бриниславa* съ своими товарищами объѣхавъ окольными улицами возвратилась домой прежде ихъ; она

не

не меньше любопытна была узнать, кого *Вадимъ* нашелъ въ своемъ сопротивникѣ, и для того шла имъ на встрѣчу. *Арпадъ* взглянувъ на нее поблѣднѣлъ и остановился, какъ бы окаменѣлой; *Брячислава* также узнавъ брата своего, не могла выговорить ни слова, и едва не лишились чувствъ. Вотъ, другъ мой! (сказалъ *Вадимъ Арпаду*) неоцѣненная моя находка. — Боги! вскричалъ Князь Дакскій; сестра моя! — любезный братъ! вскричала *Брячислава*; они не могли выговорить больше, и заключили другъ друга въ объятія. Послѣ первыхъ восторговъ таковой радости, разсказывали они другъ другу свои приключенія, претерпѣнныя во время разлуки бѣдствія; и извѣстіе, что злодѣй *Арпадовъ Рославъ* погибъ отъ рукъ сестры его; и что любезная его *Предслава* спаслась отъ насильственника сего, принесло ему чрезмѣрное веселіе. *Бурновей* также увѣдомилъ его, какимъ нечаяннымъ случаемъ соединился онъ съ своею *Озаною*. За тѣмъ слѣдовали новыя привѣтствія и обниманія; но какъ не знали еще, какимъ образомъ *Арпадъ* жилъ въ Готфахъ, но объ немъ провѣдать не могли, и по какому случаю попался на поединокъ противу *Вадима*: удовольствовалъ онъ любопытство ихъ слѣдующимъ.

Увѣдомившись отъ *Урмана*, что ты, любезной другъ, (говорилъ онъ обратясь къ *Вадиму*) счелъ получившимъ отъ меня письмо, вызывающее на смертной поединокъ въ столицу твоего брата; и не вѣдавъ тогда, что было это дѣйствіе ревнивой моей сестрицы (продолжалъ онъ, поцаловавъ съ усмѣшкою *Брячиславу*), не зналъ я, что подумать. Я счелъ, что какое нибудь нещастное приключеніе повредило твой мозгъ. Почувствованное мною отъ того сожалѣніе и печаль умножили болѣзнь мою. Наконецъ освободясь отъ оной, думалъ я ѣхать за вами въ слѣдъ и вывести изъ таковаго заблужденія: однако свѣдавъ, что ко Двору Готфскому прибыли не знаемо какіе два чужестранныхъ богатыря, подумалъ, что можетъ быть не вы ли это съ *Бурновеемъ*, и заключилъ ѣхать въ Готфы; а *Урмана* послалъ въ *Гардорикъ* для увѣдомленія васъ объ вашей ошибкѣ и ложномъ на дружество мое подозрѣніи. Я прибылъ сюда безъ всякихъ противныхъ приключеній, и нашедъ слухъ о прибытіи ко Двору Готфскому чужестранныхъ богатырей ложнымъ, намѣрился объѣхать приморскіе города сего Королевства, и во всѣхъ гаваняхъ провѣдывать объ моей *Предславѣ*. По тщетномъ семъ путешествіи, возвратился я въ сію столицу, и подъ имянемъ Дакскаго Дворя-

рянина жилъ скрытно; однако ожидая вашего прибытія, выѣзжалъ ежедневно за городъ и у всѣхъ пріѣзжающихъ спрашивалъ. Какъ окрестности сего города наполнены были разбойничьими шайками, и хотя частыя происходили отъ нихъ грабительства и убійства; но я имѣя всегда подъ платьемъ броню, не опасался оныхъ. Отъѣхавъ въ нѣкоторый день далѣе обыкновеннаго, и опоздавъ претерпѣлъ я нападеніе отъ сихъ бездѣльниковъ. Я оборонялся отъ нихъ и многихъ ранилъ, но не знаю, чтобъ было со мною напослѣдокъ, естьли бы приспѣвшій ко мнѣ на помощь Готфской Дворянинъ меня отъ нихъ не избавилъ; благодаря сего Дворянина за оказанную мнѣ помощь, между разговоровъ увѣдомилъ его, что я по одному случаю разлучился съ моими товарищами, и дожидаюсь ихъ сюда. *Норіонъ* (такъ звали сего Дворянина) просилъ меня, чтобъ я поѣхалъ съ нимъ въ деревню его, находящуюся отъ Бравалахеда не болѣе десяти верстъ. Я отговаривался отъ него; по неотступной его прозьбѣ однако принужденъ былъ сдѣлать ему послушаніе. *Норіонъ* почувствовалъ ко мнѣ особливое дружество, и чтобъ лучше удержать меня въ своемъ домѣ, отправилъ въ городъ нарочнаго, приказавъ ему развѣдывать о пріѣзжающихъ чужестранцахъ и немедленно

увѣ-

увѣдомлять. Нравъ сего новаго моего пріятеля привлекъ мою къ нему склонность; въ короткое время нашелъ я въ немъ множество добрыхъ свойствъ. Пробылъ я у него съ недѣлю, въ которое время старался онъ угощать меня всячески. Третьяго дни случилось, что онъ созвавъ своихъ сосѣдей, далъ имъ для меня великолѣпной пиръ; и какъ выпито было нѣсколько лишнихъ кубковъ, то онъ зацѣпившись ногою упалъ и вывихнулъ себѣ руку. Оную вправили, но жестокая боль принудила его лечь въ постель. На другой день, то есть вчерась, присланной отъ имяни Королевскаго объявилъ ему указъ, что онъ для новаго оправданія своего въ убійствѣ долженъ опять сразиться съ представшимъ въ защищеніе *Віарново* рыцаремъ, или вмѣсто себя кого хочетъ предъявить. Ты видишь самъ, сказалъ онъ присланному, въ состояніи ли я исполнить опредѣленіе моего Монарха. Вслушавшись въ сіе, любопытствовалъ я узнать причину сего вызову. *Норіонъ* разсказалъ мнѣ приключеніе съ найденнымъ мертвымъ тѣломъ, и всѣ подробности, такъ какъ слышалъ я и отъ васъ (продолжалъ *Арпадъ*, обращаясь къ *Вадиму*). Онъ прибавилъ къ тому, что не взирая на непріязнь къ *Віарну*, не можетъ подозрѣвать его въ семъ убійствѣ; клялся всемъ, что ни есть свя

то,

то, что и самъ ни мало не участвуетъ въ смерти *Годриховой*; и приписывалъ нещастію, что случай, приведшій обоихъ ихъ въ окрестность того мѣста, подвергъ ихъ подозрѣнію. Дружество, оказанное мнѣ *Норіономъ*, его свойства, невинность и угрожающее бѣдствіе, принудили меня за него вступиться. Я объявилъ присланному, что въ назначенной часъ завтра имѣю защитить честь и невинность *Норіонову*. Благодарность за это сего Дворянина была ко мнѣ чрезмѣрна; я выѣхалъ, и нашелъ при семъ случаѣ все, что мнѣ любезно на свѣтѣ, кромѣ одной *Предславы*.

Арпадъ кончилъ свою повѣсть. Приключеніе двухъ невинно страждущихъ Дворянъ, подвигло всѣхъ къ сожалѣнію. Три друга заключили оправдать ихъ, во что бы то ни стало. Они хотѣли нарочно для сего итти къ Королю, и просить, чтобъ позволено имъ было по уставамъ богатырскимъ биться за обоихъ невинно подозрѣваемыхъ со всѣми тѣми, сколько ни представлено будетъ съ стороны родственниковъ убитаго. Они взяли притомъ великодушное намѣреніе: оправдавъ сихъ нещастныхъ, примирить ихъ между собою.

Вадимъ, почитая себя уже освобожденнымъ отъ клятвъ, кои отлучали его отъ права супружественнаго, хотѣлъ начать прозь-

прозьбы свои къ *Арпаду* о подтвержденіи имъ его брака съ прекрасною *Брячиславою*. Онъ взглянулъ уже на свою любезную, и она понявъ о его намѣреніи, закраснѣлась: какъ вдругъ услышали они стукъ колесницъ. Были оныя присланы отъ Короля *Готфскаго* за нами. Нѣсколько придворныхъ приглашали ихъ имянемъ Его Величества во Дворецъ. Король, говорили они, заключивъ изъ подвиговъ вашихъ о знаменитой вашей природѣ, желаетъ, чтобъ вы со всѣми при васъ находящимися не имѣли инаго жилища, кромѣ его чертоговъ. *Вадимъ* и прочія отблагодаривъ за сей опытъ милости *Готфскаго* Монарха, одѣлись по состоянію ихъ природы, и сѣвъ въ Королевскія колесницы, пріѣхали во Дворецъ.

ВЕЧЕРЪ XXXI.

По отданіи обыкновенной чести, *Халданъ* принялъ ихъ весьма милостиво. Опытъ вашей храбрости (сказалъ онъ наконецъ) вселилъ въ насъ высокое понятіе объ вашей природѣ. А чтобъ по невѣденію не упущено было чего къ пристойной почести относящагося: мы просимъ не скрыть отъ насъ,

кто

кто вы въ самомъ дѣлѣ, и какая причина принуждаетъ васъ находиться въ областяхъ моихъ. *Вадимъ* отвѣтствовалъ, что нещастіе привело всѣхъ ихъ искать защиты у подножія его престола. Открылъ по томъ о себѣ, всѣхъ своихъ товарищахъ, и о претерпѣнныхъ ими злоключеніяхъ; просилъ по томъ безопаснаго убѣжища при Дворѣ его отъ гоненій своего брата. *Арпадъ* также просилъ себѣ убѣжища, естьли щастіе не опредѣлитъ ему сыскать свою возлюбленную *Предславу*. Король выслушавъ ихъ и узнавъ о ихъ природѣ, для оказанія почести сошелъ съ своего престола, дружески обнялъ ихъ, и говорилъ *Вадиму*: вы, Свѣтлѣйшій Князь, можете твердо положиться на мое Королевское слово, что не токмо Дворъ мой доставитъ вамъ безопасное отъ гоненій брата вашего жилище; но естьли то угодно вамъ будетъ, Готфы за удовольствіе поставятъ возложить на голову вашу неправедно похищенной вѣнецъ. *Вадимъ* благодарилъ сего Государя за таковыя къ нему расположенія, и поддалъ себя его защищенію до времяни, пока судьбѣ угодно будетъ возстановить его щастіе. Что лежитъ до *Арпада*, онъ не смѣлъ утруждать Короля Готфскаго о помощи къ возвращенію своего наслѣдія, вѣдая, что силы его противу Римлянъ слабы, и отлагалъ то, пока боги пре-

премѣнатъ судьбу *Вадимову*; онъ намѣренъ былъ продолжать поиски свои за своею возлюбленною. *Бурновею* Король *Халданъ* предлагалъ знатной чинъ въ своихъ войскахъ; но онъ не принялъ сего, сказавъ, что онъ всегда безъ другихъ обязательствъ посвящаетъ себя услугамъ Его Величества, пока дружба его къ Князю Славянорусскому удержитъ его при немъ въ областяхъ Готфскихъ. Король доволенъ былъ ихъ отвѣтами; онъ повелѣлъ имъ отвести покой во Дворцѣ своемъ, опредѣлить служителей и достаточное по природѣ ихъ содержаніе. Долгое время старался онъ пребываніе ихъ при себѣ учинить пріятнымъ: торжества, звѣроловства, богатырскія потѣхи, и прочія забавы учреждались попеременно. Поступки сихъ странствующихъ отчасу больше привязывали къ нимъ Короля; онъ вѣдая обстоятельно ихъ приключенія, совѣтовалъ *Вадиму* и *Бурновею* увѣнчать постоянную ихъ любовь совершеніемъ брака съ ихъ дражайшими. Не можно было предложить лучшаго для ихъ страждущихъ сердецъ; *Вадимъ* взялъ прибѣжище къ дружеству, и просилъ брата своей возлюбленной, чтобъ онъ, какъ оставшійся вмѣсто отца *Брячиславѣ*, подтвердилъ бракъ ихъ. Въ этомъ состоитъ величайшее изъ моихъ желаній, отвѣтствовалъ *Арпадъ*; не можетъ быть для меня лучшей радости,

когда увижу я сестру мою среди окружающаго насъ злочастія, преданную защитѣ достойнѣйшаго супруга, а особливо когда бѣдственная страсть моя влечетъ меня въ странствованія. Они обнявшись, пошли къ *Брячиславѣ*. Ослѣпленный любовію *Вадимъ* не призывалъ въ семъ случаѣ на помощь разсудокъ; онъ не ожидалъ никакихъ препятствій со стороны своей возлюбленной. Но инако думала благоразумная *Брячислава*: она представила ему таковыя возраженія, коихъ *Вадимъ* со всемъ краснорѣчіемъ страсти не зналъ чемъ опровергнуть. Первѣйшее геройство, любезной мой *Вадимъ* (говорила она ему) состоитъ въ побѣжденіи своихъ желаній. Не можешь ты сомнѣваться въ моей постоянной къ тебѣ любви, и безъ того, хотябъ священныя узы насъ не соединили, я твоя, навѣкъ твоя. Но здравый разумъ не повелѣваетъ ли намъ покориться судьбѣ, запрещающей намъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ не имѣть иныхъ чувствованій, кромѣ подобныхъ находящихся между братомъ и сестрою? Бракъ влечетъ за собою плоды любви; а мы безопасное ли и вѣрное ли имѣемъ убѣжище? Король Готфскій, какъ и всѣ Государи, можетъ иногда перемѣнить свои обѣщанія по необходимымъ пользамъ своего отечества. Братъ твой, сильнѣйшій Монархъ въ Сѣверѣ, естьли откроетъ онъ твое убѣжище; естьли захочетъ продол-

жить свое гоненіе и внесетъ огнь войны въ нѣдра сего Королевства: захочешь ли ты самъ тогда, чтобъ *Халданъ* подвергалъ себя опасности для пользъ твоихъ? И тогда куда ты побѣжишь со мною, когда буду я или неспособна къ трудамъ пути, или обременена залогами любви твоей? — *Вадимъ* поцаловалъ ея руку, покорился необходимости, и тайныя его воздыханія не принуждали его къ жалобамъ. Онъ полагался на власть провидѣнія, и ожидалъ перемѣны судьбы своей. *Бурновей* и *Озана* не имѣли таковыхъ причинъ къ отсрочкѣ брака своего: но дружба прилѣпляла ихъ къ *Вадиму* и *Брячиславѣ*; они не могли ихъ оставить, и для того положили правило терпѣнія въ законъ себѣ. *Арпадъ* готовился начать свои путешествія *Вадимъ*. и *Брячислава* удерживали его при себѣ, и не инымъ чемъ остановили, какъ пославъ *Раймира* (*) въ Болгары провѣдать, нѣтъ ли коковаго извѣстія о его возлюбленной *Предславѣ*. Король Готф-

(*) Раймиръ Славянское имя, значущее райскую радость міру. Употребительное въ Гишпаніи имя Раймиръ есть свидѣтельство Этимологическое, что Испанцы составляютъ смѣсь Римлянъ и Славянъ. Сей народъ удержалъ гордость и храбрость своихъ предковъ; но Климатъ во многомъ перемѣнилъ свойства души въ потомкахъ.

Готфскій (коему *Вадимъ* открылся чистосердечно въ причинѣ, мѣшающей сердечнымъ его желаніямъ) возобновлялъ увѣренія, что онъ безопасенъ въ его державѣ отъ всѣхъ покушеній своего брата, клялся не пощадить ни денегъ ни войскъ для сверженія съ престола самаго *Гардорика*, естьли то угодно будетъ *Вадиму*, и продолжалъ стараться всѣми силами учинить *Брячиславу* меньше упорною. Можетъ быть онъ нашелъ бы способы затмить осторожности прозорливой Княжны Дакской, когда имѣлъ помощникомъ своимъ жестокую страсть ея къ *Вадиму* (*Халданъ* былъ Государь изъ тѣхъ, кои не терпятъ препонъ своимъ единожды взятымъ намѣреніямъ): но неожидаемое впаденіе Кимвровъ (*) въ его области то остановило. Сынъ гордаго *Фрота*, III Короля Коданскаго, завладѣвшій нѣкогда Кимврами Готфами, Вандалами и Бритскими островами (**), помнилъ уничтоженіе славы своего отечества, произведенное рукою храбраго отца

(*) Кимвры и Коданы обитали въ Даціи и Норвегіи; перепорченное названіе отъ Нѣмецкихъ народовъ, къ нимъ присоединившихся, превратило Кодановъ въ Датчанъ.

(**) Фрото третій сего имяни, жилъ въ началѣ Христіянской эры, и былъ Королемъ Кимровъ, Готфовъ, Вандаловъ и Бритовъ, коихъ побѣдилъ.

ца *Халданова*, которой освободилъ Готфовъ и Вандаловъ отъ ига Коданскаго: и для того въ противность народнаго права впалъ нечаянно въ его области. Вскорѣ собраны войска, и *Халданъ* имѣя при себѣ трехъ храбрыхъ Славянскихъ богатырей, не сомнѣвался прогнать и усмирить дерзскихъ враговъ своихъ.

Между таковымъ скорымъ къ войнѣ приуготовленіемъ, должно упомянуть объ *Віарнѣ* и *Норіонѣ*. Представительство *Вадимово* съ *Арпадомъ* убѣдило Короля, признать ихъ невинными. Но прежде обнародованія объ томъ открылось, что сіи великодушные непріятели между собою не справедливо подвергались подозрѣнію. Переловленные разбойники признались въ убійствѣ *Годриховомъ*. Король невинное претерпѣніе *Віарново* наградилъ чинами и прочими милостьми. *Віарнъ* сочетался съ своею любовницею, явившею столь великіе опыты чистосердечной къ нему страсти. *Арпадъ* съ своимъ другомъ постарались примирить его съ *Норіономъ*, и послѣдній женясь на сестрѣ *Віарновой*, истребилъ въ сердцѣ своемъ ненависть, учинился *Віарну* лучшимъ другомъ и получилъ его мѣсто при Дворѣ. — Добродѣтель никогда не остается безъ награды.

Не касается до нашего намѣренія подробное описаніе войны *Халдановой* съ Коро-

ролемъ Коданскимъ: оное можно видѣть въ лѣтописяхъ сихъ народовъ, надъ коими они царствовали. Довольно сказать, что *Вадимъ* и оба друга его оказали чудеса храбрости. Кимвры и Коданы разбиты были въ прахъ; предѣлы Готфскіе не токмо очищены отъ непріятелей, но и распространены: Король Коданской купилъ миръ за уступку многихъ городовъ *Халдану*; что однако въ послѣдствѣ времяни подало причину къ кровопролитнымъ войнамъ между сихъ народовъ. *Брячислава* и *Озана* едва удержаны были своими любовниками отъ участія въ войнѣ той, и съ досадою оставались въ столицѣ Готфской.

Король оказалъ великую благодарность обоимъ Князямъ и *Бурновсю*; онъ обнародовалъ во всѣхъ своихъ областяхъ грамотою, въ которой называлъ ихъ защитниками и друзьями Королевства. Среди торжествъ не забывалъ онъ и прежняго своего намѣренія о бракѣ *Вадимовомъ* и *Бурновесвомъ*. Княжна Дакская можетъ быть не долго бы удержалась отъ убѣжденій таковаго свата, естьлибъ произшествіе, о которомъ вскорѣ услышимъ, не помѣшало онымъ.

Король имѣлъ обыкновеніе ежегодно объѣзжать города своего государства, и въ каждомъ позволялъ просить безпрепятственно самому себѣ жалобы недовольнымъ

людямъ на суды и правителей; онъ былъ, не взирая на склонность свою къ пиршествамъ, Государь строгой къ неправосудію. Въ первые еще годы своего царствованія узналъ онъ, что дѣла худо идутъ по заочности; однакожь по вторичномъ объѣздѣ ихъ королевства, почти не имѣлось уже нигдѣ челобитчиковъ. Слѣдуя сему похвальному правилу своему, вступилъ онъ въ путь; *Вадимъ* и прочія за нимъ послѣдовали.

Въ то время, какъ находились они въ приморскомъ городѣ Малмоѣ, прибылъ туда одинъ Варяжской купеческой корабль, возвращающійся съ богатымъ грузомъ отъ столповъ Ираклійскихъ. Многіе изъ придворныхъ, любопытствующихъ видѣть строеніе и внутреннее розположеніе корабля, и возвратясь донесли Королю, что видѣли на ономъ въ одномъ отдѣлѣ лежащаго на постелѣ глубокихъ лѣтъ старика. Оный имѣлъ длинную бѣлую бороду; но по виду своему еще очень крѣпокъ силами. Близь постели его висѣло оружіе, снабженное драгоцѣнною оправою. Придворные сказывали притомъ слышанное отъ корабельщика, что онъ попался къ нему на корабль слѣдующимъ образомъ: Когда корабль его по претерпѣніи бури при берегахъ Африканскихъ присталъ къ берегу: онъ со многими людьми вышелъ на звѣроловство, чтобъ снабдить себя дичиною

по

по недостатку съѣстныхъ припасовъ. Тогда нашли они сего старика отдыхающаго подъ тѣнiю древесною; близъ онаго ходила на арканѣ осѣдланная лошадь, и лежала собака таковой преужасной величины, каковой имъ никогда видать не случалось. Собака сiя была ростомъ съ быка, и страшнѣе льва; но лежала смирно близъ своего хозяина. Старикъ сей увидѣвъ ихъ, всталъ, и давалъ знакомъ разумѣть, что желаетъ знать, откуда они, куда ѣдутъ и для чего пристали къ берегу. Выслушавъ ихъ отвѣты, сѣлъ на лошадь свою, и повелъ ихъ далѣе въ лѣсъ, бывъ предшествуемъ своею собакою. Вскорѣ начала оная лаять таковымъ страшнымъ голосомъ, что всѣхъ привела въ ужасъ, и тотчасъ увидѣли, какъ оная поимавъ оленя, за одинъ разъ оторвала оному голову. Не прошло четверти часа, какъ оная поимала еще четверыхъ оленей. Корабельщикъ съ удивленiемъ описывалъ ея проворство, съ каковымъ ловила она тѣхъ быстрыхъ звѣрей, не взирая на ростъ и толщину свою. Когда сей старикъ натравилъ столько звѣрей, далъ имъ знакъ, чтобъ они отнесли ихъ на корабль свой. Они благодарили его, и когда хотѣли возвратиться на корабль, далъ онъ чрезъ знаки же разумѣть имъ, что хочетъ плыть съ ними вмѣстѣ; при чемъ подалъ корабельщику кошелекъ съ

Араб-

Арабскими червонцами; лошадь свою разсѣдлавъ, пустилъ на волю, а сѣдло съ приборомъ подарилъ ему же. Корабельщикъ доволенъ бывъ однимъ великой цѣны сѣдломъ, не хотѣлъ принять отъ него денегъ; однако онъ принудилъ его къ тому; сѣлъ съ ними на корабль. Во все время пути ихъ до сего мѣста, не говорилъ онъ ни съ кѣмъ ни одного слова, былъ въ безпрестанной задумчивости, и не вставалъ съ постели, кромѣ того, когда участвовалъ за столомъ. Собака его ни на минуту отъ него не отлучалась. Впрочемъ разумѣетъ онъ все, что говорятъ, хотя самъ наблюдаетъ молчаніе.

Король Готфскій любопытенъ былъ узнать сего мужа: и для того послалъ нѣсколькихъ Вельможъ своихъ просить его своимъ имянемъ къ столу. Старикъ сей выслушавъ Вельможъ, всталъ съ своей постели, одѣлся въ великолѣпное по Азіатскому покрою сдѣланное платье, и надѣвъ украшенную дорогими камнями шапку, сѣлъ въ присланную за нимъ колесницу, и прибылъ во Дворецъ въ послѣдованіи своей страшной собаки. Онъ вошедъ предъ Короля, разрѣшилъ свое безмолвіе, и говорилъ слѣдующее: Присутствіе Вашего Величества разрѣшаетъ узы языка моего. Я прошу принять меня въ число вашихъ пріятелей, и позволить мнѣ видѣть домъ вашъ въ ны-

нынѣшнемъ его состоянiи; надѣюсь, что чрезъ семдесятъ лѣтъ, въ кои не имѣлъ я щастiя видѣть страну, вами обладаемую, нравы уже во многомъ перемѣнились. Король Готфскiй, заключивъ изъ словъ его, что онъ долженъ быть изъ числа особъ коронованныхъ, всталъ предъ нимъ и привѣтствовалъ его съ великою ласкою. Не сомнѣваюсь, сказалъ онъ, что имѣю я честь принять у себя Монарха: и для того прошу (продолжалъ подставляя ему кресла) принять спокойнѣйшее мѣсто, и удостоить меня откровенностiю о вашемъ имяни. —— Нѣкогда было оное довольно извѣстно при Дворѣ вашего родителя (отвѣчалъ старикъ); я *Савраазаръ*, Царь Колхидской. При словѣ семъ одинъ изъ Вельможъ вспомнилъ сiе имя, о которомъ слыхалъ еще отъ отца своего: онъ напамятовалъ Королю своему, что Государь Колхидскiй оказалъ великiе опыты храбрости въ войнѣ, которую велъ родитель его противу Короля Коданскаго. Сiе подало случай ко многимъ любопытнымъ вопросамъ, которые продолжались до самаго стола. Престарѣлый Царь ѣлъ исправно, и лучшiе куски бросалъ своей стоящей за нимъ собакѣ, у которой на шеѣ висѣли лукъ и стрѣлы ея хозаина. По окончанiи стола Король просилъ его разсказать о приключенiяхъ его жизни; въ чемъ и удоволь-

ство-

ствовалъ онъ желаніе его таковымъ образомъ.

Похожденіе Царя Колхидскаго.

Когда описывать мнѣ подробно (говорилъ *Савраазаръ*) всѣ приключенія, и что мнѣ въ теченіи сто сорокалѣтняго вѣку моего видѣть случилось: потребнобъ было на это много времяни. Довольно будетъ, ежели спишу я только собственно до меня касающееся.

Я не помню родителей моихъ; потому что оныя скончались во время сущаго моего младенчества: одно только затверждено въ памяти моей, что я происхожу отъ рода Иверскихъ Царей, но отъ того поколѣнія, которое уступило престолъ старшему. Родственница отца моего, принявшая за сиротствомъ моимъ попеченіе объ моемъ воспитаніи, отправила меня еще десятилѣтняго въ Иранъ, столицу Государей Парѳянскихъ (*), гдѣ процвѣтали науки; она внушила мнѣ душу, достойную моихъ предковъ, и совѣтовала чрезъ ученіе стараться наградить недостатокъ щастія. Я обучался до двадцатилѣтняго возрасту моего, и успѣлъ во всѣхъ

(*) Иранъ отъ Грековъ названъ Гекатомпиломъ, и находился по близости того мѣста, гдѣ нынѣ Испагань, въ Персіи.

всѣхъ извѣстныхъ тогдашнему времяни наукахъ, не меньше и въ воинскихъ упражненіяхъ. Разсуждая, что мнѣ не за чемъ возвратиться въ мое отечество, гдѣ надлежало бы мнѣ зависѣть отъ щедрости моихъ родственниковъ, опредѣлилъ я странствуя по свѣту искать моего щастія, или по крайней мѣрѣ, удовольствовать тѣмъ склонность мою къ путешествіямъ. Я объѣхалъ многія Азіатскія и Африканскія государства, прибылъ наконецъ въ Египетъ; и въ Александріи сѣвъ на корабль, намѣрился переплыть въ Европу. Нещастіе подвергло насъ въ неволю Африканскому морскому разбойнику; отъ онаго я проданъ былъ Фракійскому купцу. Я привезенъ былъ въ Византію, и покорясь моей участи, опредѣлилъ услугами моими снискать благосклонность въ моемъ господинѣ, а чрезъ то пріобрѣсти либо отпускъ, или получить способъ спастись бѣгствомъ. Природа снабдила меня силою и способностію къ понесенію трудовъ; я дѣлалъ все, что ни приказывалъ мнѣ господинъ мой, и чрезъ то заслужилъ его милость. Однакожь онъ, какъ человѣкъ корыстолюбивой, весьма удаленъ былъ отъ того, чтобъ дать мнѣ вольность. Со всемъ тѣмъ я побѣгъ щиталъ за поступокъ подлый; и никогда бы на оный не рѣшился, естьли бы господинъ мой не вознамѣрился

ся

ся принуждать меня къ поклоненію идоламъ. Я воспитанъ былъ въ законѣ Зороастровомъ, и покланяясь Всевышнему Существу подъ видомъ чистѣйшаго Огня, гнушался его предложеніемъ. Между тѣмъ господинъ мой уповалъ склонить меня къ тому со временемъ, и возъимѣлъ ко мнѣ полную довѣренность. Я находился у него въ услугахъ лѣтъ съ пять, и въ это время по купеческимъ его промысламъ имѣлъ случай быть въ областяхъ Римскихъ, гдѣ старался сколько можно было узнать образъ ихъ воинскаго ополченія, и замѣтить, какъ дѣйствуютъ они стѣнобитными и другими ратными оружіями. Наконецъ отчаявшись въ великодушіи моего господина, во время крайняго его принужденія меня къ перемѣнѣ закона, нашелъ я способъ спастися бѣгствомъ. По прибытіи въ Византію, когда мы выгружались съ корабля, поручилъ мнѣ онъ привезти коробочку съ червонными. Я разломалъ оную, и доставъ потребное для намѣренія моего число денегъ, оставилъ оную на прежнемъ мѣстѣ; а самъ купивъ рѣзвую лошадь, пустился въ бѣгство. Путь мой избралъ я по берегу Чернаго моря, и съ великимъ трудомъ пробираясь чрезъ горы, находился уже близь предѣловъ Арменіи, какъ попался я въ руки войску сего народа. Армяне, вознамѣрившись завоевать

цар-

царство Колхидское, шли осадишь столичный онаго городъ Фазисъ. Они везли съ собою многія стѣнобитныя и каменобросальныя орудія, кои, какъ видно, достали отъ Римлянъ на войнѣ и коими не умѣли дѣйствовать. Я по народному праву учинясь плѣникомъ (то есть что попался въ руки сильнѣйшихъ меня), достался въ услуги Полководцу. Оный ежедневно занимаясь приведеніемъ тѣхъ каменобросальныхъ орудій въ дѣйствіе, не имѣлъ однако ни малыхъ успѣховъ. Узнавъ объ томъ, предложилъ я господину моему въ услуги мое искусство, съ тѣмъ однако, чтобъ я получилъ свободу въ награду за изученіе его воиновъ. Полководецъ сей съ радостію на оное согласился, препоручилъ мнѣ пристойное число воиновъ въ науку, и когда увидѣлъ успѣхъ трудовъ моихъ, объявилъ меня свободнымъ. Однакожъ убѣдилъ меня остаться при войскѣ своемъ, предложивъ мнѣ знатной чинъ. Я хотя имѣлъ желаніе побывать въ моемъ отечествѣ, но славолюбіе польстило мнѣ: я захотѣлъ возвратиться въ оное, пріобрѣтши славу моему имяни. Таковымъ образомъ шествовалъ я, имѣя подъ начальствомъ шесть тысячь воиновъ, къ осадѣ Фазиса. Городъ сей однако былъ мѣсто неприступное, на верьху горъ, коихъ утесы подобны были стѣнамъ, и проходы къ оному находились

сквозь

сквозь просѣченныя въ горахъ узкія стези. По краямъ утесовъ сей горы построена была стѣна со многими башнями, съ коихъ осаждающихъ легко можно было побить камнями малому числу людей; ибо стрѣлы на верьхъ горы долетать не могли. Внутри сей каменной стѣны, занимающей чрезмѣрную обширность, находились плодоносныя пашни, луга, лѣса, и по самой срединѣ сего мѣста возвышалась другая, равномѣрно неприступная гора, на коей находилась укрѣпленная столица Царя Колхидскаго. Мы внесли пламень войны въ предѣлы сего государства, однако на другой день не находили уже кромѣ пустыхъ деревень; потому что всѣ жители и войска убѣжали въ крѣпость, забравъ съ собою пожитки и весь скотъ. Сіе обстоятельство, угрожающее голодомъ войску, принудило Армянскаго Полководца поспѣшить осадою столицы. Каменобросательныя наши орудія по неизвѣстности Колхидцамъ привели ихъ въ ужасъ; ибо въ нѣсколько пудъ камни, достигали стѣнъ и причиняли онымъ вредъ, хотя очень малой. Со всемъ тѣмъ, естьли бы и могли мы разбить стѣны, не былобъ отъ того ни малой пользы; ибо по тѣснымъ проходамъ, въ горѣ изсѣченнымъ, войска наши ни какимъ бы образомъ взойти не могли, когда три вооруженныхъ Колхидца въ

со-

состоянiи были защитить оныя, и удержать нападающихъ. Сверьхъ того, когда бы и имѣли мы успѣхъ овладѣть первою крѣпостью, тогда столица Короля Колхидскаго, бывъ отъ природы равномѣрно укрѣплена, остановила бы теченiе успѣховъ оружiя. Однакожь Армянскiй Полководецъ, находясь въ необходимости либо взять крѣпость приступомъ, или отступить со стыдомъ; потому что войскамъ его недоставало съѣстныхъ припасовъ: приказалъ обратить на одно мѣсто всѣ каменобойницы. Я получилъ приказанiе учредить это дѣйствiе, и произвелъ оное съ таковымъ успѣхомъ, что къ полуднямъ другаго дня часть стѣны и съ башнею отъ ударовъ великихъ бросаемыхъ камней обрушилась. Царь Колхидскiй столько пораженъ былъ таковымъ неестественнымъ по мнѣнiю его дѣйствiемъ, что прислалъ переговаривать о мирѣ. Армянскiй Полководецъ возгордясь таковымъ успѣхомъ, предлагалъ условiя самыя жестокiя, на которыя конечно ни одинъ Монархъ согласиться бы не могъ. Требованiе его состояло въ томъ, чтобъ Царь Колхидскiй уступилъ престолъ свой Царю Армянскому, а дочь свою единственную наслѣдницу онаго отдалъ за него Полководца въ супружество. Послы возвратились съ огорченiемъ. Не уповая принести спокойства своему оте-

честву, они колебались даже донести Государю своему предложенное. Между шѣмъ гордость Армянина наполнила сердце мое досадою, и привела меня къ размышленiямъ. Необходимый случай, думалъ я, привелъ меня въ число враговъ Колхидскихъ; я не разсуждалъ еще о томъ, справедливую ли избралъ я сторону. Вдругъ представилося мнѣ войско, котораго въ начальствѣ и я участвовалъ, скопищемъ разбойниковъ, пришедшихъ нарушить спокойство народа миролюбиваго, пролить кровь невинныхъ, и разграбить стяжанiе прiобрѣтенное его трудами. Изслѣдовалъ я причину, удержавшую меня послѣ полученiя моей свободы въ числѣ нападающихъ, и нашелъ, что было то одно честолюбiе, подстрекавшее меня прославить имя мое храбростiю. Мнѣ вообразились рѣки крови текущiя отъ моего оружiя, стонъ умирающихъ, за которыхъ жизнь долженъ буду отдать отчетъ Всевышнему, вопль плѣнныхъ, униженiе Монарха, отца своего народу, слезы дщери его, которую представлялъ себѣ прекрасною, и всѣ бѣдствiя войны.: добродѣтель возбудила мою совѣсть, сердце мое возтрепетало, и я содрогнулся. Тогда чувствованiя мои обратили разсужденiя къ моему отечеству: оно представилось мнѣ въ опасности. Естьли Армяне завоюютъ Колхиду, помышлялъ

лялЪ я, могутЪ ли оставить вЪ соседствѢ Иверію, непорабощенною своему игу? И землица столь слабая можетЪ ли возпротивиться оружію враговЪ сильныхЪ и властолюбивыхЪ? Я полагалЪ себя быть врагомЪ ему, естьли буду способствовать тому; изЪ чего можетЪ произойти вредЪ ему. - - - СловомЪ сказать, я вознамѢрился помочь Королю Колхидскому, какЪ сторонѢ справедливѢйшей, и обмануеЪ Полководца Армянскаго, избавить притесняемую сторону отЪ нападенія. Я довольно размышлялЪ, и не нашелЪ никакого преступленія вЪ измѢнѢ сего роду. МожетЪ быть я, какЪ человѢкЪ, и не постигалЪ, что во основаніи управляетЪ моимЪ предпріятіемЪ: можетЪ быть тогда, когда я пружинами своей рѢшимости кЪ сторонѢ справедливой поставлялЪ, обродѢтель и любовь кЪ отечеству, дѢйствовало во мнѢ единственно самолюбіе. Царевна Колхидская была прекрасна, такЪ обЪ ней молва носилась, единая наслѢдница; заслуга, кою могЪ я оказать, была важна, и сіи-то побужденія, льстящія моимЪ надеждамЪ подЪ предлогомЪ добраго дѢйствія, влекли меня вЪ судьбу мнѢ предназначенную. Я пришелЪ кЪ Армянскому Полководцу, и представилЪ ему, чтобЪ онЪ сЪ нѢсколькими чиновника отправилЪ меня вЪ столицу Колхидскую для переговоровЪ. Хо-

тя (говорилъ я ему) изъ намѣренiй вашихъ видимо, что вы ни чемъ не можете быть удовольствованы, кромѣ совершеннаго завоеванiя Колхиды; и слѣдственно посольство мое не будетъ удачно; но есть другая изъ сего польза. Между тѣмъ какъ буду я продолжать переговоры, могу имѣть случай высмотрѣть потаенные проходы сквозь и чрезъ горы, которымъ необходимо быть надлежитъ. Притомъ же разговорами моими возбужду въ Царѣ Колхидскомъ любопытство, и желанiе посмотрѣть нашихъ каменобросальницъ. Кагдажъ онъ будетъ просить меня о показанiи оныхъ, я дамъ ему въ томъ обѣщанiе, и пошлю къ вамъ; а вы пришлите мнѣ нѣсколько самыхъ большихъ орудiй со всемъ снарядомъ, и съ небольшимъ прикрытiемъ воиновъ, чтобъ не взяли подозрѣнiя. Чрезъ это будемъ мы имѣть на горѣ стѣнобитныя орудiя; люди наши узнаютъ потаенные ходы, и могутъ ночью учинить покушенiе взойти на гору; а я съ моими товарищами и воинами постараюсь облегчить входъ ихъ нападенiемъ на стражу стылу. Когда же таковымъ образомъ ворвемся мы, тогда съ помощiю пращниковъ нашихъ нетрудно будетъ овладѣть столицею Колхидскою; впрочемъ вы можете видѣть, что инаго способа къ завоеванiю нашему не остается.

ВЕЧЕРЪ XXXII.

Представленіе мое одобрено было не токмо главнымъ Полководцемъ, но и всѣми военачальниками; мнѣ обѣщаны великія награжденія за таковую услугу, выбрано со мною шесть человѣкъ отважнѣйшихъ воиновъ, и назавтрѣе опредѣлено было шествовать мнѣ съ ними въ посольство, коего успѣхъ возложенъ на разпоряженіе моего остроумія.

Едва солнце показалось изъ за-высокихъ горъ Колхидскихъ, непріятельскія дѣйствія остановлены, звукъ бубновъ, и бѣлый платокъ, на копье навязанный, возвѣстилъ стражѣ, на стѣнѣ стоящей о посольствѣ для переговоровъ. Отвѣтствовано выставленіемъ на стѣнѣ таковаго же знака; мы приближились къ утесу горы, выслана къ намъ встрѣча, которая требовала отъ насъ, чтобъ мы позволили завязать себѣ глаза до тѣхъ поръ, какъ взведены будемъ на гору. Надлежало на это согласиться; вели насъ нѣсколько времяни искривленными и тѣсными ходами по ступенямъ изъ камня изсѣченнымъ; послѣ чего глаза намъ развязали, а дожидающіяся насъ колесницы довезли насъ въ Фазисъ, во Дворецъ Царя Колхидскаго. Мы приняты съ великимъ отъ

него почтеніемъ, и безъ замедленія приступлено къ мирнымъ переговорамъ. Чтобъ не подать подозрѣнія бывшимъ со мною Армянамъ, я предложилъ таковыя требованія, и угрозы, что престарѣлый и не могущій защищать своего отечества Царь приведенъ былъ тѣмъ въ трепетъ. Должно покориться моей бѣдственной судьбѣ, говорилъ онъ, по нѣкоторомъ размышленіи; легче мнѣ лишиться того престола, на которомъ лѣта мои не подаютъ мнѣ надежды долго пробыть, нежели видѣть проливаемую кровь моего народу, нежели разорять оное бѣдствіями войны. Я старъ уже, мужескаго полу наслѣдниковъ не имѣю; да удовольствуется Государь Армянскій, позволить мнѣ владѣть по смерть мою Колхидою; и да оставитъ вольный выборъ супруга моей дочери; впрочемъ согласенъ я уступить ему право на мое царство. Пусть введетъ онъ свои засады въ крѣпости, да пришлетъ своего чиновника къ сбиранію доходовъ, изъ коихъ я доволенъ буду половиною.

Можно ли было желать лучшихъ условій; я молчалъ, но товарищи мои, шептали мнѣ, что должно заключить сей договоръ. Не зналъ я, что дѣлать, въ обстоятельствахъ совсѣмъ противныхъ моему намѣренію, но былъ выведенъ изъ затрудненія слѣдующимъ произшествіемъ.

Царь

Царь Колхидскій былъ вдовъ, и имѣлъ только одну дочь *Сараффу*, Царевну совершенной красоты, которая по слабости здоровья родителя своего, не рѣдко участвовала въ правленіи, и занималась дѣлами Государственными. Она услышавъ о намѣреніи отца своего, вбѣжала къ намъ съ обнаженною въ рукахъ саблею, и съ геройскимъ негодованіемъ на лицѣ. Возвратитесь въ станъ вашъ, говорила она мнѣ, и знайте, что пока рука моя можетъ еще владѣть симъ оружіемъ, не уповайте, чтобъ допустила я состояться столько поноснымъ для отечества моего условіямъ. Объявите вашему Полководцу, что я намѣрена защищать оное до послѣдней капли крови. Государь! продолжала она потомъ, обратясь къ своему родителю, сколь ни велико мое къ вамъ почтеніе, но гдѣ состоитъ безопасность отечества, можно преступать онаго предѣлы: простите дерзкія мои выраженія къ которымъ приведена я крайностію; и естьли дочь ваша мила вамъ, прекратите переговоры, и сей часъ отпустите Пословъ сихъ, или ожидайте всѣхъ слѣдствій моего отчаянія. —— Сказавъ это, вышла она вонъ.

Между тѣмъ какъ престарѣлый Царь, Вельможи его, и мои товарищи приведены были произшествіемъ таковымъ въ замѣшатель-

тельство: я находился еще въ величайшемъ. Мнѣ надлежало помышлять о доведеніи къ концу моего предпріятія, и обманывать спутниковъ моихъ тогда, какъ красота Колхидской Царевны поразила сердце мое неисцѣлимою язвою. Геройственный ея видъ умножалъ ея прелести, занялъ всѣ мои чувства, и произвелъ страсть, которая льстила и моему самолюбію. Я собралъ всѣ силы, чтобъ выпти изъ замѣшательства, и отведши товарищей моихъ къ сторонѣ, говорилъ имъ: обстоятельства перемѣнились, успѣхъ посольства нашего легко можетъ рушиться, естьли не употреблю я хитрости. Царь Колхидскій сколько ни склоненъ казался сначала къ заключенію мира; но послѣ словъ произнесенныхъ его дочерью, конечно устыдится остаться въ прежнемъ намѣреніи. Надлежитъ мнѣ съ нимъ переговорить на единѣ, и пользуясь его слабостію стараться устрашить его еще болѣе. И такъ согласитесь вы выпти на часъ вонъ, естьли Царь позволитъ мнѣ переговорить съ собою на единѣ. Товарищи мои не имѣли никакого подозрѣнія не согласиться на это, а я приступивъ къ престолу, требовалъ тайнаго выслушанія, примолвивъ притомъ, что имѣю объявить причины, которыя Его Величество приведутъ конечно къ другимъ намѣреніямъ, и ускорятъ заключеніе мира.

Поз-

Позволено мнѣ на это, товарищи мои, и всѣ Вельможи вышли, а при Царѣ остался только одинъ ближній бояринъ и тѣлохранители. Тогда я повергшись предъ престоломъ на колѣна, открылъ Царю Колхидскому настоящее мое имя, природу, обстоятельства, приведшія меня въ Армянское войско и о намѣреніи, съ каковымъ снялъ я сіе къ нему посольство на себя. Удивленный Царь не зналъ, что подумать о таковой перемѣнѣ, но выведенъ былъ изъ сомнѣнія, когда я продолжалъ къ нему слѣдующее: Ваше Величество! не можете сомнѣваться въ истиннѣ словъ моихъ, когда я предаю себя совершенно въ вашу волю; и когда предлагаю способъ къ овладѣнію вашему тѣми орудіями, которыя нанесли столько страха вашей столицѣ. Приставьте ко мнѣ крѣпкій присмотръ до тѣхъ поръ, какъ приведу я крѣпости ваши въ непреоборимое состояніе, и пока на опытахъ увидите, сколько преданъ я вамъ, и сколько ненавижу вашихъ непріятелей. Послѣ чего просилъ я о представленіи меня свѣтлѣйшей его дочери, для успокоенія геройственной души ея таковымъ же открытіемъ. Престарѣлый Царь сошелъ съ престола, подалъ мнѣ руку свою, сказавъ: черты лица твоего столько являютъ въ себѣ добродѣтели, что трудно бы принять оную притворству; я полагаюсь на тебя, ве-

ликодушной Князь, и безъ опасенія пріемлю помощь твою въ угнетенномъ состояніи моего государства. По томъ велъ меня въ чертоги своей дочери.

Мы нашли героиню сію съ нѣсколькими военачальниками, совѣтующую о средствахъ къ защищенію своего отечества. Царь повелѣлъ всѣмъ выйти, и представилъ меня дочерѣ своей. Я повергся предъ нею на колѣна, открылъ все то, что доносилъ и родителю ея, и старался удостовѣрить оную въ чистосердечіи моихъ намѣреній. Царевна *Сарафффа* не вдругъ утвердилась на словахъ моихъ, пребывала долго въ размышленіяхъ, но напослѣдокъ подавъ мнѣ свою руку, сказала: я нахожу великое убѣжденіе вѣрить словамъ единоплеменника и единовѣрца; не могу также ожидать, чтобъ страсль Царей Иверскихъ могла имѣть въ сердцѣ своемъ расположеніе къ предательству: почему даю тебѣ сію руку въ залогъ того, что всякое благодѣяніе твое моему отечеству не останется безъ отплаты. Я поцаловалъ руку ея съ восхищеніемъ, и признаюсь, что хотя бы и не взялъ я сторону Колхидцевъ, одно бы это привело меня къ таковому намѣренію. Послѣ сего приступили мы къ совѣщанію, и положили отправить одного изъ моихъ товарищей въ ополченіе Армянское.

Я вышедъ къ моимъ спутникамъ объявилъ: что хотя Царь Колхидскій и наклоненъ удовлетворить всѣмъ нашимъ требованіямъ, но дочь его всѣму препятствуетъ; что между тѣмъ привелъ я Царя въ крайнее любопытство посмотрѣть нашихъ пращницъ; что когда оныя будутъ на горной площади за первою стѣною, тогда нетрудно уже будетъ разбить изъ оныхъ стѣны Фазиса, и принудить Колхидцевъ ко всему, чего желаемъ; что между тѣмъ, когда будемъ взвозить пращницы, можемъ высмотрѣть ходъ въ горѣ, и онымъ учинить въ ночное время впаденіе; и что я съ тѣми людьми, кои будутъ при пращницахъ, по стараюсь овладѣть стражею, охраняющею тѣсный путь оный, дамъ тогда знакъ ко всеобщему приступу засженіемъ на стѣнѣ огня. Съ тѣмъ отправилъ я одного изъ моихъ товарищей къ Армянскому Полководцу.

Оставшіеся со мною Армяне приглашены были къ Царскому столу, изъ за котораго встали очень шумны, провождены въ отведенные покои; но проснулись подъ крѣпкою стражею въ розныхъ башняхъ. Между тѣмъ въ совѣтѣ царя Колхидскаго предложилъ я, отборныхъ людей изъ его войска нарядить въ Армянское платье, поставить оныхъ къ принятію пращницъ, и занять оными потаенныя боковыя пути къ узкому

про-

проходу въ горѣ, чтобы Армяне, бывъ обмануты тѣмъ безъ затрудненія попались въ разставленную сѣть; чтобы всѣ войска приготовлены были ко всеобщей вылазкѣ. Когда мы пращницами овладѣемъ, наведемъ ихъ на станъ непріятельскій, и другія нужныя мѣста; и когда по зажженному на стѣнѣ знаку начнется приступъ къ горѣ, что бы войска другими ходами обшедъ, напали на осаждающихъ стылу. Все это разпоряжено было съ великимъ успѣхомъ. Армянскій Полководецъ полагаясь на меня, отобралъ почти всѣ лучшія свои пращницы, и умышленно провелъ до вечера притащеніемъ оныхъ къ отверстію въ горѣ. Безоружные Колхидцы высланы были для встаскиванія оныхъ на верьхъ горы, за каждою пращницею слѣдовало небольшое прикрытіе Армянскихъ воиновъ, и пращницы потащили. Я съ Колхидскими воеводами и переодѣтыми въ Армянское одѣяніе воинами дожидался у отверзтія хода на горѣ; а часть, отряженная другимъ, заняла потайныя боковыя пути, чтобъ ни одинъ изъ пришедшихъ Арманъ въ случаѣ открытія умыслу обратно спастися не могъ. Армяне, прибывшіе съ первыми пращницами разбираны были по рукамъ, обезоруживаемы и отсыланы въ темницы; то же послѣдовало и съ прочими, такъ что мы овладѣли всѣми пращ-

ницами,

ницами, и прикрывавшими оныхъ воинами безъ всякаго шуму и кровопролитія. Въ слѣдующій день приступилъ я къ обученію Колхидцовъ дѣйствовать пращницами, и продолжалъ оное съ таковымъ раченіемъ, что ввечеру могъ разставить оныя на стѣнахъ съ отрядами искусныхъ управителей. По разпоряженіи сего войска Колхидскія начали спускаться разными окольными путями подъ гору, переодѣтые въ Армянъ Колхидцы заняли отверстія узкихъ всходовъ на гору и тайныя боковыя пути; я пустилъ со стѣны огненный знакъ, которой состоялъ въ змѣѣ, употребляемомъ у Римлянъ въ огненныхъ потѣхахъ, которой составлять я у нихъ перенялъ, и о которомъ Армянскій Полководецъ вѣдалъ, что опричь меня никто онаго сдѣлать не можетъ. По сему знаку началъ онъ всеобщій къ горѣ приступъ, множество Армянъ, всравшихся въ тѣсный проходъ, пропущено было въ средину онаго, и послѣ встрѣчено переодѣтыми Колхидцами съ одной стороны, а съ другой напали на нихъ засѣвшіе въ тайныхъ боковыхъ ходахъ: началось жестокое смятеніе и сѣча. Армяне поражаемые переодѣтыми Колхидцами, не узнавали своихъ непріятелей, видѣли уронъ свой, смутились, и произвели междоусобное сраженіе. Между тѣмъ зажженные на всей стѣнѣ костры приготовленныхъ дровъ

себѣ-

освѣтили всю площадь подъ горою, и открыли скопившееся при подошвѣ оной войско Армянское. Пращники начали въ оном производить жестокое убійство брошаніемъ великихъ камней; Армяне пришли въ замѣшательство, Полководецъ ихъ не зналъ, что дѣлать, старался ободрить ихъ, привести въ порядокъ, но его не слушали. Всякъ не повиновался, и искалъ спасенія въ бѣгствѣ; но тѣснота тому препятствовала, и началось междуусобіе. Въ это время приспѣли Колхидскія войска и напали со всѣхъ сторонъ. Кровопролитіе было ужасное; восходъ солнца осіялъ уже не сраженіе, но сѣчу, Армяне бѣжали безпорядку, и не были щажены. Словомъ сказать, все войско было побито, воинскій станъ, всѣ пращницы достались въ добычу Колхидцамъ, и самый Полководецъ Армянскій съ немногимъ числомъ оставшихся взятъ въ плѣнъ. Я съ моей стороны съ ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ, по отраженіи отъ горы непріятелей, успѣлъ участвовать въ сраженіи; я плѣнилъ Арманскаго Полководца, послалъ гонца къ Царю съ извѣстіемъ о совершенной побѣдѣ, и вообще съ прочими имѣлъ торжественный входъ въ Фазисъ. Не извѣстно какимъ образомъ народъ увѣдалъ, что отечество его избавлено отъ паденія моею помощію; и хотя я въ торжественномъ входѣ не первое занималъ мѣсто, но едва

едва съ отрядомъ моимъ приближился къ городскимъ воротамъ, какъ народъ закричалъ единогласно; да здравствуетъ *Савраазаръ*! избавитель Колхиды. Да здравствуетъ онъ супругъ нашей Царевны, и наслѣдникъ престола! — Признаюсь, что желанія народа очень были по моему вкусу, хотя льстили моей страсти и самолюбію, но не смѣлъ я ожидать, чтобы услуги мои простирались до таковаго награжденія.

Царь Колхидскій встрѣтилъ меня на переходахъ Дворца своего; онъ обнялъ меня дружественно, говоря: тебѣ одному, храбрый и великодушный *Савраазаръ*, приписую я побѣду надъ врагами моего отечества; ты оное защитилъ, и мнѣ осталось только наградить заслуги твои по мѣрѣ ихъ важности, — Таковое привѣтствіе привело меня въ смущеніе; я лобызалъ полу Его Величества, относилъ подвиги мои къ долгу честнаго человѣка, а весь успѣхъ храбрости воеводъ и войскъ его. Тѣмъ больше безкорыстіе, подхватилъ Царь, возвышаетъ вашу душу; тѣмъ болѣе достойны вы всего моего признанія. Сказавъ это, велъ онъ меня въ чертоги своей дочери. Я принятъ былъ отъ Царевны съ великою благодарностію; она обѣщалась испросить у родителя своего пристойное важности заслугъ моихъ награжденіе; но можетъ быть прочла она въ глазахъ моихъ, что награжденіе сіе удовлетворитъ мнѣ тогда только,

ког-

когда будетъ состоять въ одной ея особѣ. Во время торжества, приличнаго щастливому сему произшествію, объявленъ я главнымъ начальникомъ войскъ Колхидскихъ; вся добыча полученная въ Армянскомъ становищѣ отдана въ точное мое разпоряженіе, но я раздѣлилъ всю оную военачальникамъ и войску. Поступокъ сей пріобрѣлъ ко мнѣ сердца. Въ слѣдующій день назначено собраніе Государственнаго Совѣту; я приглашенъ во оный. Совѣщались о мѣрахъ въ разсужденіи плѣненнаго Полководца и продолженіи войны. Храбрыя люди въ собраніи желали брани и предлагали нападеніе на Армянское царство, онаженное тогда погибелію всего войска; любящіе свое отечество желали міра, и робкіе изъ оныхъ совѣтовали принудить плѣннаго Полководца подписать договоръ на всевозможныхъ условіяхъ. Я совѣтовалъ Царю отпустить Полководца и всѣхъ плѣнныхъ съ честію, отнюдь не пользоваться нещастіемъ враговъ своихъ, не нападать на ихъ государство, и оставить на волю Царя Армянскаго вѣчный ли міръ, или войну. Я представилъ къ утвержденію моего предложенія столько основательныя причины, что Царь и весь Совѣтъ одобрили мое мнѣніе. Полководецъ Армянскій былъ призванъ, получилъ свое оружіе, и узнавъ о положенномъ съ Совѣтѣ, столько былъ тронутъ ве-

великодушіемъ побѣдителя, что подписалъ добровольно вѣчный миръ и всѣ онаго условія. Онъ со всѣми плѣнными отпущенъ былъ съ честію, и поступокъ съ нимъ донесъ Государю своему въ столь безпристрастныхъ начертаніяхъ, что оный тронутъ былъ до внутренности души, и всю ненависть и вражду обратилъ въ дружелюбіе. Онъ подтвердилъ всѣ статьи вѣчнаго мира; въ непродолжительномъ времяни прислалъ то съ торжественнымъ посольствомъ, и съ того времяни Армяне учинились Колхидцамъ дружественными и добрыми сосѣдами.

Когда все таковымъ образомъ учреждено было, и въ Колхидѣ возстановилось спокойство, а я ежедневно видя прекрасную *Сараффу*, имѣвъ случай еще болѣе познать милый нравъ ея, и тѣмъ болѣе возпламеняясь, не смѣлъ открыться въ жестокой моей любви къ ней: вдругъ позванъ былъ я къ Царю. Оный засѣдалъ въ собраніи всѣхъ своихъ Вельможъ и Военачальниковъ. Всѣ встали, когда я вступилъ. Царь сошедъ съ престола, взялъ меня за руку и говорилъ слѣдующее: я не стану изчислять заслугъ твоихъ, оныя довольно извѣстны всѣмъ моимъ подданнымъ; осталось мнѣ наградить тебя, любезный мой *Савраазаръ*. Но въ чемъ можетъ состоять это награжденіе, совѣщался я съ моими вѣрноподданными. Я уже пре-

престарѣлъ; гробъ мнѣ предстоитъ, и Колхида требуетъ себѣ защитника. Надлежитъ мнѣ наречь преемника престолу въ супругѣ моей дочери; такъ повелѣваютъ законы моего государства. Но кто болѣе достоинъ носить мою Корону, какъ удержавшій оную на главѣ моей? и кто лучше составитъ щастіе моей дочери, какъ избавитель ея отечества? Я нарекаю съ согласія и желанія всего моего народа тебя, любезный *Савраазаръ*, наслѣдникомъ моимъ и супругомъ моей дочери. — Изреченіе сіе составляло верьхъ моихъ желаній; я палъ предъ Царемъ на колѣна, признавалъ себя недостойнымъ толикихъ милостей, и благодарилъ, какъ сынъ того, кто нарекъ себя отцемъ моимъ. Прекрасная *Сараффа* не находила затрудненія согласиться на усовершеніе моего щастія; сердце ея предубѣжденное въ мою пользу, охотно повиновалось волѣ ея родителя. Бракъ нашъ совершился, всѣ Колхидцы съ радостію присягнули мнѣ въ вѣрности; я учинился изъ ничего почти щастливѣйшимъ на свѣтѣ человѣкомъ, наслѣдникомъ престола, и обладателемъ прекраснѣйшей супруги. Царь, тесть мой, удрученный древностію лѣтъ и слабостію здоровья, возложилъ на меня все бремя правленія Государственнаго; онъ вѣнчалъ меня въ соцарствованіе себѣ, и провождалъ

въ

въ спокойствѣ остатокъ дней, не вмѣшиваясь ни въ какія дѣла.

По прошествіи отправляемыхъ по сему произшествію торжествъ и первыхъ восторговъ въ объятіяхъ нѣжной моей супруги, старался я отвратить всѣ безпорядки въ моемъ царствѣ, войною произведенные, и привести оное въ хорошее оборонительное состояніе. Я приказалъ надѣлать множество пращницъ, обучать управленіемъ оныхъ, и тѣмъ привелъ всѣ крѣпости государства, а особливо Фазисъ, въ безопасность. По томъ первое мое стараніе было пригласить тешку мою для раздѣленія со мною моего благополучія. Сія нѣжная родственница прибыла, и пріѣздомъ своимъ несказанно обрадовала меня и мою супругу; мы почитали ее вмѣсто матери. По прошествіи года супруга моя разрѣшилась отъ бремяни дочерью, которую въ память ея бабки назвалъ я *Салмизою*.

Однако таковому совершенному щастію не льзя быть было продолжительну. Прошло уже три года царствованію моему въ Колхидѣ, какъ въ нѣкоторый прекрасный день вздумалъ я съ супругою моею выѣхать и прогуляться въ подгорные луга и рощи. Среди моего государства, любимый моимъ народомъ, могъ ли я ожидать какого бѣдствія и нападенія! За нами не было никого, опричь ма-

лаго числа придворныхъ и не болѣе шести человѣкъ тѣлохранителей. Пріятность мѣстоположенія нечувствительно завела насъ въ глубину рощъ. Тогда множество незнакомыхъ вооруженныхъ злодѣевъ съ закрытыми лицами окружили нашу колесницу; они во мгновеніе ока побили тѣлохранителей, самъ я упалъ, получивъ рану въ голову; и опамятовавшись, отъ возницы моего, который одинъ въ живыхъ остался, услышалъ, что Царица моя ими увезена. Не могу я описать горести, объявшей мою душу; кто только любилъ супругу свою страстно, и былъ разлученъ съ нею таковымъ жестокимъ образомъ, можетъ представить себѣ о тогдашнемъ страданіи моего сердца. Не знаю, какъ могъ я живъ остаться послѣ таковаго урону; однако рана моя не была смертельна, и я вскорѣ выздоровѣлъ. Въ продолженіи того, какъ я лежалъ въ постелѣ, тесть и тетка моя почти отъ меня не отходили, и разпоряжали всевозможныя средства къ сысканію возлюбленной *Сараффы*; но всѣ покушенія усердныхъ подданныхъ остались безуспѣшны; не открыто ни малѣйшихъ слѣдовъ о ея хищникахъ. Выздоровѣвъ не могъ я вкушать покоя, и заключилъ дотолѣ по свѣту странствовать, пока сыщу мою дражайшую супругу. Въ этомъ намѣреніи вручилъ я правленіе престарѣлому моему тестю,

а

а дочь старанію и попеченіямъ моей тетки, и не взирая на ихъ убѣжденія, оставилъ Колхиду. Я выѣхалъ въ простомъ переодѣяніи, и не взявъ съ собою кромѣ самаго малаго числа служителей. Долго странствовалъ я около границъ моего государства, прилагая безплодныя развѣдыванія. Между тѣмъ извѣстясь объ одномъ пустынникѣ, имѣющемъ даръ узнавать предбудущее, заѣхалъ въ непроходимыя тѣ горы, въ которыхъ онъ обиталъ. Добродѣтельный этотъ мужъ обрадовалъ меня, обьявивъ мнѣ, что я хотя и найду мою супругу, но не такъ скоро, и не прежде, какъ объѣздивъ знатнѣйшіе дворы Европейскихъ и Азіятскихъ Государей. Слѣдуя сему, странствовалъ по Европѣ и Азіи. Въ сіе-то время (продолжалъ *Савраазаръ* къ Королю Готфскому) случилось мнѣ быть при Дворѣ вашего родителя, и оказать нѣкоторыя услуги въ войнѣ противу Кодановъ. Оттуда отправился я въ Русы, принесъ моленія мои въ святилищѣ Хомоградскомъ предъ вѣчнымъ Зничемъ. Я слѣдовалъ по томъ въ Болгары; словомъ сказать, объѣздилъ я почти всѣ государства въ Европѣ и Азіи, не получивъ ни малѣйшаго извѣстія о моей возлюбленной *Сарафѳѣ*. Шестнатцатилѣтнее отсутствіе изъ моего государства, любовь къ родственникамъ, и пользы моей дочери, понудили

меня въ оное возвратиться; я шествуя путемъ, прибылъ въ Козары.

ВЕЧЕРЪ XXXIII.

Остановясь на постояломъ дворѣ, увѣдомился я, что надъ Козарами царствуетъ *Зорминъ*, Государь молодый, лишившійся за годъ предъ тѣмъ супруги своей естественною смертію. Кончина ея повергла его въ такое огорченіе, что онъ не печется уже о правленіи государствомъ, въ которомъ произходятъ притомъ многіе безпорядки и разстройства, а особливо отъ умножившихся разбоевъ. услышалъ я притомъ, что онъ не выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ и никого къ себѣ почти не допускаетъ. Нѣсколько сходствующая причина печали его съ моею рѣшила меня увидѣть нещастнаго сего Владѣтеля, оная принудила меня сострадать объ немъ и стараться принести совѣтами моими отраду. Я прибылъ къ нему во Дворецъ, и шелъ во внутренніе его покои. Придворные услышавъ отъ меня, кто я таковъ, отворили мнѣ двери; я засталъ *Зормина* въ жестокомъ уныніи, взирающаго на изображеніе покой-

койной его супруги. Входъ мой остановилъ слезы, готовыя пролиться изъ очей его. Нещастный Государь! сказалъ я ему: я не осуждаю твоей печали; она справедлива. Во мнѣ ты найдешь равномѣрно огорченнаго Царя Колхидскаго, узнавшаго о твоемъ уронѣ и пришедшаго раздѣлить съ тобою твои слезы. *Зорминъ*, услышавъ слова мои, пришелъ въ себя, извинялся предо мною въ томъ, что принялъ онъ меня не съ надлежащею достоинству моему честію. Я открылъ ему, что о достоинствѣ моемъ никто не вѣдаетъ; что я ѣзжу скрытно, и разсказалъ по томъ подробности нещастной причины, меня къ тому принудившей. Огорченныя находятъ въ себѣ нѣкое сходство; предразсужденіе о семъ раждаетъ симпатію: мы съ перваго разу почувствовали съ *Зорминомъ* взаимную склонность, и вскорѣ учинились друзьями. Я старался разогнать печаль его моими разсужденіями, ставилъ ему въ примѣръ себя, и совѣтовалъ приняться за правленіе государственное; я открылъ ему о слышанныхъ мною безпорядкахъ, въ его Королевствѣ отъ пренебреженія сего произшедшихъ. *Зорминъ* устыдился бы можетъ быть, слышавъ сіе отъ инаго, кромѣ своего друга; онъ обнялъ меня, благодарилъ и обѣщалъ исправить свою погрѣшность. Онъ вознамѣрился объѣхать

свое Королевство, увидѣть всякое злоупотребленіе на мѣстѣ, и истребить оное до кореня. Сколько ни велико между тѣмъ было желаніе мое возвратиться въ Колхиду, но не могъ я противиться сильнымъ убѣжденіямъ *Зорминовымъ* сотовариществовать въ его путешествіи. Вскорѣ мы отправились съ пристойною Царскому великолѣпію свитою: я не стану описывать подробностей сего пути, а скажу только, что присутствіе Государя, входящаго въ подробности странъ державы его отдаленныхъ, не обходимо нужно. Обыкновенно не то Монархи видятъ своими глазами, что стараются имъ доносить. По слѣдамъ *Зорминовымъ* оставался страхъ и благодарность; злоупотребители власти своей принимали наказаніе, обиженные правосудіе, а добрые награжденіе. Наконецъ остановились мы въ нѣкоторомъ небольшомъ селеніи, близъ границъ Козарскихъ, для отдохновенія.

Тутъ услышали мы о обитающемъ неподалеку страшномъ чародѣѣ *Зимвраѣ*. Замокъ его описанъ былъ намъ столько ужаснымъ, а самъ онъ столько безчеловѣчнымъ, что никто къ оному и днемъ приближиться не смѣетъ. Разсказали намъ о страшныхъ привидѣніяхъ, безпрестанно тамъ являющихся, и о другихъ многихъ приключеніяхъ, которыя суевѣрная чернь пріемлетъ, вѣ-

рить

ритъ оным и пересказываніями своими пріумножаетъ. Я съ моей стороны всегда худо вѣрилъ чародѣйствамъ, и считалъ *Зимврая* атаманомъ разбойничей шайки, какъ и замокъ его оныхъ пристанью; я открылъ мнѣніе мое *Зормину*. Онъ согласенъ былъ въ томъ, и требовалъ моего совѣту, какимъ бы образомъ истребить опасное это гнѣздо злодѣевъ. Мы не зная обстоятельствъ и силы мнимаго чародѣя, не могли явнымъ образомъ напасть на замокъ его; ибо число воиновъ съ нами находившихся не такъ было велико. Тайное побужденіе влекло меня къ сему испытанію; я снялъ оное на себя. Сколько *Зорминъ* ни представлялъ мнѣ объ опасности таковаго предпріятія, но ничто меня отвратить не могло. Я переодѣлся въ крестьянское платье, и взявъ проводника, пошелъ къ замку оному. Проводникъ велъ меня сквозь дремучій лѣсъ, узкою стѣною и по крутымъ горамъ. Напослѣдокъ пришли къ такому мѣсту, съ котораго замокъ былъ видѣнъ указалъ мнѣ оный, и остановился дожидаться моего возвращенія. Никакъ не могъ я принудить робкаго сего человѣка ступить шагъ впередъ, и принужденъ былъ итти одинъ. Замокъ этотъ стоялъ на неприступномъ каменномъ утесѣ, обведенъ былъ крѣпкою стѣною, и входъ къ оному

былъ чрезъ подъемный мостъ, висящій надъ пропастью. Приближась къ оному, усмотрѣлъ я на стѣнахъ замка страшныхъ чудовищъ разнаго роду. Со всею моею отважностію почувствовалъ я холодъ отъ таковаго зрѣлища. Однакожъ ободрившись, воскликнулъ я троекратно имя *Зимврая*, какъ-то наученъ былъ я отъ искуснаго проводника моего, что сіе восклицаніе нужно произнесть желающему вопрошать о чемъ нибудь чародѣя. На голосъ мой выскочило въ подворотню замка чудовище, имѣвшее великую и страшную голову, крылья и змѣиный хвостъ; оное страшнымъ голосомъ вопрошало меня о причинѣ моего прихода. Я бросился предъ нимъ на колѣни, и съ мнимымъ подобострастіемъ сказалъ: великій служитель могущаго *Зимврая*! донеси ему, что Посолъ отъ сильнаго Государя прислалъ къ нему съ дарами вопросить о судьбѣ его. Подожди, сказало чудовище, и возвратилось въ замокъ. Но спѣша, зацѣпилось ногою за одну веревку, отъ чего перекувырнулось, сронило съ себя нѣчто и произвело, что подъемный мостъ отъ того опустился. Пришедъ отъ того въ замѣшательство, нырнуло оно въ землю и изчезло. Я всталъ изъ моего почтительнаго положенія, осмѣлился перейти мостъ, и усмотрѣлъ, что оброненное чудовищемъ состояло въ харѣ,

рѣ, каковыя въ Римѣ видалъ я на комедіянтахъ; а на стѣнахъ мнимыхъ чудовищъ представляли разнаго роду чучела. Почтеніе мое къ чародѣйству тотчасъ уменьшилось; я осмѣлился посмотрѣть ближе ворота, нашелъ оныя довольно крѣпки, и близь оныхъ подъемную дверь, въ которую ушло чудовище и забыло опустить оную за собою. Не сомнѣвался я болѣе въ обманѣ, и чтобъ не было то гнѣздо какихъ нибудь злодѣевъ. Но опасаясь подать подозрѣніе о моей догадкѣ, возвратился я на прежнее мѣсто и ставъ на колѣни дожидался отвѣту. Чудовище другое вышло, и объявило мнѣ, что великому *Зимвраю* угодно выслушать Посла назавтрѣе поутру. Я отвѣтствовалъ поклономъ, и возвратился показывая на себѣ всѣ знаки ужаса. Проводникъ мой удивился увидѣвъ меня безвредна; мы пошли обратно, и дорогою простодушный земледѣлецъ увеселялъ меня разсказами о страшныхъ приключеніяхъ съ отважившимися приближаться къ замку *Зимвраеву*. Достигнувъ деревни, въ которой находился Король Козарскій, открылъ я ему объ моемъ открытіи, и назначенномъ на утрѣе пріемѣ мнимаго посольства. Мы заключили ворваться въ замокъ хитростію, чтобъ между тѣмъ, какъ я и *Зорминъ* съ десятью отборныхъ тѣлохранителей будемъ

демъ представлять Пословъ, прочимъ воинамъ притти до разсвѣту, спрятаться близь стѣнъ замка; и когда насъ въ оный впустятъ, вытти съ осторожностію, овладѣть мостомъ, и выломивъ ворота, естьли оныя будутъ заперты, ворваться въ замокъ. Я совѣтовалъ *Зормину* для сего отважнаго предпріятія выбрать только однихъ тѣхъ, кои охотою согласятся итти для полученія половины изъ добычи, которую мы найдемъ въ замкѣ. Учинено сіе, но не болѣе двухъ сотъ человѣкъ сыскалось отважныхъ дерзнувшихъ покуситься на *Зимврая*; столько молва о страшномъ чародѣйствѣ успѣла овладѣть сердцами людей испытанной храбрости! Я выбралъ между первыхъ начальниковъ, объяснилъ имъ о положеніи замка, упомянулъ о подъемныхъ дверяхъ близь воротъ, и сдѣлалъ наставленіе, какимъ образомъ поступать имъ должно для овладѣнія замкомъ. Не позабылъ я также растолковать имъ, что она имѣютъ сражаться не съ чудовищами и привидѣніями, но съ разбойниками, которые конечно изъ сего гнѣзда своего вырываясь, опустошаютъ ихъ отечество; и объяснилъ имъ примѣченныя мною фиглярства, употребляемыя *Зимвраемъ* для устрашенія черни, и подавшія поводъ къ молвѣ о мнимыхъ привидѣніяхъ. Распорядивъ таковымъ образомъ все, отпра-

правились мы ночью къ замку. Воины попрятались въ способныхъ мѣстахъ; а мы представляющіе Пословъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи дожидались разсвѣту. Тогда пошли мы къ замку тихимъ шествіемъ. Я и *Зорминъ* несли куски златотканей, а воины по мѣшку сребряницъ. *Зимврай* дожидаясь насъ приуготовилъ къ встрѣчѣ нашей довольно фиглярствъ: огненные змѣи вылетали изъ башенъ, поднимались на воздухъ, и разрываясь съ громомъ, упадали огненнымъ дождемъ; чудовищи ходили по стѣнамъ, и произносили страшные вопли. Я объяснилъ *Зормину* и бывшимъ со мною, что первыя состоятъ въ составахъ, каковые Римляне употребляютъ въ огненныхъ потѣхахъ; а послѣдніе не иное что, какъ наряженные мошенники. Въ приближеніи нашемъ два чудовища выскочили въ подъемную дверь, опустили мостъ и обратно ушли въ то же отверзтіе; но намъ казалось, что провалились онѣ сквозь землю; послѣ сего ворота растворились, и голосъ невидимаго кричалъ намъ, чтобъ мы шли. Мы перешли мостъ; причемъ я примѣтилъ, что когда ушли чудовища, подъемная дверь опустилась неплотно, и они не успѣли оную закрыть: я вскинулъ оную навстечь, и оставилъ одного воина не допускать къ затворенію, пока засадныя наши овладѣютъ мостомъ; ибо

до-

дорогу сію считалъ удобнѣйшею къ ворванію въ замокъ. Какъ скоро вошли мы въ ворота, оныя съ страшнымъ стукомъ затворились; два человѣка, одѣтые шутовски и въ харяхъ, повели насъ предъ *Зимврая*. Пріемная его зала состояла въ нѣкоторомъ родѣ погреба, въ который достигли мы мрачнымъ переходомъ. Покой этотъ обитъ былъ весь чернымъ сукномъ, посреди онаго стоялъ жертвенникъ, воздвигнутый изъ головныхъ человѣческихъ костей, а наономъ лоханъ, въ которой горѣла водка; исходящій отъ оной синій пламень представлялъ освѣщеніемъ своимъ всѣхъ стоящихъ противу насъ служителей *Зимвраевыхъ* тѣнями усопшихъ; но сіе мало насъ устрашало. Самъ *Зимврай* стоялъ въ черной одеждѣ съ зодіакомъ чрезъ плечо, и съ волшебною тростью въ рукахъ, сбочь сего жертвенника. Мы отдали ему поклонъ, положили къ ногамъ его дары и деньги; послѣ чего я началъ говорить приготовленную рѣчь заблаговремянно, а имянно: я находилъ нѣкоторое предчувствіе думать, что не сей ли замокъ скрываетъ мою возлюбленную *Сараффу* отъ моихъ поисковъ. Почему началъ слѣдующее: „ Царь Колхиды, увѣдавъ о могуществѣ твоемъ, великій *Зимврай*, посылаетъ меня къ тебѣ — при имяни Царя Колхиды, чародѣй смутился, однакожъ

обод-

бодрясь, сказалъ мнѣ холодно: чего сей Царїокъ отъ насъ требуетъ? —— „ у него похищена злодѣями супруга; онъ проситъ твоей помощи къ возвращенїю ея въ его объятїя. „ —— Много онъ требуетъ, сказалъ *Зимврай* съ негодованїемъ; объяви ему, что онъ не увидитъ *Сараффы* вѣчно; потому что великому *Зимраю* угодно было учинить ее своею наложницею. —— Отъ словъ сихъ возтрепеталъ я яростїю: мерзкїй хищникъ! вскричалъ я, обнаживъ мечь свой: сей Царїокъ, котораго ты столько обидѣлъ, здѣсь предъ тобою, и накажетъ тебя за твое злодѣянїе! —— Съ словомъ симъ произвелъ я столь сильный ударъ, что мерзкая голова слетѣла съ плечь *Зимвраевыхъ*. Мнимыя тѣни усопшихъ обратились въ бѣгство; но тогда раздвинувшаяся стѣна представила намъ, каковой опасности подвергла насъ моя запальчивость. Множество вооруженныхъ разбойниковъ выскочило на насъ съ обнаженными саблями. Мы встрѣтили ихъ храбро; но не долго бы могли выдержать ихъ нападенїе, когда бы воины наши, нашедъ подъемную дверь отверзту, не вбрались въ замокъ, и побивъ всѣхъ попавшихся имъ разбойниковъ, не приспѣли къ намъ на помощь. Разбойники были всѣ порублены, часть изъ нихъ переловлена и перевязана; сдѣланъ обыскъ, разставлена стража, и замокъ щастливымъ обра-

разомъ безъ всякаго урону съ нашей стороны досталсяв ъ наше владѣніе.

По словамъ *Зимвраевымъ* не сомнѣвался уже я болѣе, чтобъ супруга моя не въ семъ мерзкомъ вертепѣ находилась. Исполненный радости и нетерпѣнія, бѣгалъ я по всѣмъ жилищамъ злодѣйскимъ, нашелъ множество плѣнныхъ и въ неволѣ у разбойниковъ содержащихся дѣвицъ, но не видалъ между оными моей *Сараффы*. Я приходилъ уже въ отчаяніе, какъ одна старушка упавъ предо мною на колѣни, подавала мнѣ ключь и привела меня къ погребу, находившемуся въ углу замка подъ башнею. Я отперъ замокъ, не понимая, что дѣлаю, шого, куда ведетъ меня старуха, и по длинной лѣстницѣ спустился въ мрачный погребъ. Отъ шороху приближенія услышалъ я зазвѣнѣвшія цѣпи, и голосъ, произнесшій слѣдующія слова: Немилосердый *Каледъ*! долго ли тебѣ услаждаться моимъ мученіемъ! Лиши меня нещастной жизни, или возврати меня моему возлюбленному *Савраазару*. —— Ахъ, *Сараффа*! вскричалъ я узнавъ ея госоъ; о возлюбленная супруга! . . . Болѣе не могъ я произнесть; я очутился въ ея обьятіяхъ, лишился чувствъ, и уже опомнился на дворѣ замка, куда вынесли меня по повелѣнію *Зорминову*, и по снятіи съ *Сараффы* оковъ. Не можно изобразить мнѣ вамъ той радости,

ка-

каковую ощущали мы съ *Сараффою*, соединясь съ нею противу всякаго ожиданія. Мы возсылали теплыя на Небо молитвы, лобызали другъ друга тысячекратно, и едва вѣрили глазамъ своимъ, что не во снѣ то видимъ. По прошествіи первыхъ восторговъ, просилъ я *Сараффу* разсказать о случившемся съ нею послѣ нашей разлуки; почему начала она слѣдующее:

„Прежде нежели приступлю я къ повѣствованію того, что претерпѣла я отъ ненавистнаго *Зимврая* со времяни моего похищенія, должно мнѣ разсказать вамъ объ одномъ приключеніи, бывшемъ еще до пришествія вашего въ Колхиду. При Дворѣ отца моего находился одинъ придворной, по имяни *Каледъ*. Сей дерзкой подданный отважившись влюбиться вѣменя, не устрашился при всякомъ удобномъ случаѣ открывать мнѣ взорами страсть свою. Но я притворялась того непонимающею, не хотѣвъ обличить его въ дерзости и ожидая, что онъ одумается. Однако сей наглый злодѣй не отсталъ отъ своего намѣренія, и нашедъ меня прогуливающуюся одну въ садахъ, отважился открыться мнѣ въ любви своей съ таковымъ безстыдствомъ, что я едва могла опомниться. Тогда я пришедъ въ великую досаду, приказала ему выѣхать изъ столицы, и подъ опасеніемъ смерти во всю жизнь мою въ оную не возвращаться. Я клялась ему, что въ

случаѣ преслушанія сего повелѣнія скажу обо всемъ родителю моему, и испрошу приличное дерзости его наказаніе. *Каледъ* пришелъ въ ужасъ отъ словъ моихъ, и на другой день скрылся. Я не слыхала объ немъ ничего до самаго нещастнаго дня, въ которой послѣдовало мое похищеніе.

Увидѣвъ тебя, любезной супругъ, получившаго рану въ голову и упадшаго съ коня, почла тебя мертвымъ; что столько поразило меня, что сама я лишалась чувствъ. Опомнилась я уже въ великомъ лѣсу, гдѣ похитители мои взяли отдохновеніе, и къ умноженію отчаянія моего, увидѣла начальникомъ сихъ разбойниковъ ненавистнаго мнѣ *Каледа*. Онъ старался разогнать печаль мою своими любовными предложеніями. Варваръ! вскричала я, ты ругаешься моимъ нещастіемъ. Дерзновенной подданной, убійца моего супруга! не страшишься ли ты грома Небеснаго, готоваго поразить тебя? Съ какимъ ты лицемъ осмѣливаешься предстать мнѣ? Чего ты ожидаешь отъ раздраженной своей Царицы, которую оскорбилъ и учинилъ навѣкъ нещастною? Когда ты, не бывъ убійцею своего Государя и моимъ похитителемъ, былъ мерзокъ въ глазахъ моихъ; чегожь надѣешься теперь, чудовище? —— *Каледъ* смѣялся надъ моимъ отчаяніемъ. Гнѣвъ вашъ, сказалъ онъ, не страшенъ для меня. *Каледъ* былъ

вашъ

вашъ подданной; а *Зимврай* (ибо онъ-то самой тотъ наказанной вами обманщикъ) ни отъ кого не зависитъ. Вся Колхида не можетъ тебя исторгнуть изъ замка, въ которомъ я царствуя, могу спокойно наслаждаться твоими прелестями. Послѣ сего совѣтовалъ онъ мнѣ повелительнымъ образомъ покориться моей участи, забыть обо всемъ, и согласиться вступить съ нимъ въ бракъ, ежели не хочу я претерпѣть насилія и учиниться его наложницею. Я отвѣчала ему презрѣніемъ; и онъ оставилъ меня на нѣсколько въ покоѣ, чтобъ дать пройти первымъ стремленіямъ моей горести. Мы ѣхали только по ночамъ чрезъ горы и мѣста необитаемыя; путь нашъ означался потоками слезъ моихъ. Наконецъ достигли сего проклятаго замка. Вскорѣ узнала я, что *Каледъ* или *Зимврай*, есть ничто иное, какъ атаманъ разбойничій; онъ чрезъ разныя фиглярства увѣрилъ о себѣ окольной народъ, что онъ великой чародѣй; и какъ разбой и убійства производилъ съ своими подчиненными въ мѣстахъ отдаленныхъ, то и жилъ въ безопасности. Никто не смѣлъ и близко подойти къ сему замку, страшась его волшебной стражи. Что надлежитъ до меня, печаль моя и нещастія лишали меня чувствъ. Я искала смерти, но не имѣла средствъ; ибо за мною надзирали денно и ночно двѣ старухи, а великолѣпные покои, опредѣленные

мнѣ тюрьмою, запиралъ самъ *Зимврай* и ключь носилъ въ своемъ карманѣ. Когда счелъ онъ, что надлежало по мнѣнію его пройти моей печали: предсталъ онъ ко мнѣ съ своими любовными обьясненіями. Долго гнѣвъ мой приводилъ его въ страхъ, но со временемъ привыкъ онъ къ нему, и впечатлѣніе, каковое подданныя имѣютъ къ своимъ Государямъ, изчезло. Онъ началъ мнѣ угрожать своею властію. Я разсудила, что грубость моя и презрѣніе приведутъ его наконецъ въ бѣшенство, истребятъ остатки почтенія и учинятъ жертвою его неистовства; я прибѣгла къ хитрости. Начала я принимать его ласковѣе, выслушивала его слова съ терпѣніемъ; что учинило его снисходительнѣе, и онъ не упоминалъ мнѣ уже о своей власти. Какая польза тебѣ будетъ, говорила я ему, когда ты овладѣешь мною противу воли? Пріятно ли тебѣ то услажденіе, въ которомъ сердце не можетъ имѣть участія? Дай времени загладить въ душѣ моей произведенную тобою рану, и вѣрь, что исканіями и почтеніемъ, а не насиліемъ пріобрѣтаютъ взаимную склонность. Таковыми и подобными симъ словами обезоружила я его дерзость; онъ началъ обходиться вѣжливѣе: и естьли докучалъ иногда своими страстными выраженіями, но былъ послушенъ моей волѣ. Жестокая его страсть не могла однако довольна

быть

бышь столь слабою пищею; онъ вышелъ напослѣдокъ изъ терпѣнія, и приступилъ къ прежнимъ гоненіямъ. Надобно думать, что сами Небеса защищали мою добродѣтель; ибо впрочемъ ничто бы не спасло меня отъ его неистовства. Стократно покушался онъ на честь мою; но сопротивленіе мое приводило его въ ужасъ и принуждало его удаляться. Онъ прибѣгалъ то къ угрозамъ, то къ лести, то морилъ мяня голодомъ и запиралъ скованную въ подземную темницу, или возвращалъ въ прежніе чертоги и возобновлялъ свои вѣжливости. Пять лѣтъ препровела я въ семъ страданіи. Между тѣмъ новая страсть къ похищенной имъ у береговъ Чернаго моря прекрасной Гречанкѣ привела ему меня въ забвеніе; онъ рѣдко меня видалъ, и всегда съ презрѣніемъ. Все попеченіе его обо мнѣ заключалось только въ мѣрахъ къ пресѣченію моего бѣгства. Къ нещастію моему за годъ предъ симъ умерла его Гречанка. Нѣсколько мѣсяцовъ не находилъ онъ утѣшенія въ семъ уронѣ, кромѣ разбоевъ, на которые выѣзжалъ безпрестанно. По томъ прежняя страсть его ко мнѣ возобновилась, хотя печаль моя лишила меня послѣднихъ пріятностей, кои получила я отъ природы. Сопротивленія мои привели его въ бѣшенство; онъ опредѣлилъ меня уморить голодомъ въ темницѣ, изъ ко-

которой вы, любезной *Савраазар*, меня освободили. Я погибла бы, естьлибъ одна изъ старухъ, обитавшихъ со мною, по страданію не приносила мнѣ поночамъ пищи. Словомъ сказать, я не въ силахъ изобразить всего того, что претерпѣла я въ семъ ужасномъ мѣстѣ; но когда Небеса соединили меня съ моимъ супругомъ, я все позабываю.,,

По выслушаніи повѣсти *Сараффиной*, постарались мы съ *Зорминомъ* учредить разпоряженіе къ возвращенію дѣвицъ, бывшихъ въ плѣну у *Зимврая* въ ихъ отечества; онѣ поѣхали, принесши намъ великую благодарность, и бывъ награждены щедро изъ найденныхъ въ замкѣ сокровищъ. Разбойники, въ живыхъ оставшіеся, отосланы по разнымъ мѣстамъ для казни въ страхъ другимъ. Замокъ приведенъ въ оборонительное состояніе; и воины, бывшіе съ нами, получили обѣщанную часть изъ добычи. Мы возвратились въ столицу Козарскую, гдѣ я въ объятіяхъ дражайшей супруги забылъ о претерпѣнныхъ мною злоключеніяхъ. *Зорминъ* принималъ великое участіе въ моей радости, и старался разными веселіями и пиршествами доказать мнѣ, сколь щастіе мое много его утѣшаетъ. Однако при наружномъ веселіи можно было видѣть, что сердце его подвержено еще прежней печали. Состояніе его трогало меня: мнѣ вошло въ

голову, не могу ли я чрезъ новой бракъ утвердить его ко мнѣ дружество и возвратить ему спокойствіе. Въ семъ намѣреніи, говорилъ я ему: долгъ, которымъ я обязанъ моему народу, призываетъ меня въ Колхиду. Не можно мнѣ долѣе отягчать бременемъ правленія престарѣлаго моего тестя; я долженъ оставить тебя, любезной мой другъ. Но какъ оставить тебя? Рана сердца твоего еще не излѣчилась. Поѣдемъ со мною въ Колхиду: можетъ найдемъ мы тамъ бальсамъ, которой возобновитъ твое спокойство. Я оставилъ тамъ дочь; она прекрасна, и могу ли я представить достойнѣйшаго ей супруга, какъ въ особѣ моего дражайшаго друга? *Зорминъ* отвѣтствовалъ мнѣ дружескимъ объятіемъ, согласился проводить меня до моей столицы; и мы отправились.

Тесть мой и дочь предварены были чрезъ гонцовъ о щастливой моей находкѣ, и о томъ, что слѣдуетъ со мною Король Козарской. Радость отъ сего извѣстія была неописанна во всей Колхидѣ. Тесть мой приготовилъ великолѣпныя торжествованія и встрѣчи къ принятію таковаго гостя, каковъ былъ *Зорминъ*. Мы прибыли къ Фазису, и встрѣчены были съ великимъ торжествомъ; но великолѣпнѣйшее зрѣлище представляли мои подданныя, стекшіяся отвсюду къ столицѣ; ихъ восклицанія, радостныя слезы, явили мнѣ, сколь много былъ я

любимъ отъ нихъ. Дочь моя, которую ни я, ни *Сарафва* узнать не могли, предстала намъ напереди всѣхъ Вельможъ; она пришла въ совершенной возрастъ и была прелестнѣе своей родительницы. *Зорминъ* ослѣпленъ сталъ ея красотою съ перваго взгляду. Я порадовался щастливому дѣйствію сему, о которомъ узналъ изъ безпорядочныхъ словъ Короля Козарскаго, наговоренныхъ имъ къ ней вмѣсто привѣтствія. Престарѣлый тесть мой едва не умеръ съ радости, насъ увидѣвъ. Онъ чрезмѣрно полюбилъ *Зормина*; дочь моя также не осталась къ нему равнодушною. По нѣсколькихъ дняхъ мы объяснились во взаимномъ семъ желаніи, и бракъ дочери моей совершился. Веселіе наше умножилось, и пособило мнѣ снести печальное извѣстіе о кончинѣ моей тетки, которую любилъ я какъ мать.

Чрезъ полгода должно намъ было разстаться съ дѣтьми нашими: Король Козарской увезъ дочь нашу въ свое государство. Разлука сія хотя стоила намъ слезъ, но мы спокойны были по тому, что дочь наша любила страстно своего супруга, а онъ ее обожалъ. Я жилъ спокойно съ моею Царицею, и время не уменьшало нашей страсти. Я старался о благополучіи моихъ подданныхъ. чрезъ нѣсколько лѣтъ скончался мой тесть. Словомъ сказать, почти чрезъ девяносто лѣтъ

не

не видалъ я никакихъ ударовъ нещастія; имѣлъ я небольшія войны съ Иверцами, но умѣлъ оныя прекратить безъ дальняго кровопролитія. Естьли огорчало меня что либо въ теченіи долголѣтнаго моего царствованія, было то неплодство супруги моей; и я ожидалъ, что Колхида достанется въ чужія руки по моей смерти; потому что дочь моя имѣла отъ *Зормина* только одного сына, рожденнаго уже въ старости лѣтъ его. *Абрадатъ* сей, сынъ ихъ, которой нынѣ царствуетъ въ Козарахъ, не могъ бы удержать за собою наслѣдства моего, по причинѣ раздѣляющихъ оное дикихъ въ горахъ обитающихъ народовъ отъ Королевства Козарскаго. Небо однако, внемлющее скрытой моей печали, обрадовало меня въ старости моей, когда былъ я уже ста десяти лѣтъ, рожденіемъ двухъ близнецовъ. Всѣ считали это за чудо; я самъ признавалъ оное: ибо хотя природа одарила меня крѣпостію, но *Сараффа*, какъ женщина, не имѣла надежды въ таковыхъ лѣтахъ учиниться матерью. Два сына мои, которыхъ назвалъ я *Семиромъ* и *Нурединомъ*, составляли все мое утѣшеніе. Казалось, что я и *Сараффа* учинились многими годами моложе. Однако судьба не оставила меня въ покоѣ окончать дни мои.

ВЕЧЕРЪ XXXIV.

Дѣти мои уже начали ходить учиться; какъ послѣдовало начало новыхъ моихъ нещастій извѣстіемъ о смерти зятя моего и дочери. Сіи вѣрныя супруги, сохранившія любовь до поздныхъ лѣтъ, не могли пережить другъ друга. *Зорминъ* послѣдовалъ во гробъ за своею *Салмизою*. Внукъ мой остался еще не въ совершенныхъ лѣтахъ; и чтобъ утвердить его корону, должно было мнѣ предпріять путешествіе въ Козары. Силы мои не препятствовали сему намѣренію; я прибылъ въ Козары, и проводивъ около четырехъ мѣсяцовъ, привелъ все въ порядокъ и обезпечилъ владѣніе моего внука. Я возвращался уже въ мое царство, какъ на дорогѣ получилъ печальное извѣстіе, что Иверцы съ помощію Иранцевъ, составивъ великое войско, напали на мое царство, не взирая на жестокое сопротивленіе моихъ подданныхъ, съ Восточной не столь укрѣпленной природою стороны; овладѣли моею столицею, и плѣнивъ мою супругу съ дѣтьми, увезли не извѣстно куда; и что Колхида послѣ погибели всего моего войска присоединена къ Иверіи.

Я въ таковую впалъ отъ того печаль, что не знаю, какъ отъ оной въ живыхъ ос-

остался. Не могъ я рѣшиться на то, что въ таковыхъ обстоятельствахъ предпріять долженствовало. Хотя я могъ бы возвратившись въ Козары собрать войско, итти на освобожденіе моего Королевства; но не хотѣвъ новаго владѣнія внука моего замѣшать въ столь жестокую войну съ усилившимся непріятелемъ, и оставить супругу мою съ дѣтьми безъ всякой помощи въ неволѣ, рѣшился я подъ скрытымъ имянемъ ѣхать въ Иверію и объ нихъ развѣдывать. Въ таковомъ намѣреніи отпустилъ я бывшихъ при мнѣ Колхидцовъ въ Козары, и поѣхалъ одинъ, чтобъ лучше скрыть тѣмъ мое званіе. Не преминулъ было я прибѣгнуть къ пустыннику, о которомъ я упоминалъ прежде, уповая отъ него узнать судьбу мою; однако святой сей мужъ давно уже скончался. Странствуя по всей Иверіи, нигдѣ я не нашелъ того, чего искалъ, и съ великимъ трудомъ увѣдалъ наконецъ къ пріумноженію моей печали, что жена и дѣти мои по немилосердому приключенію Иверскаго Царя проданы морскимъ разбойникамъ. Сей властолюбивой Царь забывъ то, что былъ онъ мой родственникъ, простеръ лютость свою до того, что *Сарафа* разлучена была съ дѣтьми своими и продана въ разныя руки. Не могъ я провѣдать того, на которомъ морѣ они прода-

даны: одни говорили, что на Черномъ; а другіе утверждали, что на Хвалынскомъ. Я положась на промыслъ Провидѣнія, предпріялъ путь мой къ берегамъ Каспійскаго моря. По тщетнымъ исканіямъ прибылъ я ко Двору Князя Болгарскаго. Сей великодушный Государь, бывъ тронутъ моими нещастіями, удержалъ меня при Дворѣ своемъ, оказалъ мнѣ всевозможную честь, посылалъ по всему пространству областей своихъ провѣдывать объ моей супругѣ и дѣтяхъ; онъ предлагалъ мнѣ провести остатокъ дней моихъ при Дворѣ своемъ. Однако я не могъ быть спокоенъ, пока не найду желаемаго: и для того продолжалъ мой путь чрезъ Иранъ въ Индію. Князь Болгарскій предлагалъ мнѣ на дорогу деньги и служителей; но какъ я отъ всего отказался, подарилъ онъ мнѣ сію собаку, съ тѣмъ обнадеживаніемъ, что оная будетъ мнѣ вѣрной спутникъ, стражъ, и въ случаѣ нападенія оборонитъ меня лучше пяти вооруженныхъ служителей. Онъ сказывалъ, что получилъ сію необыкновенной величины собаку изъ Африки. Подарокъ таковаго рода былъ для меня весьма пріятенъ; собака моя вскорѣ ко мнѣ привыкла, и во многихъ случаяхъ оказывала мнѣ великія услуги.

Объѣхавъ безъ успѣха Индію, странствовалъ я опять по Европѣ, Азіи и по раз-

разнымЪ АфриканскимЪ областямЪ; при чемЪ попался вЪ неволю АрапамЪ. Вельможа ихЪ, которому я достался, продержалЪ меня у себя не долго, и какЪ видно, сочтя по старости лѣтЪ моихЪ неспособнымЪ кЪ работѣ, отпустилЪ меня, отдавЪ мнѣ коня моего и оружіе. ОнЪ удовольствовался удержать мою собаку, которая и вЪ тамошней странѣ почитаема была за великую рѣдкость. Она не давалась имЪ вЪ руки: онЪ со всѣми своими служителями не могЪ наложить на шею ей цѣпи, и я сЪ великимЪ огорченіемЪ принужденЪ имЪ былЪ учинить то. Уже дни сЪ два находился я вЪ моей дорогѣ, какЪ увидѣлЪ вѣрную собаку мою, бѣгущую за мною вЪ слѣдЪ сЪ великимЪ обломкомЪ толстой цѣпи, которую она, какЪ догадаться можно, оборвавЪ, освободилась. ЧрезЪ нѣсколько часовЪ показался скачущій за нею бывшій мой господинЪ сЪ тремя служителями. Собака не допустивЪ ихЪ до меня, напала на нихЪ сЪ таковою лютостію, что сорвавЪ сЪ коня господина перервала по поламЪ; то же сдѣлала и сЪ его служителями, прежде нежели успѣли оныя оборониться. Она во время пути моего обороняла меня отЪ дикихЪ звѣрей, львовЪ давила какЪ мышей, и ловила оленей для моей и своей пищи.

Направляя путь мой къ Сиріи, чтобъ достигнувъ моря, сѣсть на корабль и переѣхать въ Европу, ночевалъ я въ одной Арапской деревнѣ; тутъ жилъ одинъ угадчикъ. Хотя я не совсѣмъ увѣрялся предсказателямъ сего рода, но есть времена, въ которыя люди бываютъ подвержены суевѣрію. Печаль, или можетъ быть ослабѣвшія силы мои, не помѣшали мнѣ увѣриться въ томъ, что я найду настоящій путь къ снисканію моего покоя. Я прибѣгъ къ сему угадчику. Оный по нѣкоторымъ чертамъ на рукахъ моихъ и по звѣздовліяніямъ вычислилъ и предсказалъ мнѣ сіе. „Когда ты ни съ кѣмъ, „опричь владѣтельныхъ Государей и дру-„гихъ знаменитыхъ особъ, во время тво-„ихъ путешествій говорить не будешь, и „одну молодую прекрасную дѣвицу въ не-„вѣденіи за мущину признавать станешь: „тогда увидишь ты жену, сыновъ своихъ „и конецъ всѣмъ твоимъ нещастіямъ.„ Предсказаніе таковое хотя было темно, и Арапъ не сдѣлалъ на оное истолкованія, однако заключилъ я оному слѣдовать. Съ того времени наложилъ на себя молчаніе, и не разговаривалъ ни съ кѣмъ, опричь помазанныхъ главъ и ихъ родственниковъ; почему многія считали меня за нѣмова. Я странствовалъ почти во всѣхъ Африканскихъ областяхъ, продолжая мои исканія. Напослѣ-

слѣдокъ находясь при берегахъ Африканскихъ, во время моего отдохновенія найденъ Варяжскимъ корабельщикомъ, съ которымъ прибылъ въ области Вашего Величества. Впрочемъ намѣреніе мое состоитъ шествовать въ области Славянскихъ Государей, и оттуда посѣтить моего внука.

Продолженіе повѣсти о Вадимѣ.

По окончаніи повѣсти Король Готфскій и всѣ слушатели тронуты были нещастіями престарѣлаго Колхидскаго Монарха. *Вадимъ* съ *Бурновеемъ* находили великое сходство вѣрить, что *Семіръ*, влюбленный въ Княжну Обрскую, долженъ быть одинъ изъ сыновѣ его, равно и *Нурединъ*, освободитель *Арпадовъ* изъ плѣну. Они не укоснили доставить сію радостную догадку Царю Колхидскому со всѣми обстоятельствами, какъ видимо то изъ предшедшихъ повѣствованій. *Савраазаръ* столько обрадованъ былъ онымъ извѣстіемъ, что стократно обнимая *Вадима* и друга его, намѣрился было въ тотъ же день отправиться въ Хомоградъ и оттуда въ Козары. Однакожъ король Готфскій упросилъ его взять отдохновеніе при Дворѣ своемъ; но не инако уговорилъ его, какъ пославъ въ тѣ мѣста, куда онъ хотѣлъ ѣхать, съ гра-

грамотами отъ него къ *Семіру* и *Абрадату*.

По нѣсколькихъ объѣздахъ Король Готфской, и при немъ всѣ знаменитые гости его возвратились въ столичный городъ. *Арпадъ*, коего страсть къ Княжнѣ Болгарской ежедневно возрастала, не хотѣлъ дожидаться возвращенія *Раймірова* изъ Болгаръ, и готовился оставить Дворъ *Халдановъ*. Однако прибытіе *Раймірово* остановило его отъѣздъ на нѣсколько времени. Оный привезъ извѣстіе, что въ Болгарахъ нѣтъ ни малаго слуху о Княжнѣ *Предславѣ*, и что родители ея, лишась послѣдняго сына своего, скончавшагося естественною смертію, находятся въ великой печали по сей единственной наслѣдницѣ ихъ престола. *Раймірь* утѣшалъ *Арпада* тѣмъ, что Князь и Княгиня Болгарскіе, узнавъ отъ него о страсти постоянной къ ихъ дочери и стараніяхъ его въ сысканіи ея, чрезмѣрно считаютъ себя отъ него обязанными, и просятъ боговъ, чтобъ помогли имъ наградить его труды самою *Предславою* съ Болгарскимъ престоломъ. Но естьли *Раймірь* сердце своего Государя исполнилъ радостной надежды: другое привезенное имъ извѣстіе огорчило *Вадима*. Отечество его, не задолго освободившееся отъ кровопролитной войны съ бунтовщиками, подверглось вновь опас-

опаснѣйшей и угрожающей совершенынмъ оному разореніемъ. Гунны, оставшіяся послѣ перваго выхода своего близъ предѣловъ Китайскихъ, прогнаны были отшуда, и искавъ мѣстъ, присоединились къ остатку своего народа, обитавшему въ Гунигардѣ (*). Укрѣпясь таковымъ образомъ, начали они войну съ Славянорусскимъ Княземъ, вознамѣрясь учинить его своимъ данникомъ, или совсѣмъ истребивъ Славянъ и Руссовъ, овладѣть ихъ землями. *Гардорикъ* потерялъ уже нѣсколько битвъ и много городовъ.

Могло ли что больше поразить сердце столь великодушнаго и храбраго Князя, каковъ былъ *Вадимъ*? Ревность его къ отечеству была превыше всѣхъ страстей его; онъ вознамѣрился освободить оное, утвердить на престолѣ своего враждующаго ему брата, или погибнуть въ семъ добродѣтельномъ предпріятіи. *Арпадъ*, возпламененный геройствомъ своего друга, обуздалъ любовь, и клялся подкрѣпить его подвигъ своею помощію. *Бурновей*, не меньше храбрый и столькожъ великодушный, не могъ отстать отъ нихъ. Самая *Брячислава*, а за нею *Озана*, не взирая на слабость ихъ по-

(*) Такъ назывался въ началѣ Кіевъ, по имяни Гунновъ первыхъ здателей своихъ. Князь Кій Славянскаго отродья овладѣвъ онымъ въ послѣдствѣ, прозвалъ его по своему имяни.

поля, препоясали оружіе, и готовы были сражаться близь своихъ возлюбленныхъ. Впрочемъ къ кому лучше могъ *Вадимъ* прибѣгнуть въ семъ обстоятельствѣ, какъ къ Королю Готфскому? Онъ предсталъ предъ него, и объяснивъ о нещастіи своего отечества, говорилъ слѣдующее: Милости Вашего Величества простирались ко мнѣ всегда: вы безъ заслугъ моихъ готовы были вспомоществовать мнѣ своими силами къ пріобрѣтенію моего права. Однако я не могъ во зло употребить вашей щедрости для пользъ собственной моей корысти. Нещастной успѣхъ моего покушенія нанесъ бы ударъ Вашему государству, и пріобрѣлъ оному сильныхъ непріятелей. Но нынѣ, когда помощь ваша можетъ обязать Славяноруссовъ, заслужить ихъ признаніе, и учинить ихъ благодарными союзниками; когда собственныя пользы Вашего отечества, которому въ нещастномъ успѣхѣ Гунновъ предстоять будетъ равномѣрная, какъ и Славянамъ, опасность, одобряютъ мое намѣреніе: я прошу войска и помощи. — Король Готфской, выслушавъ *Вадима*, обнялъ его, похвалилъ его великодушіе, и предложилъ ему съ великимъ удовольствіемъ свою рать и деньги. Немедленно наслано повелѣніе къ военачальникамъ Готфскимъ, чтобъ оставя небольшое число войска для прикры-

шія границъ, съ остальнымъ готовились шествовать подъ начальствомъ *Вадимовымъ* на освобожденіе страны Славянорусской отъ Гунновъ, и чтобъ въ скоромъ времени собрались на долину при Бравалакедѣ. —— *Урманъ* получивъ великую сумму сребра, отправленъ былъ въ *Варягію для найму* пращниковъ, стрѣльцовъ и другаго пѣшеходнаго войска. —— Престарѣлый Царь Колхидской, еще довольно бодрый, возпламенился на сто сороковомъ году своемъ воинскимъ жаромъ; онъ возхотѣлъ участвовать въ семъ славномъ походѣ. Когда руки мои, говорилъ онъ, недостаточны будутъ къ дѣйствію мечемъ, совѣты мои, искусство военное, и опыты не меньше могутъ быть вамъ полезны. Соорудимъ пращницы по подобію Римскому; оныя ужасное дѣйствіе окажутъ надъ Гуннами, не имѣющими инаго войска, кромѣ конницы. Король Готфской желая съ одной стороны спомоществовать всемъ *Вадиму*, а съ другой желая ввести у себя употребленіе сихъ воинскихъ орудій, повелѣлъ собрать множество художниковъ, и въ продолжительномъ времени подъ распоряженіемъ *Савраазаровымъ* поспѣло четыре ста пращницъ. Пока собирались войска, довольное число Готфовъ къ употребленію оными пращницами обучены были: опыты, ужаснымъ дѣйствіемъ ихъ привели всѣхъ

зрителей въ удивленіе; ибо за четыреста саженъ бросаемые тяжкіе камни сбивали великія древеса. Двѣсти оныхъ отправлено было въ походъ съ *Вадимомъ*; а другая половина, могущая служить вмѣсто цѣлаго войска, оставлена въ Готфяхъ.

Напослѣдокъ войска собрались; Король *Халданъ Вадиму* и прочимъ вручилъ самъ оныя, и пожелавъ щастливаго успѣха, разстался съ огорченіемъ съ своими храбрыми гостями. Знамена Готфскія начали взвѣваться при радостныхъ восклицаніяхъ воиновъ, кои боготворили *Вадима*, своего начальника, видѣвъ уже опыты его геройства, силы и искусства въ прошедшей войнѣ; самые военачальники Готфскіе не помышляли роптать о томъ, что ему подвержены; и *Савраазаръ* щиталъ то хорошимъ предзнаменованіемъ. Варяги не препятствовали проходу войска сего чрезъ свои земли; и на границѣ оныхъ присоединился *Урманъ*, ведущій сорокъ тысячь наемныхъ воиновъ; а чрезъ то *Вадимъ* вступилъ въ области брата своего съ ратью, состоящею изъ ста тысячь пѣхоты и пятидесяти тысячь конныхъ.

Вадимъ нашелъ отечество свое готовое къ паденію. Успѣхи Гунновъ распростерли ужасъ по всѣмъ областямъ *Гардориковымъ*: жители оставляя домы, укрывались по лѣ-

самъ

самъ съ своимъ имѣніемъ, а иные готовились бѣжать въ чужіе края. Гунны шли осадить Хомоградъ, и Князь Славяноруской проигравъ сраженіе, съ остатками силъ своихъ готовъ былъ ихъ встрѣтить и дать послѣднюю битву. Однако когда разнесся слухъ, что *Мечиславъ* (подъ которымъ именемъ *Вадимъ* прославился въ послѣднюю войну противъ *Худояра*) идетъ на помощь съ Готфскимъ и Варяжскимъ войскомъ: тогда жители начали возвращаться въ домы, воины бѣжать къ оружію, и собираться подъ знамена его, такъ что войско его съ каждою верстою прибавлялось. *Вадимъ* созвавъ совѣтъ, на которомъ предложилъ: надлежитъ ли увѣдомить Князя Славяноруского о посланной Королемъ Готфскимъ помощи; ибо онъ не хотѣлъ ничего присвоить самому себѣ. *Арпадъ*, *Бурновей* и *Савраазаръ* съ военачальниками Готфскими похваляли его безпристрастіе, не опровергали его намѣреніе; но совѣтовали ускорить походомъ, чтобъ не укоснить поданіемъ помощи и присоединеніемъ войскъ прежде ожидаемаго сраженія. *Урманъ* и нѣсколько Готфовъ отправлены были съ упомянутымъ извѣстіемъ къ *Гардорику*; а войско, раздѣлясь на три части, пошло тремя дорогами къ Хомограду. Главное войско велъ самъ *Вадимъ*, Варяжское *Бурновей*,

Арпадъ конницу Визиготфскую, а *Савраазаръ* начальствовалъ надъ пращницами и прикрывающею оныхъ частію конницы.

Едва *Вадимъ* успѣлъ соединиться съ съ *Арпадомъ* и *Бурновеемъ* въ назначенномъ мѣстѣ на равнинѣ, находящейся въ двацати верстахъ отъ Хомограда, какъ увидѣлъ онъ *Урмана* поспѣшно скачущаго къ нему съ престарѣлымъ *Русимомъ*. Отъ нихъ узналъ онъ, что сраженіе, произшедшее вчерашняго дня, проиграно, всѣ остатки войскъ разбиты, и самъ *Гардорикъ*, предводительствовавшій войскомъ, достался въ плѣнъ. *Вадимъ* пролилъ слезы, однако не мѣшкавъ отеръ оныя, и спрашивалъ: далеко ли Гунны, и въ какой силѣ состоитъ войско ихъ? *Русимъ* отвѣчалъ: что они идутъ осадить Хомоградъ, что наутро уповаетъ быть имъ подъ стѣнами столичнаго города, и что состоятъ они въ трехъ стахъ тысячахъ. — Не все еще пропало, любезной мой *Русимъ*! вскричалъ *Вадимъ*; боги благословятъ успѣхъ ревности моей къ отечеству; но старайся сокрыть отъ брата моего имя *Вадимово*, пусть обязанъ онъ будетъ *Мечиславу*, и спѣши присоединиться ко мнѣ съ остаткомъ Славянъ и Руссовъ подъ стѣнами города, въ коемъ я родился. *Русимъ*, какъ истинный сынъ отечества, пролилъ радостныя слезы, узнавъ о неожидаемой великой помощи. О Божество

не

незлобивое! О благій духЪ посланный кЪ спасенію СлавянорусЪ! кричалЪ онЪ, лобзая руки *Вадимовы*. —— Оставим (сказалЪ сей) предаваться чувствованіямЪ нашего сердца до способнѣйшаго времени. Отечество, братЪ и гробы предковЪ моихЪ вЪ опасности, поспѣшимЪ умереть, или освободить ихЪ. СказавЪ сіе, отпустилЪ онЪ *Русима*; созвалЪ военачальниковЪ, и посовѣтовавши сЪ ними, опредѣлилЪ взять отдохновеніе на томЪ мѣстѣ; а при началѣ ночи вступить вЪ походЪ, и стараться упредить ГунновЪ до прихода ихЪ кЪ Хомограду.

Небеса, покровительствующія добродѣтельнымЪ предпріятіямЪ, споспѣшествовали подвигамЪ *Вадимовымъ*; онЪ предварилЪ ГунновЪ, успѣлЪ вЪ ХомоградЪ ввести пятьдесятЪ большихЪ пращницЪ, дватцать тысячь ВаряшскихЪ стрѣльцовЪ, подЪ начальствомЪ *Урмана*, и ободря своимЪ присутствіемЪ сЪ неожидаемою помощію устрашенныхЪ жителей и засадное войско вЪ Хомоградѣ. ОнЪ предоставилЪ благоразумію *Урманову* дѣйствовать пращницами вЪ разсужденіи обстоятельствЪ; а самЪ распорядилЪ войско вЪ мѣстахЪ, прикрытыхЪ лѣсомЪ, чтобы можно было нечаянно учинить нападеніе на ГунновЪ, когда они осадятЪ ХомоградЪ. ОнЪ раздѣлилЪ войско и пращницы на двѣ части, изЪ коихЪ одною начальствовалЪ самЪ, другою *Сав-*

раазаръ съ *Бурновеемъ*; а большую часть конницы, имѣющей составить засадное войско, поручилъ *Арпаду*. Положено было дать свободу Гуннамъ осадить городъ, и тогда напасть на нихъ съ двухъ сторонъ; *Арпаду* же вспомоществовать въ случаѣ нужды, а впрочемъ въ случаѣ благополучнаго успѣха встрѣтить и поражать бѣгущихъ Гунновъ. По наставленію *Савраазарову* пѣхота была устроена по Римскому обычаю: стрѣльцы поставлены черезъ человѣка съ копьеносцами, а промежки между полковъ заняты пращницами и пращниками. Въ таковомъ устройствѣ *Вадимъ*, полагаясь на помощь боговъ, ожидалъ враговъ своего отечества.

Лишь только *лученосный* *Свѣтовидъ* началъ позлащать верьхи лѣсовъ, и кровавыми огнями предвѣщать гибель смертнымъ, опредѣленнымъ въ жертву сего роковаго дня: подзорщики принесли *Вадиму* вѣсть, что сила Гунновъ появилась. Сей дикой народъ, незнающій военнаго искусства, пріобыкшій все опровергать своимъ множествомъ и одною храбростію безъ всякихъ предосторожностей, съ великимъ воплемъ стремился къ столицѣ Славянской, чаявъ по разбитіи послѣднихъ войскъ, овладѣть оною безъ всякаго сопротивленія. Гунны удивились, нашедъ городъ въ оборонительномъ состояніи, и остановились въ ожиданіи приближенія всего вой-

войска съ Королемъ своимъ. *Танганъ* (такъ назывался Король ихъ) раздражился нечаяннымъ сопротивленіемъ Хомоградцовъ, клялся ихъ всѣхъ предать мечу, а городъ огню, и повелѣлъ въ тотъ же часъ начать всеобщій приступъ. *Вадимъ* съ одной стороны, а *Савраазаръ* съ *Бурновеемъ* съ другой, примѣчали ихъ движенія, и выводили войска, занимая выгодныя мѣста. Когда начался приступъ, пращницы дѣйствіемъ своимъ съ городскихъ разкатовъ привели въ ужасъ Гунновъ; они не могли постигнуть, откуда падаютъ великіе раздробляющіе ихъ камни, и заключили, что гнѣвъ боговъ поражаетъ ихъ оными съ неба. Однако ожесточаясь тѣмъ больше, чемъ примѣтнѣе становился уронъ ихъ, стремились къ стѣнамъ съ звѣрскою яростію. Тогда *Вадимъ*, приближившись на разстояніе удобное къ дѣйствованію пращницъ, напалъ на нихъ и обратилъ на себя всю ихъ силу. Многократно покушались они разорвать ополченія, но пращницы не допускали ихъ приближиться; камни и стрѣлы *Варяжскія* опровергали ихъ толпы, и въ густотѣ стѣсненнаго множества производили страшное пораженіе. Побѣда не могла долго колебаться, когда стылу ихъ напали *Савраазаръ* съ *Бурновеемъ*; они подвергшись съ трехъ сторонъ ужасному дѣйствію двухъ сотъ каменебросальныхъ орудій тысячамъ

 стрѣлъ,

стрѣлъ, пришли въ смятеніе, искали спасенія въ бѣгствѣ: но бывъ прижаты къ стѣнамъ городскимъ, погибали безъ обороны, и въ стѣсненіи давили сами другъ друга. *Русимъ* приспѣлъ, собравши остатки разбитыхъ войскъ; изъ города послѣдовала вылазка, и тогда началась сѣча, а не сраженіе: всякъ давилъ Гунновъ, самыя женщины, выбѣжавъ на стѣны, пускали въ нихъ стрѣлы. Но что сказать уже о дѣйствіи мечей *Вадима* и *Бурновея*! Они врубаясь въ густоту толпы, гоняли Гунновъ не инако, какъ вихрь крутитъ волны на открытомъ морѣ. Отважность *Брячиславы* нерѣдко остановляла руки *Вадимовы*; робѣющій храбрости ея любовникъ, боялся упустить ее изъ глазъ своихъ; но смерть и ужасъ предшествовали имъ. *Арпадъ*, взирающій съ высокаго холма на славный подвигъ друзей своихъ, завидовалъ тому, что находится въ недѣйствіи: но какъ искусный воинъ, обуздывалъ рвеніе жару своего и ожидалъ способнаго часа; вскорѣ представился ему случай. Гунны, прорвавшись не дѣйствіемъ оружія, но густотою толпы своей, въ разсѣяніи начали спасаться бѣгствомъ: тогда воскликнувъ побѣду, напалъ онъ на нихъ съ конницею, и только малое число спаслось отъ меча его. Прочіе, не возмогшіе вырваться Гунны, побиты были до единаго. *Вадимъ* по многимъ

гимъ стараніямъ, отворилъ мечемъ своимъ путь до самаго Короля, и рѣшительнымъ ударомъ отдѣлилъ гордую *Танганову* голову: оруженосецъ *Брячиславинъ* взоткнулъ оную на копье, и подалъ корону его *Вадиму*. Сей храбрый Князь по надписи на ней имѣвшейся узналъ, что сорвана была оная съ головы его брата. Тогда геройской духъ его, удовольствовавшійся побѣдою, уступилъ мѣсто чувствованіямъ родства; онъ забылъ о *Гардорикѣ*, хищникѣ своего престола, видѣлъ въ немъ только брата; и между тѣмъ, какъ войска его посѣкали остатки Гунновъ, онъ всюду искалъ его.

ВЕЧЕРЪ XXXV.

Заботы *Вадимовы* умножались по мѣрѣ тщетныхъ его стараній; утомленный конь не соотвѣтствовалъ его братолюбію, и онъ прибывъ подъ главное знамя принужденъ былъ остановиться. Солнце клонилось уже къ западу, когда обѣ стѣны раздѣленныхъ *Вадимовыхъ* войскъ сошлися, не имѣя больше кого посѣкать; звукъ бубновъ и трубный гласъ началъ созывать утомленныхъ побѣдителей подъ свои знамена. *Савраазаръ*, *Бурновей* съ *Озаною*, *Урманъ*, *Русимъ* и

Готф-

Готфскіе военачальники, прибыли къ *Вадиму* поздравить съ толь знаменитою побѣдою. *Русимъ* трепеталъ въ ожиданіи того, въ каковую сторону обратитъ *Вадимъ* свои успѣхи; онъ бывъ чрезмѣрно добродѣтеленъ, боялся, чтобъ властолюбіе не покрыло геройства сего Князя, стоящаго на вершинѣ своей славы. Но сколько восхищенъ былъ онъ, услышавъ изъ устъ его изшедшія достойныя вѣчной памяти слова: Къ чему сія побѣда, когда нѣтъ того, кому надлежитъ сія корона? Славянорусы освобождены вашею храбростію, но гдѣ ихъ Князь? — Онъ сказалъ сіе, и слезы появились изъ очей его. *Русимъ* не могъ вытерпѣть, чтобъ не вскричать: о герой безпримѣрный, достойный лучшей участи! . . . . Но строгой взоръ *Вадимовъ* остановилъ слова его, которыхъ многіе изъ окружающихъ *Вадима* не понимали. Между тѣмъ *Арпадъ*, поразивши бѣгущихъ Гунновъ, овладѣлъ ихъ обозомъ со всѣми корыстьми, шествовавшимъ къ войску подъ Хомоградъ, и нашелъ въ ономъ скованнаго Князя *Гардорика*; онъ освободивъ его, скрылъ отъ него то, кому одолженъ онъ таковою помощію, и послалъ увѣдомить *Вадима*, сколь щастливъ былъ онъ въ своей погонѣ. Оруженосецъ его приспѣлъ въ самое то время съ сею вѣдомостью, когда *Вадимъ* пресѣкъ слова *Русимовы*. Теперь мы совершенно побѣ-

бѣдили! вскричалъ онъ радостно, выслушавъ слова оруженосцовы; поѣдемъ храбрые ратники принять благодарность изъ устъ того, за кого мы сражались. Но не оспоривайте мнѣ честь сiю, чтобъ мои руки возложили утраченный вѣнецъ на голову Славянорусскаго Князя; ибо я сорвалъ оный съ гордаго *Тангана*.

Русимъ удостовѣрясь, сколько *Вадимъ* удаленъ былъ отъ того, чтобъ возпользоваться случаемъ, предающимъ ему въ руки брата его со всемъ государствомъ, кричалъ: о добродѣтель! одна ты достойна всѣхъ вѣнцовъ на свѣтѣ! —— И слезы радости катились каплями по бѣлой бородѣ его.

Вадимъ, не давъ время распростираться его восторгамъ, поѣхалъ на встрѣчу своему брату съ друзьями своими и военачальникомъ Готфскимъ. Дорогою просилъ онъ ихъ сокрыть объ немъ отъ *Гардорика*, и не называть его инако, какъ богатыремъ *Мечиславомъ*, подъ именемъ коего онъ ему извѣстенъ. Хотя въ нынѣшнемъ положенiи (продолжалъ онъ) могу я отъ брата моего ожидать исправленiя въ его противу меня несправедливости; но я не хочу прiобрѣсть того моею заслугою, и буду ожидать отъ времени его раскаянiя. —— Всѣ удивлялись странной его добродѣтели, и обѣщались сохранять его тайну.

При-

Приближась къ шествующему имъ на встрѣчу освобожденному Славянорусскому Князю съ *Арпадомъ*, сошли они съ коней, и *Вадимъ* подступивъ къ брату своему, возложилъ на голову его вѣнецъ Княжеской. Прими, Государь! (говорилъ онъ ему притомъ) вѣнецъ твой, сорванный мною съ гордаго *Тангана*; оный наказанъ рукою моею за свою дерзость. Враги твои истреблены, столица освобождена: шествуй Государь обрадовать твоихъ подданныхъ своимъ возвращенiемъ. *Гардорикъ* узналъ мнимаго *Мечислава*, и обнявъ его, сказалъ: и такъ храбрый и худо отплаченный мною *Мечиславъ*! вторично пришелъ ты утвердить престолъ мой, и тебѣ обязанъ я за сiю столь неожидаемую помощь? — Нѣтъ, Государь! (подхватилъ *Вадимъ*) не мнѣ одному, но всѣмъ предстоящимъ здѣсь героямъ, а болѣе всѣхъ Королю Готфскому приславшему къ вамъ почти всѣ свои войска, и не пощадившему сокровищъ для умноженiя онаго наемными Варягами. — Военачальникъ Готфской, удивленный словами *Вадимовыми*, подступилъ къ *Гардорику*, и препоручая себя въ милости его, сказалъ: хотя то правда, Всемилостивѣйшiй Государь, что Король Готфской, мой Монархъ, всегда хранитъ къ вамъ дружескiя разположенiя; но за сiю помощь обязаны вы единственно велико-

ликодушному *Мечиславу*; ибо онъ испросилъ оную вмѣсто другихъ отплатъ, коими обязано было ему мое отечество за услуги въ войнѣ противу Кодановъ. — Какъ бы то ни было (отвѣчалъ *Гардорикъ*), но я умѣю чувствовать и то и другое, и постараюсь по силамъ моимъ отплатить моимъ благодѣтелямъ. . . . И вы здѣсь Свѣтлѣйшій Царь? (продолжалъ онъ, узнавъ и обнявъ *Савраазара*, которой былъ у него за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ) не взирая на вашу старость, пришли вы на помощь мнѣ? Но я вамъ только въ состояніи буду отплатить тѣмъ же. Послѣ сего благодарилъ *Бурновея*, которой былъ ему знакомъ. Что надлежитъ до васъ (говорилъ онъ, обратясь къ *Арпаду*) неизвѣстный мой освободитель: вы имѣете равное и еще множайшее право на мое признаніе. Вы можете требовать всего, что въ моей возможности находится; но къ умноженію вашихъ одолженій не скройте отъ меня вашего имени. *Арпадъ* оговорился предъ нимъ, что при способнѣйшемъ случаѣ удовольствуетъ его; хотя впрочемъ почитаетъ себя достаточно награжденнымъ тѣмъ щастливымъ успѣхомъ, которымъ былъ полезенъ Его Величеству. Что надлежитъ до *Бряциславы* и *Озаны*, объ оныхъ сказано было *Гардорику*, что оныя составляютъ

су-

супругъ *Мечислава* и *Бурновея*; которой удивляясь ихъ мужественной неустрашимости, оказалъ имъ великое почтеніе.

Князь *Гардорикъ* возобновлялъ благодареніе къ богамъ и къ своимъ избавителямъ, проѣзжая пространство мѣста до Хомограда, которое все покрыто кучами пораженныхъ Гунновъ. Народъ встрѣтилъ его съ радостными восклицаніями; Князь, въ препровожденіи всѣхъ героевъ и Вельможь, прибылъ во Дворецъ свой. Вопервыхъ отдалъ онъ повелѣніе къ пріуготовленію наутрѣе великаго жертвоприношенія въ благодарность богамъ. По томъ обратясь къ своимъ избавителямъ, просилъ ихъ открыть ему, чемъ можетъ онъ заплатить столь важное ихъ къ нему одолженіе. —— Не время теперь, Государь (сказалъ ему *Вадимъ*) помышлять намъ о самихъ насъ, когда пользы отечества вашего требуютъ, возпользовавшись пріобрѣтенною побѣдою, истребить корень зла, отъ коего можетъ впредь вредъ происходить. Гунны, устрашенные и обезсиленные нынѣшнимъ пораженіемъ, не могутъ сопротивляться; я оставляю на волю прочимъ рыцарямъ, слѣдовать ли за мною, или нѣтъ: но что надлежитъ до меня, я пользуясь довѣренностію Готфскаго Короля, поведу его войско, овладѣю Гунигардомъ, и истреблю Гунновъ, или прогоню ихъ изъ вашего сосѣдства. *Гар-*

Гардорикъ не могъ инымъ доказать своего признанія храброму *Вадиму*, кромѣ дружескаго объятія. Проси у меня, великодушный герой, чего хочешь (сказалъ ему Князь, братъ его); естьли то будетъ до половины государства моего, не отрекусь я того вручить тебѣ за твои одолженія — Жертва сія велика (отвѣчалъ *Вадимъ*); я въ жизни моей имѣлъ случай получать короны, но не хотѣлъ оныхъ никогда пріобрѣсть во вредъ другимъ. Отплата мнѣ будетъ состоять лишь въ томъ, когда я могу снискать милость Вашего Величества, и надежное убѣжище подъ вашимъ покровительствомъ на остатокъ дней моихъ. Но я не могу далѣе медлить: войско меня ожидаетъ. Я вручаю великодушію твоему, Государь, драгоцѣннѣйшій залогъ на свѣтѣ. Позвольте супругѣ моей остаться во Дворцѣ Вашего Величества, пока судьба благословитъ успѣхи моего намѣренія, и удостойте ее вашего защищенія. Не требуйте знать, откуда я; довольно того, что могу я увѣрить васъ, что какъ я, такъ и супруга моя можетъ спорить въ природѣ нашей съ знатнѣйшими Монархами. Впрочемъ это составляетъ таковую тайну, которую я обязанъ хранить подъ великими клятвами. — *Гардорикъ* обѣщалъ все; онъ приводилъ во свидѣтельство бога мсти-

теля, что онъ не инако будетъ содержать *Брячиславу*, какъ собственную дочь свою. *Бурновей* не хотѣлъ отстать отъ своего друга; а *Озана* согласилась остаться съ своимъ. *Савраазаръ* убѣжденъ былъ *Гардорикомъ* дождаться во Дворцѣ его возвращенія изъ походу мнимаго *Мечислава*. Что касалось до *Арпада*, оный упрошенъ былъ *Вадимомъ* слѣдовать съ нимъ на Гунновъ; онъ уговорилъ его отложить свое странствованіе для сысканія *Предславы*, представивъ ему, что оная легче всего можетъ находиться въ плѣнѣ у Гунновъ, нежели у такого народа, которой, проходя отъ Китая, всюду бралъ невольниковъ. Находилось затрудненіе уговорить *Брячиславу* разстаться съ своимъ возлюбленнымъ, однакожъ представленія *Вадимовы* убѣдили ее къ тому. *Урманъ* также остался въ Хомградѣ; онъ, равно и всѣ извѣстныя о судьбѣ *Вадимовой*, обязаны имъ были хранить оную въ глубокомъ таинствѣ. Послѣ сего *Вадимъ* отправился къ войску: онъ прощаясь съ *Гардорикомъ*, совѣтовалъ ему, чтобъ собравъ войска, отправилъ онъ *Русима* для занятія городовъ, побранныхъ Гуннами въ то время, когда нападеніе его на Гунигардъ привлечетъ туда всѣ ихъ силы. Онъ прибылъ къ войску. Корысти, полученныя отъ Гунновъ, со всемъ ихъ обозомъ отдалъ

далъ онъ въ раздѣлъ Готфскимъ и Варяжскимъ воинамъ; чемъ еще болѣе пріобрѣлъ ихъ любовь къ себѣ. Онъ поспѣшая на пораженіе непріятелей, оставилъ нѣсколькихъ чиновниковъ съ довольнымъ числомъ воиновъ въ шатрахъ на полѣ предъ Хомоградомъ, для сбереженія корыстей, до возвращенія тѣхъ, кому оныя достались; ибо не позволилъ взять съ собою могущаго обременить войско въ поспѣшномъ походѣ. Учредивъ сіе, отправился онъ прямо къ Гунигарду.

Гардорикъ чрезъ нарочно отправленныхъ облегчилъ своими распоряженіями путь его: войско всюду находило готовые припасы для людей и скотовъ находящихся подъ конницею и пращницами. Но чтобъ сказать короче, *Вадимъ* не находилъ нигдѣ сопротивленія: Гунны были имъ всюду поражаемы, и онъ подобно жестокому наводненію распростиралъ предъ собою славу и ужасъ къ имени своему. Гунигардъ взятъ безъ обороны, и остатки Гунновъ нашли спасеніе свое въ бѣгствѣ; они съ женами и дѣтьми ушли за рѣку Дунай, и присоединились къ первымъ выходцамъ своего народу. *Русимъ* съ своей стороны возвратилъ безъ дальняго кровопролитія всѣ взятые ими города Славянорусскіе. Онъ, какъ вѣрной сынъ отечества, мудрыми и рев-

ностными распоряженіями поправилъ разоренное, и привелъ въ таковое состояніе жителей, что вскорѣ забыто было бѣдствіе, претерпѣнное отъ Гунновъ. *Вадимъ* призвалъ отъ него потребное число войска для засады въ Гунигардъ, и обезпечивъ оный во владѣніи *Гардориковомъ*, послалъ къ нему ключи отъ сего города и извѣстіе о щастливомъ успѣхѣ его оружія.

Между тѣмъ, какъ онъ возвращался съ войскомъ и готовились ему многія радостныя приключенія, обратимся на малое время ко Двору Княжескому въ Хомоградъ. *Гардорикъ*, приведенный въ себя нещастіемъ, раскаялся совершенно въ несправедливомъ поступкѣ противу братьевъ своихъ. Совѣсть его безпрестанно мучила, что онъ былъ причиною ихъ смерти. Ослѣпленный имъ Гунигардъ скончался въ самое то время, когда началась бѣдственная война съ Гуннами; а *Вадима* давно уже почиталъ онъ умершимъ. Не могъ онъ не признавать надъ собою казни разгнѣванныхъ Небесъ; онъ видѣлъ, что властолюбіе, его ослѣпившее, влекло тогдажь и мщеніе боговъ, поразившихъ его неплодіемъ. При всѣхъ его попеченіяхъ къ поправленію разоренныхъ войною городовъ и подданныхъ, видима была на лицѣ его скрытная печаль. Между тѣмъ хотя внутренно сокрушался, не упустилъ од-

однако ничего могущаго *Брячиславѣ* и другимъ знатнымъ особамъ учинить времени провожденіе во дворцѣ его пріятнымъ; онъ учреждалъ торжества, веселости, и оказывалъ *Брячиславѣ* со всѣми своими подданными Царскую честь. Воины Готфскіе, оставшіеся въ шатрахъ предъ его столицею, угощаемы были ежедневно въ изобиліи. *Славразаръ* учинился лучшимъ его другомъ, и въ его токмо бесѣдѣ находилъ онъ отраду въ своей сокровенной скорби. *Урманъ*, награжденный всею его щедростію, дѣлилъ съ нимъ многіе часы. *Гардорикъ* вѣдая, что онъ принесъ ему плачевную вѣсть о кончинѣ *Вадимовой*, почасту призывалъ его во внутренніе чертоги, и запираясь съ нимъ выспрашивалъ о подробностяхъ, касающихся до жизни и обстоятельствѣ смерти нещастнаго своего брата. *Урманъ* не смѣя измѣнить тайнѣ *Вадимовой*, довольствовалъ его разсказываніемъ выдуманной имъ на сей случай басни. Онъ старался жалостнѣйшими чертами изображать ему бѣдную жизнь его и кончину; но сколько разъ рыданія *Гардориковы*, пресѣкающія его повѣствованіе, готовы были исторгнуть изъ души его хранимую имъ тайну! Однако онъ не могъ нарушить клятвъ, данныхъ въ томъ *Вадиму*. Никто не зналъ о причинѣ печальной задумчивости Славянорусскаго Князя;

Урманъ открывался лишь одной *Брячиславѣ*, предвѣщая щастливое слѣдствіе отъ таковыхъ обстоятельствъ.

Естьли шествующій увѣнчанный лаврами *Вадимъ* посреди своего щастія имѣлъ причину къ огорченію, была то печаль друга его *Арпада*. Въ числѣ множества освобожденныхъ изъ плѣну отъ Гунновъ не нашлось того, чего искалъ онъ. Уже приближалися они къ границамъ, раздѣляющимъ новопріобрѣтенную страну отъ древней Славяноруссіи, какъ услышали о славной въ томъ мѣстѣ обитающей предсказательницѣ. Любопытство понудило *Арпада* посѣтить оную, въ чемъ и *Вадимъ* съ *Бурновеемъ* ему сотовариществовали. Проводникъ взятой ими, провождалъ ихъ чрезъ густой лѣсъ до горы, въ которой находилось ея жилище. Проѣзжая онымъ лѣсомъ, увидѣли они воина въ полномъ вооруженіи, лежащаго въ сторонѣ подъ сѣнію древесною, и близъ его ходящаго коня. Приближась къ оному, нашли его спящаго; но сколько обрадованы были *Вадимъ* и *Бурновей*, узнавъ въ немъ *Семіра*! Они сходили съ коней своихъ, чтобъ разбудить и обнять его; но топотъ всадниковъ, приближающихся по слѣдамъ ихъ, принудилъ ихъ оглянуться. Одинъ изъ сихъ казался быть богатыремъ, а другой оруженосцемъ его. Незнакомые оные подъ-

подъѣхавъ, съ вѣжливостію привѣтствовали *Вадима* и друзей его. Но сколь пріятное произошло позорище, когда незнакомой богатырь увидѣлъ въ самое то время проснувшагося *Семіра*! Они вскричавъ: какая неожидаемая встрѣча! бросились другъ къ другу, и заключились въ объятіяхъ. Изъ произносимыхъ ими именъ, *Семіра* и *Арены*, *Вадимъ* и *Бурновей* узнали, что незнакомые были не иные, какъ Княжна Обрская, и вѣрной ея *Ноанъ*; въ чемъ и не ошиблись. Восторгъ сихъ любящихся помѣшалъ *Семіру* узнать друзей своихъ, но вскорѣ обратился онъ къ нимъ съ распростертыми руками, крича: какой щастливой день! и вы здѣсь возлюбленные друзья мои! и въ самой тотъ часъ, когда Небо соединило меня съ возлюбленною моею *Ареною*! По многихъ взаимныхъ привѣтствіяхъ *Вадимъ* и друзья его желали узнать, что приключилось съ *Семіромъ* съ тѣхъ поръ, какъ остался онъ въ Славянорусскомъ войскѣ отъ ранъ своихъ. Но восторги сего страстнаго любовника, занимающагося разговорами съ своею *Ареною*, препятствовали тому: они не могли отъ него больше добиться, кромѣ того, что отвѣтъ, полученный имъ въ Бужанскомъ боговѣщалищѣ, ведетъ его къ предсказательницѣ, живущей въ семъ мѣстѣ. Какъ! въ Бужанскомъ боговѣщалищѣ получили вы

 по-

повелѣніе ѣхать сюда? сказала *Арена*; должно быть чему ни есть чрезъестественному, когда и я оттуда же полученнымъ отвѣтомъ посланъ въ сіе мѣсто. *Семіръ* замѣтилъ слова своей любовницы, произнесенныя ею отъ лица мущины, но не уважалъ сего, приписывая то привычкѣ происходящей отъ ея переодѣянія. — Чтобъ постигнуть намъ (сказалъ *Вадимъ*) сіе предопредѣленіе судьбы, поспѣшимъ къ предсказательницѣ; ибо и мы всѣ туда же ѣдемъ. Послѣ сего сѣли они на коней, и прибыли къ горѣ, въ которой находилась пещера ея.

Мѣсто сіе видомъ своимъ внушало во всѣхъ приходящихъ нѣкоторый священный трепетъ. Безмѣрной вышины горный утесъ поддерживался двумя каменными самою природою произведенными столпами, и составлялъ какъ бы сводъ, служащій вратами въ пещеру. Древеса дубовъ, произросшихъ еще въ началѣ міра, окружали оную съ обѣихъ сторонъ, и сплетеніемъ вѣтьвей своихъ составляли тѣнь непроницаемую лучами солнца. Прибывшіе къ предсказательницѣ сошли съ коней своихъ, и проходя около пятидесяти саженъ подземнымъ сводомъ, при помощи слабаго свѣта, входящаго въ разсѣлины горы, достигли воротъ, сдѣланныхъ изъ крѣпкаго дерева и запертыхъ

внутри. На стукъ въ оныя показался сидѣвшій въ побочномъ отноркѣ старикъ, коего сѣдая борода почти до колѣнъ достигала. Привратникъ сей, узнавъ желаніе ихъ видѣть предсказательницу, скрылся опять въ свою нору, и чрезъ нѣсколько минутъ увидѣли его отворяющаго ворота. Онъ повелъ ихъ въ темнотѣ по искривленнымъ переходамъ. Пріемъ сего рода много походилъ на фиглярство, употребляемое обманщиками, и невеликое одобреніе подавалъ предсказательницѣ. Напослѣдокъ отворилъ онъ двери, и впустилъ ихъ въ нѣкоторый подземный пространный покой, освѣщаемый горящимъ на жертвенникѣ огнемъ. Предъ онымъ стояла, спершись на свой жезлъ, глубокихъ лѣтъ женщина въ черномъ одѣяніи, но величественнаго вида. Длинные ея, и какъ снѣгъ бѣлые волосы, распущенные по плечамъ ея, и вѣнецъ изъ дубовыхъ вѣтьвей на головѣ, придавили ей видъ, внушающій почтеніе. Любопытство, или желаніе разрѣшить судьбу свою, приводитъ васъ сюда? спросила она важнымъ голосомъ. —— И то, и другое, отвѣчалъ *Вадимъ*; я желалъ только отдать мое почтеніе: однако есть здѣсь особы, желающія предузнать свою участь изъ устъ твоихъ, великая наперсница боговъ! —— Никто не можетъ узнать отъ меня ничего (сказала она), пока чи-

 сто-

стосердечно не откроетъ мнѣ подлиннаго имени своего, природы и причины вопроса. — Я нещастный любовникъ! сказалъ *Арпадъ* подступивъ къ ней. — Это составляетъ послѣднее (говорила предсказательница усмѣхнувшись, и взявъ доску изъ чернаго камня и палочку нѣкую); однако объяснимся (продолжала она записавъ); ну! нещастной любовникъ . . . . А ваше имя? — *Арпадъ*. — Какой природы? — Сынъ нещастнаго Князя Дакскаго, *Декевала*. — Довольно сего! сказала она съ чувствительными знаками радости, оказавшейся на лицѣ ея; я знаю ваши мысли, и чтобъ увѣрить васъ въ моемъ знаніи, открою оныя, когда вы мнѣ на то позволите. — Съ превеликою охотою, отвѣчалъ изумленный сею дерзостію *Арпадъ*, которой не вѣрилъ всѣмъ ворожеямъ на свѣтѣ. — Вы влюблены (говорила она) въ прекрасную *Предславу*, Княжну Болгарскую. Оная похищена у васъ злодѣйскимъ образомъ, и узнать объ ней желая, пришли въ сіе мѣсто.

Вадимъ и *Бурновей*, удивленные сими словами, хотѣли пожать руку *Арпадову*, въ знакъ удовольствія; но увидѣли его уже стоящаго на колѣняхъ предъ угадчицею, и кричащаго: о ты, которой Небеса позволили проникать въ тайны смертныхъ! удовольствуй страждущее сердце мое: скажи,

гдѣ

гдѣ могу я найти мою возлюбленную *Предславу*? —— Встань Князь! не отдавай твари почтенія, надлежащаго единому Божеству (сказала она); вѣрная и чистосердечная любовь всегда покровительствуется Небесами. Ты, прежде нежели воображаешь, увидишь Княжну свою. —— *Арпадъ* желалъ подробнѣе узнать, гдѣ и какъ то случится; но предсказательница принудила его взять терпѣніе, и дать свободу другимъ вопрошателямъ.

Мѣсто его заняла *Арена*. Въ присутствіи вашемъ, великомочная волшебница, или кто вы есть (сказала она) не могу я далѣе сохранять мою тайну, хотя впрочемъ не знаю, кто я въ самомъ дѣлѣ. А вы (продолжала она, обратясь къ *Семіру*) оставьте чувствованія нѣжности любовной, и перемѣните ихъ въ дружество, когда полъ мой не позволяетъ мнѣ быть вашею любовницею. —— *Семіръ* поблѣднѣлъ, услышавъ сіе; онъ не могъ произнести ни слова, не вѣрилъ слышанному, разсматривалъ лице своей любовницы, и съ ужасомъ примѣтивъ пробивающуюся бороду, чего не видалъ въ своемъ восхищеніи, остановился какъ пораженный жестокимъ ударомъ. Между тѣмъ новой мущина продолжалъ: Я называюсь *Ареною*, но собственнаго имени не вѣдаю; меня считаютъ дочерью Князя Обрскаго: хо-

тя я мущина, и увѣренъ. что отъ иныхъ родителей получилъ дни мои. Отъ васъ, божественная жена, могу узнать я имена тѣхъ, кои произвели на свѣтъ меня. — Но какимъ образомъ (подхватила предсказательница, перемѣнясь въ лицѣ своемъ) достался ты Князю Обрскому? — И въ томъ не могу ни малаго подать вамъ свѣденія, отвѣчалъ онъ — Судьба твоя не такъ маловажна (сказала она), чтобъ безъ нѣкоторыхъ таинственныхъ приуготовленій можно было разрѣшить оную. — *Арданъ*! вскричала она, всплеснувъ руками. На голосъ ея пришелъ престарѣлый привратникъ. Какъ! *Арданъ*? (сказала бывшая *Арена*) не мужъ ли моей мамки? — Но предсказательница, не отвѣчая ему, говорила къ привратнику: изведи сего господина предъ таинственное зеркало, и испытай судьбу его. Привратникъ поклонясь, взялъ за руку бывшую *Арену*, и оная повинуясь, вышла съ нимъ въ другія маленькія двери.

Имѣете ли вы надобность вопросить меня? сказала предсказательница къ *Семіру*, стараясь сокрыть являющееся на лицѣ ея безпокойство. — Я не знаю, что мнѣ сказать тебѣ, госпожа волшебница! отвѣчалъ онъ: храмъ твой . . . . которому желаю я провалиться сквозь землю! . . . лишилъ меня всей надежды. Я не требую отъ тебя

бя ничего. Но естьли можешь, преврати меня въ женщину, такъ какъ учинила ты любовницу мою мущиною, чтобъ могъ я съ нею соединиться. — Хотя всѣмъ слышавшимъ сіе извѣстна была жестокость любовной страсти, однако едва могли они удержаться отъ смѣху. Самая престарѣлая предсказательница со всею своею важностію улыбнулась; но вскорѣ принявъ строгой видъ говорила: гнѣвъ твой несправедливъ, молодой человѣкъ! не отъ меня произошло то, въ чемъ ты меня обвиняешь. . . . Однако, можетъ быть, найдешь какое нибудь облегченіе въ твоей душевной болѣзни, естьли откроешся чистосердечно. . . . . Ахъ, могущая жена! отвѣчалъ *Семіръ* вздохнувъ: чистосердечіе было всегда моимъ правиломъ; но не много могу я удовольствовать любопытство твое. Я называюсь *Семіръ*. — Какъ! *Семіръ*? подхватила она, въ лицѣ перемѣняясь. — Такъ точно (продолжалъ онъ): меня считаютъ сыномъ Короля Козарскаго, хотя настоящія родители мои никому не извѣстны. — Продолжай, окончи стѣсненіе души моей (говорила она трепеща.) Не знаешь ли, какимъ образомъ достался ты Королю Козарскому? — Во младенчествѣ моемъ купленъ я у морскихъ разбойниковъ, и знаю лишь то, что я близнецъ съ братомъ моимъ *Нурединомъ*. —

Небо!

Небо! что слышу я . . . . вскричала она и упала на свой стулъ, лишась употребленія словъ. Предстоящія въ изумленіи, не постигая причины сему произшествію, спѣшили къ ней на помощь. Между тѣмъ вбѣжавшій *Арданъ* восклицаніемъ своимъ привелъ ее въ себя. О *Сараффа*! какое открытіе! это сынъ твой. — Какъ! вскричали всѣ, *Сараффа*, Царица Колхиды! между тѣмъ потокъ радостныхъ слезъ, проліявшійся изъ очей предсказательницы, умягчилъ ея сердце; она упавъ предъ жертвенникомъ, возсылала на небеса теплыя молитвы, благодаренія. По томъ возставъ сказала: о часъ благополучный! . . . такъ, храбрые воины! я *Сараффа*, супруга нещастнаго *Савраазара*. . . А вы (продолжала она, бросясь къ *Семіру*, и мнимой *Арснѣ*, и обнимая ихъ попеременно), любезныя дѣти мои! плодъ единоутробный, посланный съ небесъ къ порадованію моей старости.

Всѣ предстоящіе зритѣли столь трогающаго позорища не могли отъ слезъ удержаться. Дѣти *Сараффины*, не зная еще достовѣрнаго о судьбѣ своей, не могли сомнѣваться въ истиннѣ словъ ея; ибо сила родства влекла ихъ къ ней: они лобзали руки ея, и долго не слышно было, опричь восклицаній: любезныя дѣти! родительница! ахъ! вы намъ дали жизнь! По прошествіи пер-

первыхЪ восторговЪ Царица Колхидская сказала: хотя чувствованія сердца обманывать не могутЪ, но чтобЪ лучше удостовѣриться вЪ истиннѢ обрѣтенія моего, любезныя дѣти мои, обнажите правое ваше плечо: на оныхЪ имѣются несомнѣнные знаки сей истинны. Во младенчествѣ вашемЪ нѣкоторыя предчувствованія плачевной моей сЪ вами разлуки, побудили меня изобразить на вашемЪ раменѣ начальную букву именЪ вашихЪ. Не успѣла она произнесть словЪ сихЪ, какЪ всѣ бросились, и помогали имЪ снять одежду. Все было такЪ: на плечѣ *СеміровомЪ* найдена буква *С.* равно какЪ и у *Нуредина Н*, Восторги, обниманія, и слезы веселія возобновились. Близнецы заключили себя вЪ обЪятіяхЪ, и тысячекратно цалуя другЪ друга, говорили попеременно: сіе-то было основаніе взаимной нашей склонности! — АхЪ, любезной братЪ! (продолжалЪ *СемірЪ*) не знаю я определить, что болѣе поразило сердце мое, отчаяніе ли утратить любовницу составлявшую все мое щастіе и всѣ заботы жизни моей, или радость премѣнить оную вЪ дражайшаго брата. *НурединЪ* вмѣсто отвѣта лобызалЪ его; а *Сраффа* разсказала имЪ, отЪ какой происходятЪ они крови, и всѣ обстоятельства жизни своей, какЪ-то объявлено уже было вЪ повѣсти Царя Колхидскаго. Она приступала кЪ разсказы-

зыванію случившагося со времени овладѣнія царства ихъ Иверцами, какъ *Арпадъ*, считающій себя весьма обязаннымъ ею за доброе предсказаніе, вспомнилъ, что недостаетъ еще одного къ довершенію радости. Великая Царица Колхидская! сказалъ онъ: я всегда старался отплачивать оказываемыя мнѣ благодѣянія: и для того за ваше предсказаніе о возлюбленной мнѣ *Предславѣ*, обрадую васъ равномѣрно. Супругъ вашъ *Савраазаръ* здравствуетъ! — Ахъ! мы забыли! вскричали *Вадимъ* и *Бурновей*; но *Арпадъ* перебилъ слова ихъ, сказавъ: когда вы забыли, такъ не отнимайте у меня честь сей радостиой вѣсти. Сей продолжалъ обратясь къ *Сараффѣ*: онъ находится теперь въ Хомоградѣ, столицѣ великаго Князя Славянорусскаго, въ ожиданіи нашего возвращенія. О вѣстникъ свѣтлый!... О довершитель моей радости! (вскричала престарѣлая Царица, поцаловавъ въ чело *Арпада*). Таковое извѣстіе достойно полной отплаты. Пойдемъ, любезной Князь (продолжала она, взявъ его за руку, и обратившись къ *Вадиму* и *Бурновею*) пойдемъ, почтенные воины... восхищенія и радости мои удержали меня въ томъ мѣстѣ, которое изобрѣтено для простолюдиновъ, по необходимости прошедшей моей нещастной участи: я могу принять и угостить васъ нѣсколько

луч-

лучше. После того отворила она потайную дверь, и по ступнямъ, изсѣченнымъ въ горѣ, взвела ихъ въ освѣщенные дневными лучами покои, находившіеся въ высотѣ утеса горнаго, хитрымъ художествомъ изсѣченныя. Прошедъ рядъ довольно убранныхъ, хотя по древнему вкусу, чертоговъ, вошли они въ ея спальню. Но что послѣдовало съ *Арпадомъ*, когда увидѣли они сидящую на постелѣ прекрасную дѣвицу! Онъ вскричалъ: ахъ, *Предслава*! любезная моя. . . . Бросился къ ногамъ ея, обнялъ ея колѣни и лишился чувствъ. Сама дѣвица сія не могла произнесть, кромѣ безсловеснаго восклицанія, и обморокъ, простершій ее на постелѣ, остановилъ оное въ прелестныхъ устахъ ея.

ВЕЧЕРЪ XXXVI.

Всѣ бросились на помощь къ нимъ, и не имѣли труда привести въ себя чету обрадованныхъ любовниковъ. Они наговорили всего того, что только могутъ внушать сердца, воспламененныя взаимно истинною любовію, по столь долгой разлукѣ и во время нечаяннаго свиданія. Они дѣлали другъ другу тысячу вопросовъ, прерываемыхъ лоба-

занїями; удостовѣрялись, не спятъ ли они, и истинно ли то, что судьба ихъ соединила; они не слыхали ничего, не видали, кромѣ однихъ себя. Между тѣмъ *Сараффа*, повелѣвъ *Ардолану* прїуготовить прохлажденїя, и давъ свободу любовникамъ глядѣть другъ на друга, сколько имъ угодно, приступила къ продолженїю своего повѣствованїя.

Приключенїе Сараффы.

Когда угодно было Небесамъ наказать мое отечество нашествїемъ Иверцовъ, и когда въ отсутствїе моего супруга въ Козары учинилась я съ сынами моими плѣнницею непрїятелей: могу ли я описать вамъ горести, тогда мною ощущаемыя! Лишиться царства, разлучиться съ супругомъ и отечествомъ, съ высоты престола повергнуться во узы рабства, есть бѣдствїе довольно ужасное и достаточное лишить жизни. Но Всевышнему угодно было сохранить дни мои подъ тягостїю всего таковаго бремени, и поразить меня еще жесточайшимъ спытомъ искушенїя моей на него надежды. Властолюбивый Царь Иверской, чтобъ утвердить право свое на прїобрѣтенное насильствомъ наше царство, повелѣлъ было предать меня смерти съ дѣтьми моими; однако остатки совѣсти и варварскаго чувствованїя къ

род-

родству (ибо онъ былъ единокровный супругу моему *Савраазару*) понудили его перемѣнить намѣреніе сіе въ другое и жесточайшее самой смерти. Онъ повелѣлъ продать насъ при берегахъ Чернаго моря разбойникамъ, съ таковымъ немилосердымъ распоряженіемъ, чтобъ я разлучена была съ дѣтьми моими, и скрыто было достоинство нашей природы. Насъ привезли тайно къ морю, и я отдана безденежно въ одни руки; ибо за старостію моею никто купить меня не хотѣлъ: а дѣти мои проданы за малую цѣну другому морскому разбойнику. Едва я слезами моими могла испросить позволеніе убѣдить купившаго дѣтей моихъ къ *тому*, чтобъ онъ при продажѣ оныхъ изъ человѣколюбія упросилъ того новаго господина, коему судьба опредѣлитъ ихъ въ неволю, затвердить дѣтямъ моимъ имена ихъ, и что *Семіръ* имѣетъ сего брата своего близнеца, *Нурєдина*. Разбойникъ, тронутый горестію моею, далъ мнѣ въ томъ клятвенное обѣщаніе, которое и сохранилъ свято, какъ-то узнала я нынѣ обрѣтши любезныхъ дѣтей моихъ. Онъ поплылъ съ ними къ проливу Фракійскому, а мой господинъ поплылъ къ Таврикіи, и повезъ меня почти безчувственну отъ великаго отчаянія. Съ того времени не имѣла я, кромѣ малаго извѣстія, о дѣтяхъ моихъ. Возставшая

шая буря разбила корабль нашъ, и я опомнилась лежащая на пустомъ берегу. Собравшись съ силами, укрѣпила я себя снѣдію нѣкоторыхъ травъ, и положившись на власть Небесъ, пошла чрезъ пустыню, не вѣдая сама, куда надлежалъ путь мой. Намѣреніе мое было шествовать въ Козары къ внуку моему, Королю *Абрадату*; ибо тамъ ожидала я найти моего супруга: но судьба воспрепятствовала и въ семъ намѣреніи моемъ. Бродя нѣсколько дней въ пустынѣ и истощевая отъ голода, попалась я въ руки разбойникамъ. Горестное мое положеніе не представляло мнѣ участь мою столько страшною, какова оная быть могла. Разбойники посадивъ меня на лошадь, привезли по долгимъ странствованіямъ въ сію пещеру. Намѣреніе ихъ состояло учинить меня своею поварихою; ибо лѣта мои защищали меня отъ неистовствъ сихъ злодѣевъ. Они не могли опредѣлить сей должности на меня до прибытія ихъ атамана. Былъ то славный *Худоярь*; онъ отправлялъ службу свою при Дворѣ Славянорусскаго Князя, но въ самомъ дѣлѣ былъ разбойникъ, и находя способности отлучаться, посѣщалъ своихъ подчиненныхъ, и распоряжалъ дѣла касающіяся до грабежей. Онъ во многихъ мѣстахъ имѣлъ свои шайки; и какъ разбои его производились въ мѣстахъ отдаленныхъ, то не было ни малѣйшаго подо-

дозрѣнія, что были вертепы разбойничьи тамъ, гдѣ оные находились. *Худояръ*, прибывъ въ сію пещеру (о которой сказывали мнѣ, что оная со всѣми жилищами, какъ вы видите, найдена ими готовая и опустѣвшая изъ давныхъ лѣтъ), спрашивалъ у меня, какого роду я человѣкъ; но я не сочла за нужное открыть объ себѣ таковому человѣку, которой могъ бы за хорошую цѣну продать меня врагу моему, Царю Иверскому. Я назвалась бѣдною вдовою изъ Колхиды, которой мужъ и дѣти погибли въ послѣднюю войну; и что находяся въ плѣну, продана Иверцами морскому разбойнику, котораго корабль потонулъ близъ того мѣста, гдѣ нашли меня его подчиненные. *Худоярь* доволенъ былъ моею баснею, и сказалъ мнѣ: ты очень щастлива, старушка, что попалась къ намъ. Здѣсь ты проживешь безъ всякаго недостатку, и смотря по твоей вѣрности, можешь быть щедро награждена, когда похочешь оставить сію пещеру. Я радъ, что нашелъ таковую безродную, какова ты; и думаю, что ты не поскучишь обитать съ нами. Онъ не позволилъ опредѣлить меня въ тягостную должность повара, но ввѣрилъ мнѣ надзираніе надъ домоводствомъ и съ ѣстными припасами. Таковымъ образомъ учинилась Царица колхидская Ключницею разбойничьею! Не вѣдая тогда, въ которой части свѣта я нахожусь, ибо разбойники тщательно

то отъ меня скрывали, рѣшилась я вѣрностію моею пріобрѣсти благосклонность моихъ повелителей, уповая чрезъ то испросить у нихъ наконецъ о доставленіи меня въ столицу Козарскую. Въ семъ состояніи прожила я у нихъ нѣсколько лѣтъ, и услужливостію моею пріобрѣла отъ нихъ всеобщее почтеніе; они всѣ не называли меня инако, какъ матушкою. Хотя чинъ разбойничей матушки, не больше былъ лестенъ, какъ и ключницы, однако почтеніе ихъ обѣщало мнѣ хорошія послѣдствія. Со всемъ покоемъ, которымъ наслаждалась я въ сей пещерѣ, естьли только можно имѣть покой въ вертепѣ разбойничьемъ, многократно помышляла я спастись бѣгствомъ; но слабость силъ въ разсужденіи лѣтъ моихъ полагала непреоборимую въ томъ препону. Не рѣдко также покушалась я совѣтами моими отвлечь ихъ отъ беззаконнаго рода ихъ жизни. Иногда умягчались изъ нихъ нѣкоторые, но безъ всякой пользы: привычка къ распутной и праздной жизни учинила имъ оную весьма прелестною.

Какъ нещастная судьба моя составляла изъ меня игралище своего непостоянства, дошла очередь получить мнѣ новой чинъ: я учинилась предсказательницею по неожидаемому случаю. Одинъ своевольный изъ разбойниковъ нѣкогда вывелъ меня изъ пер-

пе-

пѣнія своими неблагопристойными шутками. Я столько разсердилась, что проклиная его, сказала безъ размышленія: не думай, чтобъ дерзость твоя осталась ненаказанною: ты погибнешь при первомъ выѣздѣ. Случай учинилъ, что его въ самомъ дѣлѣ убили, когда послѣ того поѣхали они на разбой. Какъ означенныя угрозы мои слышали многіе, то слѣдствіе внушило въ нихъ твердое понятіе объ моемъ предвѣденіи. Почтеніе ихъ ко мнѣ умножилось, и они не преставали вопрошать у меня всегда, щастливо, или опасно можетъ быть ихъ какое нибудь предпріятіе. Нѣкоторыя событія невольныхъ моихъ предсказаній утвердили ихъ суевѣріе. Много разъ отвращала я ихъ отъ выѣздовъ на разбой.

Посѣтившій насъ *Худояръ* увѣдомилъ о своемъ отъѣздѣ при Послѣ въ Обры. Онъ извѣстенъ былъ, въ каковомъ уваженіи состою я у разбойниковъ: и для того наединѣ поручилъ мнѣ стараться удерживать ихъ хитростями въ повиновеніи, и чтобъ не ушли они, разграбивъ сокровища, коихъ было безчисленно. Онъ обѣщалъ мнѣ за то по возвращеніи дать свободу и великое награжденіе. Отъѣзжая созвалъ онъ всѣхъ своихъ плутовъ, и поручилъ ихъ вообще съ пещерою въ точное мое подначальство. По долгомъ отсутствіи *Худояръ* возвратился, и раз-

разсказалъ мнѣ, что бѣдственная страсть его къ Княжнѣ Обрской подвергла было его смерти, отъ которой онъ избавясь, принужденъ оставить службу Великаго Князя. Онъ благодарилъ меня, нашедъ все въ добромъ порядкѣ; но отказалъ въ прозьбѣ освобожденія моего, убѣдивъ обождать нѣсколько. Судьба влагаетъ мнѣ мысль, говорилъ онъ, которая можетъ меня возвысить до престола. Тогда и твои услуги награждены будутъ лучше. Я вывѣдала у него о намѣреніи бунтовать противу своего Государя, и почитая то великимъ беззаконіемъ, старалась отвратить его. Я употребляла къ тому и видъ предсказательницы, угрожая неблагополучными слѣдствіями его намѣренія; что почти всегда предсказать можно бунтовщику, вооружающемуся на свое отечество. Однако *Худояръ* былъ человѣкъ не имѣющій никакой вѣры; онъ съ усмѣшкою отвѣчалъ мнѣ на это: предсказанія сего рода, какъ и всѣ вообще, полезны только для наложенія узды на простой народъ; но *Худояръ* можетъ легко безъ оныхъ обойтися. Онъ открылъ явную войну своему отечеству, соединивъ всѣхъ своихъ разбойниковъ, и умноживъ оныхъ наемными у Печенеговъ войсками. Начало его отважнаго намѣренія ободрило его успѣхи: онъ побралъ многіе города, и усилясь дерзнулъ

дать сраженіе съ войсками Славянорусскими. Въ сіе - то время узнала я, въ которой сторонѣ нахожусь. Сраженіе оное хотя пріобрѣло ему побѣду, но великой уронъ, имъ претерпѣнной, принудилъ его взять оставшихся для храненія пещеры разбойниковъ. Онъ приказалъ забрать всѣ сокровища и привезти къ себѣ; но разбойники тутъ бывшіе, не знали всѣхъ потаенныхъ чулановъ, отъ коихъ ключи имѣлъ самъ *Худоярь*. Они забирая все, оставили столько, что не всякой Гусударь имѣетъ въ своей казнохранительницѣ. Мнѣ оставлена была свобода, дожидаться ли счастливыхъ успѣховъ *Худоярова* оружія, или ѣхать куда мнѣ угодно; на которой конецъ предложена мнѣ великая сумма денегъ. Я за лучшее сочла отказаться отъ сего награжденія. Ни за что на свѣтѣ не хочу я лишиться (сказала имъ я) вліянія таинственнаго, сообщающаго мнѣ даръ предсказанія: деньги, вами мнѣ предлагаемыя, получены цѣною крови. Увы! (продолжала я, притворно вздохнувъ) они и вамъ будутъ пагубны. Разбойники, не разумѣвъ точно словъ моихъ, отъѣхали. Я осталась одна владѣтельницею пещеры и всѣхъ сокровищъ. Пагубное злато, прельщающее многихъ, показалось мнѣ помощію небесною и весьма нужною въ обстоятельствахъ, въ которыя приведены мы были съ *Савраазаромъ* по

потерянія царства; но въ самомъ дѣлѣ оное удержало меня въ сей пещерѣ. Надлежало его перевезти въ Козары, гдѣ при дворѣ внука моего было достовѣрное убѣжище. Но какимъ образомъ находясь одна, могла я призвать на помощь людей незнакомыхъ и ввѣрить себя онымъ съ великимъ сокровищемъ? Всѣ выдумки мои опровергались опасностію, угрожающею жизни моей. Справедливо и то, что страсть человѣческая раждаетъ смѣшную страсть сребролюбія: я испытала оную надъ собою; ибо не могла разтаться съ хранящимся въ пещерѣ богатствомъ. Размышляя между тѣмъ безпрестанно, вздумала я прибѣгнуть къ лести, и чрезъ оную привлечь въ почтеніе къ себѣ простой народъ, обитающій въ ближнихъ селеніяхъ. Я разумѣла, что суевѣрію подвержена большая часть людей, какъ и всѣ они вообще склонны къ познанію предбудущаго: я рѣшилась обнародовать себя предсказательницею. Въ таковомъ намѣреніи одѣвшись въ мужское платье, и привязавъ бороду (коихъ осталось много, и кои употребляемы были разбойниками для скрытія лицъ ихъ), пошла искать выходу изъ моей пустыни. Нѣсколько дней употребила я на то, чтобъ замѣтить всѣ стези, выводящія изъ лѣсу, и узнать мѣстоположенія. По томъ ходя по деревнямъ, провѣдала, что хотя пещера, въ которой я обитаю, извѣстна, но никто

не

не смѣетъ къ ней приближиться за тѣмъ, что обитаютъ въ ней нечистые духи. Мнѣ разсказали множество повѣстей о страшныхъ привидѣніяхъ, тамъ показавающихся и о погибели дерзскихъ, кои войти во оную отважились; другіе также не преминули увѣрять меня, что оная составляетъ дорогу въ адъ; нашлись притомъ свидѣтели, которые видали выходцовъ изъ онаго. Возпользовавшись таковымъ извѣстіемъ, провозглашала я въ деревняхъ, что извѣстная обитаемая нечистыми духами пещера очищена славною волшебницею; и что предсказательница, знающая все, что съ кѣмъ будетъ, заняла оную своимъ жилищемъ. Сего довольно было къ разнесенію молвы. Не успѣла я возвратиться въ мою пещеру, какъ начали приходить ко мнѣ люди обоего пола, и вопрошать о судьбѣ своей. Я представала къ нимъ въ томъ нарядѣ, въ коемъ вы нашли меня. Не трудно было мнѣ предвѣщать имъ слѣдствія, когда я напередъ выспрашивала у нихъ обо всемъ подробно. Событія нѣкоторыхъ моихъ предсказаній прославили меня, и учинили кумиромъ всѣхъ окрестностей.

Между тѣмъ чрезъ нѣсколько времени узнала я о погибели *Худояровой*. Одинъ изъ разбойниковъ пріѣхалъ ко мнѣ, едва дышущій отъ великихъ ранъ. Онъ увѣдомилъ ме-

меня, что войско *Худоярово* побито на голову, самъ онъ взятъ въ плѣнъ, всѣ товарищи его разбойники, составлявшіе его тѣлохранителей, защищаясь съ отчаяніемъ, изрублены въ куски; и что только одинъ онъ спасшись, пріѣхалъ умереть въ сію пещеру. Ты узнала (примолвилъ онъ) нашу погибель; ахъ! для чего не послѣдовали мы твоему совѣту! Вознамѣрившись удержать его при себѣ и учинить привратникомъ, старалась я излѣчить его раны; однако оныя воспалились, и на другой день онъ умеръ въ раскаяніи о своихъ порокахъ.

Чрезъ нѣсколько по томъ дней пришелъ ко мнѣ *Ардоланъ* въ намѣреніи просить у меня, какимъ образомъ можетъ онъ сыскать дочь своего Государя. Я получила отъ него свѣденіе о любезномъ моемъ сынѣ изъ слѣдующаго его повѣствованія.

— Я родился въ столицѣ Князя Обровъ отъ бѣднаго дворянина, и служилъ при Дворѣ. Жена моя пользовалась нѣкоторыми милостями своей Государыни, и чрезъ самое то учинилась кормилицею, а по томъ мамкою дочери ея Княжны *Арены*. Еще не было больше году, какъ родительница сей Княжны скончалась. Родитель же ея, Князь Обрскій, по причинѣ бывшей тогда войны съ Иранцами, отлучился къ войску. И въ самое то время я, случившись на бере-

регу Хвалынскаго моря, купилъ у торгующаго невольниками купца двулѣтнаго младенца. Купецъ сей обязалъ меня при сей продажѣ клятвою затвердить сему младенцу, котораго звали *Нурединомъ*; что есть у него братъ бливнецъ, называемый *Семіромъ*, коего онъ продалъ въ пропонтѣ Фракійскомъ. — „Изъ сей повѣсти, говорила *Сарaффа*, узнала я, что былъ то мой сынъ. —„ Въ числѣ моихъ покровителей, продолжалъ *Ардоланъ*, находился первый бояринъ, *Зарданъ* именуемый, которой происходитъ отъ роду Князей Обрскихъ, и ближе всѣхъ имѣлъ право къ престолу, естьли бы владѣющій Князь остался бездѣтенъ. Властолюбіе сего Вельможи давно уже подстрѣкало его къ умысламъ; но какъ былъ онъ человѣкъ хитрый, потому весьма остерегался въ выборѣ себѣ повѣренныхъ. Я не зналъ того, что онъ на меня устремилъ въ томъ свои намѣренія, и удивлялся благодѣяніямъ, получаемымъ отъ него безъ всякихъ заслугъ моихъ. Естественно то, что не могъ я къ одолженіямъ его быть равнодушенъ, и старался всевозможнымъ образомъ доказывать мою къ нему привязанность. Нѣкоторые опыты, въ коихъ явилъ я мою къ нему вѣрность, увѣряли его, что можетъ онъ на меня положиться. Въ нѣкоторый день призвавъ онъ меня,

открылъ причины, принуждающія его стараться о своемъ возвышеніи. Ты разумѣешь, говорилъ онъ, какая надежда предстоитъ тебѣ отъ онаго, и что одна Княжна *Арена* состоитъ всему препоною. Онъ приказывалъ притомъ мнѣ умертвить ее ядомъ. — Подумавъ о семъ, сказалъ я ему: смерть Княжны не можетъ принести вамъ пользы. Кончина ея понудитъ нашего Государя помышлять о новомъ бракѣ, и лѣта его не такъ еще глубоки, чтобъ не могъ онъ получить наслѣдниковъ. Но мнѣніе мое не покажется ли вамъ лучшимъ средствомъ? Недавно купилъ я невольника, младенца почти равныхъ лѣтъ съ *Ареною*, и по игрѣ природы весьма сходнаго лицемъ къ ней. Сего мальчика можно перемѣнить вмѣсто Княжны, а ее потомъ лишить жизни. Государь нашъ легко можетъ воспитать его вмѣсто дочери, и лѣта откроютъ полъ его; но между тѣмъ хотя узнаютъ обманъ, однако уйдутъ уже годы получить ему дѣтей отъ новаго брака, къ коему оказываетъ онъ отвращеніе. *Зардану* столько понравилась моя выдумка, что онъ облобызавъ меня, одарилъ щедро и повелѣлъ оную произвесть въ дѣйство. Ослѣпясь обѣщаніями его, убѣдилъ я къ тому жену мою, и *Нурединъ* по переименованіи *Ареною* воспитывался вмѣсто Княжны; однакожъ

кожъ не могъ я рѣшиться возложить руки мои на кровь моего Государя, и продалъ оную вмѣсто раба моего купцу, торгующему невольниками, назвавъ ее *Нурединомъ*. Съ того времени не знаю, что съ нею послѣдовало. Что надлежитъ до *Нуредина*, оный во время двугодичнаго отсутствія Князя родителя *Аренина*, довольно выросъ, и какъ не былъ узнанъ подлогъ мой, считался отъ него вмѣсто дочери. Раскаяніе начало мучить меня, когда помыслилъ я о бѣдственной судьбѣ, коей подвергъ я дочь моего Государя. Оное умножилось, когда послѣдовала скоропостижная смерть *Зардану*, пресѣкшая всѣ его высокіе замыслы. Пока онъ живъ былъ, ожидалъ я, что можетъ меня защитить въ винѣ моей, необходимо открыться долженствующей; но тогда жена моя, а по тому и я, оставались безъ помощи жертвою справедливаго мщенія Государскаго. *Нурединъ* возрастая умножалъ страхъ нашъ: склонность его къ оружію, и отвращеніе ко всѣмъ женскимъ упражненіямъ, а притомъ и лѣта, въ кои борода пробиваться у мущинъ начинаетъ, не долго могли укрыть наше таинство. Жена моя не спуская его съ глазъ своихъ, могла брать возможныя предосторожности, и хотя натвердила ему, что благополучіе его зависитъ отъ утаенія его пола: но между тѣмъ безпрестанная за-

бота и страхъ повергли ее во гробъ. Тогда отчаяніе мое изгнало меня изъ отечества: я положилъ, странствуя по всему свѣту, искать дочь моего Государя, и до тѣхъ поръ не возвращаться, пока щастливой успѣхъ подастъ мнѣ надежду ожидать прощенія отъ моего Монарха. Я могъ бы узнать ее по находящемуся у нее на лѣвой икрѣ природному пятну, подобному полумѣсяцу; однако разгнѣванныя преступленіемъ моимъ Небеса наказуютъ меня, опровергая всѣ мои надежды: объѣздилъ я почти весь свѣтъ, не получивъ ни малаго о нещастной *Аренѣ* извѣстія. Наконецъ молва, разносящая славу о вашихъ предсказаніяхъ, привела меня въ сію пещеру.,, — Выслушавъ *Ардолана*, съ радостію открыла я, что по всѣмъ обстоятельствамъ купленный имъ и на мѣсто Княжеской дочери подмѣненной *Нурединъ*, былъ сынъ мой. Я не утаила отъ него всѣхъ моихъ приключеній, и того, что одно лишь нещастіе принудило меня учиниться предсказательницею. Подумавъ нѣсколько, сказала я ему наконецъ: какъ обстоятельства наши имѣютъ между собою нѣкоторое сходство и связь, употребимъ по тому взаимно стараніе къ сысканію особъ, составляющихъ забошы и печаль нашу. Молва, разнесшая славу о моихъ предсказаніяхъ, великую окажетъ намъ помощь, и всеконечно

но приведетъ ихъ въ пещеру сію. Останься со мною *Ардоланъ*; я учиню тебя привратникомъ мнимой предсказательницы; ты и безъ того не имѣешь ничего привлекающаго тебя въ отечество свое.

Ардоланъ принялъ совѣтъ мой. Для лучшаго поспѣшествованія нашему ожиданію посовѣтовавъ съ нимъ, послала я его въ Бужанское боговѣщалище, снабдивъ довольнымъ числомъ золота. Я не сомнѣвалась, что отвѣты Золотой-бабы невеликую разноту имѣютъ съ моими предсказаніями; и для того велѣла ему подкупить верьховнаго жреца къ тому, чтобъ онъ у всѣхъ приходящихъ туда къ вопрошенію узнавалъ имена. И естьли случатся въ оныхъ *Савраазаръ*, *Семіръ*, *Нурединъ* и *Арена*, то отсылалъ бы ихъ въ пещеру къ предсказательницѣ, обитающей въ Славянсрусскихъ странахъ. *Ардоланъ* совершилъ съ успѣхомъ путь сей. Верьховной жрецъ безъ лишнихъ оговорокъ взялъ золото, и клялся исполнить наше желаніе. Безъ сомнѣнія, любезныя дѣти (говорила она *Семіру* и *Нуредину*), посѣтили вы Бужанское капище. — *Семіръ* и братъ его подтвердили ея догадку. — Что надлежитъ до таинственнаго зеркала, предъ которымъ былъ любезной мой *Нурединъ* (продолжала она): оное ничто иное, какъ выдумка. Для удостовѣренія въ осо-

бахъ, которыхъ мы искали, надлежало осматривать знаки, находящіеся у дѣтей моихъ и у *Арены*: для сего условились мы съ *Ардоланомъ* въ особливомъ отдѣленіи пещеры, гдѣ прежде сего живала разбойничья стража, поставить вылощенную стальную доску, предъ коею всѣ сомнительныя должны были обнажать правое плечо и лѣвую ногу. Въ таковомъ расположеніи, надежда моя на помощь небесную безпрестанно питалась; я не помышляла объ отъѣздѣ моемъ въ Козары. Но до сего щастливаго часа всѣ ожиданія мои худо были удовольствованы.

Чрезъ нѣсколько времени посѣтила мою пещеру прекрасная Княжна *Предслава*. Узнавъ подробно всѣ ея приключенія (о которыхъ можетъ она сама васъ увѣдомить), совѣтовала я ей остаться со мною, обѣщая довѣренность ко мнѣ народную и Бужанскаго верьховнаго жреца употребить въ ея пользу. Доброй старикъ *Ардоланъ* ѣздилъ по сему вторично съ подарками въ храмъ, орошаемый священными водами Буга. *Предслава* тѣмъ охотнѣе склонилась на мое предложеніе, чемъ безопаснѣе находила убѣжище въ пещерѣ сей. Гоненія, претерпѣнныя ею отъ неистоваго любовника, и слабый полъ, могли на пути въ ея отечество подвер-

вергнуть ее разнымЪ бѣдствіямЪ, коихЪ и такЪ выдержала она немало. —

ТаковымЪ образомЪ Царица Колхидская окончала свою повѣсть, и возобновивЪ обниманія детей своихЪ, желала узнать ихЪ приключенія. Оныя разсказали повѣсти свои, какЪ увидимЪ вЪ началѣ четвертой Части.

КОНЕЦЪ III ЧАСТИ.